

**ЗЕПП
ХОЛЬЦЕР**

**Аграрий-
революционер**

SEPP HOLZER

DER AGRAR-REBELL

Unter Mitarbeit von Konrad Liebchen

7. Auflage

Leopold Stocker Verlag
Graz – Stuttgart

ЗЕПП ХОЛЬЦЕР

Аграрий- революционер

Перевод с немецкого

Орёл

Издатель Светлана Зенина

2008

Lizenzausgabe 2007 mit Genehmigung Der Leopold Stoker Verlag GmbH, Graz
Sepp Holzer, Der Agrar-Rebell Copyright © 1. Auflage 2002 by Leopold Stoker Verlag, Graz

Хольцер Зепп

X 75 Аграрий-революционер / Зепп Хольцер ; Пер. с нем. Э., А.
Шек. — Орёл : С. В. Зенина, 2008. — 176 с., ил.
ISBN 978-5-902802-28-0 (рус.)
ISBN 3-7020-0970-1 (нем.)

Ни один крестьянин в мире сегодня не имеет такую известность, как Зепп Хольцер. Его хозяйство Краметерхоф, ставшее живой лабораторией для ученых, притягивающее ежегодно тысячи людей со всего мира в Лунгау — «Австрийскую Сибирь», доказывает, что только единство с природой, ненасилие над ней, а наблюдение, вчувствование и понимание окружающего нас мира — залог успеха, залог достойной, радостной и счастливой жизни. У Зеппа Хольцера все живет и все растет благодаря грамотно запущенному круговороту, где солнце, воздух, вода, земля, все живые существа и растения выполняют каждый свою задачу, оставляя человеку право пожинать плоды.

В этой книге — путь Зеппа Хольцера к новой форме сельского хозяйства — пермакультуре, его опыт, его мировоззрение, его философия и его послание ко всем людям.

ББК 40

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя издания на русском языке Шек Эдуарда.

ISBN 978-5-902802-28-0 (рус.)
ISBN 3-7020-0970-1 (нем.)

© Leopold Stoker Verlag, Graz 2002
© Шек Э., А., перевод на русский язык, 2008
© Издание на русском языке, оформление.
Издатель С. В. Зенина, 2008

Благодарим

*Зенна Хольцера за оказанное нам доверие и его неоценимый труд;
Австрийское издательство Leopold Stoker Verlag за содействие в издании
книги;*

Леночку Зебольд за помощь в переводе;

*Светлану и Дана Зениных, Светлану Савельеву, Андрея Лебедкина за под-
готовку книги к изданию;*

брата Сергея Львовича Сабина и

Виктора Эдуардовича Попова за финансовую помощь;

*наших друзей Веронику Толкачову и Владимира Крамского за вдохновение
и всяческую моральную поддержку, а также за распространение этой книги.*

Эдуард Анжелика Шек

Содержание

Наша поездка к Зеппу Хольцеру	9
Аграрий-революционер – как я вижу Зеппа Хольцера (Бернд Лёч)	12
Предисловие	20
Грядка на каменистом откосе «Кусачие черви»: детство	21
Воспоминания раннего детства	21
Первые опыты с зародышами растений в маминых горшках	25
Неудобица «Кусачие черви» – мой первый участок	27
Преждевременный сбор урожая	28
Тяжёлые работы на новостройке конюшни	28
Начало учебного 1950 года	29
Первая продажа и обмен	30
Рыбы – моя первая живность	31
Бизнес с одноклассниками	35
Страх перед уроком религии	36
Пропускали школу из-за работы	37
Каверза с работником Изидором	37
Моя первая лама	38
Несчастный случай в конюшне	38
Работы по хозяйству	38
Этот прекрасный вкус льняного масла	40
Первые опыты пересадки плодовых деревьев	41
Дети сегодня завоспитанны	43
Игра в карты – слабость моего отца	44
Дороги и заблуждения	
Окончание школы – моё заблуждение начинается	46
Моя специальность – фруктовые деревья	47
Обучение ведению рыбного хозяйства на Мондзее	52
Письменные работы для всей округи	55
Досрочное окончание воинской службы из-за вступления в права собственности на землю	55
Первое время молодого крестьянина	57
Новая дорога – большие затраты	57
Выкуп государственного участка	58
Целители и медики	58
Создание семьи	59

Первый телефон в Крамерере	61
Дополнительный доход – сезонные работы	63
Разведение грибов – успешная ниша до катастрофы в Чернобыле	63
1969 – 1975 гг.: заказник, закусочная, гостиница	63
Зависть – ужасный груз	67
Покупка новых участков	68
Разведение нутрии	68
Пчеловодство	68
Разведение редких птиц	69
Проект «Рысь»	69
Ядовитые растения очень важны для животных	71
Разница между домашним и диким крупнорогатым скотом	73
Горечавка: удачное разведение	73
Разведение ценнейшей ивы серебристой	75
Встречи с людьми, утерявшими связь с природой	77
Разведение змей	78
Опытный проект «Компостирование отстоя»	80

Директор лесного хозяйства без охотничьего билета – случаи с охотниками и охотвластями

Начало охотаренды	81
Директор лесничества приглашает себя сам на охоту	81
Приговор Общественного Охотничьего Суда Чести	82
Возвращение прав на охоту	83
Негативные последствия монокультур	83
Случаи с гостями-охотниками и браконьерами	87

Разведение рыбы, прудохозяйствование.

Глава рыбного хозяйства в медвежьих владениях

Разведение рыбы: начало	90
Альтернативные возможности кормления рыб	92
Многообразие рыб в одном водоёме	96
Камни для тёплой воды	97
Клуб спортивной ловли рыбы	97
Восстановление прудов	98
Правовые проблемы строительных проектов	98
Представители интересов Федерального Союза	
Рыбных Хозяйств против членов Союза	101

Заявления, справки и издевательства: опыт с властями

Рибернская дорога – проект через все инстанции	104
Чиновники не знакомы с практикой	107

Бессмысленные предписания, как вести хозяйство с загонами для диких животных	107
Последний неоконченный процесс	108
Моя стратегия защиты	110
Проблема с налогами	111
Взгляд чиновника	112
Мой опыт работы в Палате Советов и Сельсовете	113
Различные интерпретации «Лесного Закона»	114
Судебный процесс из-за мельницы	115
Склад	116
Опыт с людьми	117
Сады разнообразия: Краметерхоф сегодня	
Пермакультура — дорога для всех	119
Например — «Страна урожая»	121
Пермакультура в городе	123
Содержание свиней в природе	125
Старые культурные и дикие растения	129
Семейная жизнь — это важно	132
Передавать знания дальше	133
Высокие плоские и высокие холмистые гряды	136
Техника сбора воды	141
Дождевые черви — ценнейшие сотрудники в пермакультуре	141
Разведение муравьев — особый процесс	143
Краметерхоф сегодня	144
Проект «Страна естественных природных ощущений в Лунгау»	149
Проекты за границей	
Проекты в Южной и Центральной Америке, в Боснии и Северной Америке	157
Человеческая трагедия в Колумбии	161
Гигантские гари в Бразилии	163
Плохое водоснабжение и селевая опасность в районе Меделлина	166
Благотворительная акция для Колумбии	170
Заключение	
Философия многообразия пробуждает интерес к сельскому хозяйству	172
Честность и прямота в общении	172
Природа проста и совершенна	173
Мое послание	173

Наша поездка к Зеппу Хольцеру

Бывают в жизни у каждого человека события, которые по силе светлых чувств оставляют в сердце такой неизгладимый след, что даже по прошествии времени наполняют душу, заставляют быстрее работать мысль и призывают действовать.

В августе 2006 года, с нетерпением дождавшись экскурсионного дня, мы с детьми на своей машине устремились через пол-Германии в Австрию, к удивительному человеку — Зеппу Хольцеру, сотворившему на своих 46 га живое, самодостаточное пространство, о котором нам с восторгом рассказывали друзья, там побывавшие. В Австрии мы были впервые. Добравшись до границы, мы остановились отдохнуть и покушать. Над нами нависла огромная чёрная туча, разразившаяся канонадой грома, метанием молний и таким проливным дождём, что мы с некоторым испугом, но всё же с радостью были вынуждены забраться в машину и продолжить обед под крышей. Когда въехали на территорию Австрии, перед нами предстала чудеснейшая картина. Умытые дождём и испаряющие дымку тумана старые невысокие горы, сплошь покрытые растительностью, создавали атмосферу уюта на выходящей, как лента сквозь горы, с множеством туннелей дороге. Только к вечеру мы добрались до места. Нам предстояло переночевать в палатке и рано утром отправиться на экскурсию. Ночь была настолько морозной, что мы впятером, прижавшись друг к другу, едва смогли согреться, и это — после горячего ужина! Хорошо, что взяли с собой тёплую одежду и обувь на случай дождя.

Утро выдалось ясное, но холодное. Наскоро позавтракав, мы уже в 8 часов стояли у ворот в Краметерхоф. С первого момента и в течение всего дня мы не переставали то восторгаться, то радоваться, то удивляться.

За старыми ржавыми воротами начиналось, удивляющее своими красками буйно растущее, разнообразнейшее по высоте и лаконично сплетённое в единую умиротворяющую, обнимающую ароматами и ещё чем-то необъяснимым, пространство. Мы стояли за воротами, как в преддверии чего-то неповторимого, доброго, ласкового.

Прожив много лет в Германии и по привычке к её разнообразию — с множеством цветущих палисадников, у каждого на свой манер, чистеньких и аккуратных огородов, утопающих в цветах всё лето до зимы домиках и аллеях, выстриженных зелёных лужаек у хвойного леса — мы были подобны людям, вышедшим из пустыни. Смешно вспоминать, но мы стояли, «открыв рот», и вдыхали смесь ароматов, которые источали стоящее прямо за воротами огром-

ное хвойное дерево непонятной породы и множество других растений, росших рядом, улаждающих обоняние яркими и еле уловимыми запахами.

К 8.30, когда все собрались: человек 30 из Германии, Швейцарии и Австрии – это было видно по номерам машин, к воротам подошел Зепп Хольцер, отворил их, здороваясь со всеми и радушно приглашая войти. На первых же метрах аллеи нас удивило, что в высоком, на первый взгляд, ни чем не приметном, разросшемся кустарнике, на высоте двух метров или чуть выше висели ягоды красной смородины, оплетающей ствол; немного дальше в привязанных на стволе дерева мешочках земли цвели орхидеи и другие теплолюбивые растения. И это в горах, на высоте 1300 м над уровнем моря!

Мы вошли в добротный сруб, где готовила душистый травяной чай жена Зеппа — Вероника Хольцер, «моя Врони», так ласково он называет её. После чая и двухчасовой ознакомительной беседы мы отправились в путешествие, чтобы воочию увидеть то, что способен сотворить человек, устремлённый к познанию природы с её разнообразием и естественными взаимосвязями.

С первых же шагов все, получив разрешение собирать семена и вкушать плоды, уподобились детям: этот процесс собирания вызвал в нас и ребятишках почему-то огромную радость. Ягоды были повсюду — смородина, малина лесная, ежевика, вишня стольких сортов, что трудно даже представить. При этом всё было продуманно и удобно: те деревья, что встречались в садах, имели лестницы, как бы приглашая — «попробуй моих ягодок»; на склонах вдоль рядов яблонь, груш, вишен, слив и других плодовых вились лентой земляные валы метровой высоты, где среди естественного разнообразия трав росли топинамбур, редис, салаты, редька, картофель и множество другой снеди; взобравшись на такой вал, можно было легко достать понравившуюся ягоду и тут же съесть её.

Делая редкие остановки, Зепп Хольцер щедро делился своим опытом, без усталости объяснял, показывал творение рук своих — пруды, сады, водяную мельницу, молотилку, островок, обнесённый рвом с водой, приютивший уток; зерновые, как лес, среди которых многолетний русский злак; люпины, ирисы на берегах прудов, удивительная горечавка; маленькие прудики с раками; лимон, приютившийся на склоне среди камней; ручейки, роднички; своя электростанция; свиньи какой-то необычной расы, которых Хольцер называет своими лучшими работниками.

Обласканные природой и чуть-чуть утомлённые, проделав путь не менее 10 км за день, мы, радостные, завершали своё путешествие на вершине горы, на высоте примерно 1500 м над уровнем моря, где в каменном гроте нас ждала Вероника Хольцер с пирогами, горячим кофе, травяным чаем и бузинным квасом – на выбор, а такого изумительного нежного теста, как здесь, мы никогда не пробовали! Выпечка коричневатого цвета, видимо, соединявшая в себе несколько сортов злаков, была ароматной, тёплой и просто воздушной, не только наполняющей желудок, но и питающей душу. Покушать можно было

здесь же, за деревянными, длинными столами у крепкого дома-сруба, или внутри него, где печка в полкомнаты источала тепло и была очень красивой — с выступами-лавочками, облицованная расписным кафелем. Некоторые люди ушли за дом, где прямо на озере стояла на сваях площадка — простенькая, с лавочками, деревянными мостками и чудесным видом на это огромное озеро, огибающее дом с двух сторон. Было трудно поверить, что все это чудо — творение рук человеческих.

До позднего вечера Зепп отвечал на вопросы всех и каждого, окружая людей такой теплотой, будто делился частичкой себя. Мы уезжали последними, наполненные и вдохновлённые, заряженные нескончаемой энергией и очень мощным ощущением реального осуществления своей мечты!

— У вас всё получится! — утвердительно сказал Зепп, посмотрев фотографии нашей земли и выслушав наш план.

— Главное — не сдаваться и не останавливаться ни перед какими трудностями, — говорил он нам напоследок.

В 23.00 мы выехали обратно, и три часа ехали окрылённые, увидев воочию, как воплощаются мечты бесстрашного человека, к которому едут люди со всего мира, учатся и уезжают, чтобы сделать что-то своё.

P.S. Эта поездка вдохновила нас взяться за перевод книг Зеппа Хольцера. Получив от него разрешение, мы радуемся, что теперь их можно прочесть и на русском языке.

Опережая события, просим читателя быть снисходительным к шероховатостям перевода. Мы старались сохранить смысл бесценнейшего опыта Зеппа Хольцера, накопленного полувековым трудом на своей земле. Пусть он поможет всем желающим в сотворении своих сказочных пространств.

Доброго вам пути, друзья!

Эдуард Анжелика Шек.

Аграрий-революционер —

как я вижу Зеппа Хольцера (Бернд Лёч)

«... я поменял один университет на другой, университет Висконсин на университет дикой природы», — писал Джон Муир (1838-1914) — совесть окружающей среды и проповедник дикой природы тогда ещё молодых Соединённых Штатов, о важнейшем повороте в своей жизни.

Так же и у меня произошёл поворот, когда я в августе 1995 года похитил моих студентов из университета и побывал с ними в «дикой культуре» воинственного Зеппа Хольцера, на бьющем жизнью через край южном склоне, через Рамингштайн у Тамсвега в Лунгау, на высоте между 1000 и 1500 м.

Я не доверял сначала рассказам о Крамтерхофе, скепсис — моя профессия. Естествоиспытатели могут быть очень заносчивы, когда они противостоят оригинальному.

«Прежде чем сильно удивляться, лучше я не буду верить», — это утвердившаяся смешная карикатура ещё до 70-х годов на школьных преподавателей.

Профессор-исследователь (доктор Рудольф Хабисон), который у Хольцера иногда постреливал косуль и ловил рыбу, познакомил меня с молниеносно реагирующим и упрямым крестьянином. Вместо того, чтобы жаловаться, он был полон идей: оттеррасировал крутой склон с бедной почвой и превратил его в сверкающую лестницу с прудами, озёрами и рвами (более 30), посадил плодовые деревья вместо еловых плантаций, построил собственную электростанцию, великолепные срубы для гостей, множество загонов для диких животных, теплицу для новогвинейских попугаев и синелобых амазонов, каждый из которых стоит 10 000 шиллингов (727 евро). Хольцер наблюдает за природой с детства, и заметил сразу, что только многообразие страхует биологическую систему, а не однообразие, и на этом он основал экономически здоровое хозяйство.

Хольцеровские террасы – опустошение леса?

«Какой здесь вид на террасы! Великолепный! Груши, яблони и вишнёвые деревья. Деревья я потом продаю. Внизу, на высоте 1100 м, вишни созревают в середине июня, а сверху — в конце сентября. И так у меня постоянно есть вишни. Между грядами — спаржа, топинамбур, разные сорта картофеля и всевозможные овощи. По «Лесному Закону» это называется опустошением леса».

Только новое выражение — «дикая культура» — несёт в себе противоречие. Как может это быть диким, если обрабатывается?

Нужно отдать должное: Хольцер мужественно борется против монокультуры (которая является «наследственным грехом» цивилизованных людей, как

постоянно говорил одухотворённый Карл Буриан). Когда Хольцер отказался высаживать ёлочную монокультуру (потому что иголки окисляют почву; ёлки подвержены вредителям, а их поверхностные корни не держат по-настоящему крутой склон; нечего есть зверям, нет разнообразия фауны, и нет возможности постоянного использования земли, даже нет места, где гости могли бы набраться силы и отдохнуть), он попал под штрафы и судебные процессы с властями. Он выстоял их — и финансово, и морально.

Так же воюет он — из-за строительства лесной дороги — со множеством предписаний и большими затратами, сначала они (власти) срывают склон, а потом требуют возведения дорогих защитных сооружений.

Когда я заступился за него, власти, которые следуют букве закона, оказались в замешательстве — такой глубокой была пропасть в их представлении о порядке в лесу. Как можно защищать «такого», который в мешках таскает целые муравейники из леса на свой участок и при этом задаёт вопрос призвавшему его к ответу дипломированному инженеру лесничества:

— Вы имеете в виду *Formica rufa* или *Formica polyctena*?, тем самым введя его в смущение.

Даже власти заповедника удивлённо отреагировали: как я могу перевёрнутый экскаватором ландшафт находить естественным, где на каждом шагу кишит подделкой флоры и экзотики! Что здесь, в Лунгау, потеряли абрикос, дрок красильный, новозеландский киви, субтропические водяные растения, цитрусовые, хмель, сладкий картофель? Здесь же предназначено быть еловому лесу?!

Так что же имел в виду Хольцер со своим прелестным парадоксом «дикой культурой», прежде чем ему сказали, что он развил альпийский вариант «пермакультуры» — через большое разнообразие и взаимопомощь видов, биологическое саморегулирование и круговорот безостановочного хозяйствования с удивительно высокими показателями урожайности (за этот принцип тасманский профессор Якоб фон Икскуль получил альтернативу Нобелевской премии)?

Конечно же, Хольцеровский райский сад не является «диким». Но и не является настоящей культурой, с такими минимальными трудозатратами. Он содержит в себе все принципы успеха настоящей дикой экосистемы — только выглядящей хаосом многообразия экологических ниш, за которой прячется живой порядок: синергия, конкуренция, самостоятельная регуляция и круговорот.

Это управляемая случайность остроглазого наблюдателя природы.

— Случай, благоприятствующий только подготовленному духом, — открыто высказался Луи Пастер о ключе к гениальности из собственного опыта.

Другой нобелевский лауреат, открывший витамин С, — Сент-Дьёрдьи думал:

— Исследовать значит видеть то, что видят другие, при этом думать то, о чем никогда не думал другой.

Это если бы вы знали Зеппа Хольцера, и я должен был дополнить что-то для объяснения его успеха, то я бы сказал:

— Успех — это жить на проценты от природы, а не от капитала.

— Успех — это идти впереди своего времени и тем не менее быть понятным.

И его понимают! Мои студенты с факультетов науки о питании и биологического целыми днями учились и ловили каждое его слово:

- как можно на кусках скалы до сих пор не продуктивного южного склона, в «Сибирской Австрии», со среднегодовой температурой в 4,2°C, а зимой — до -25°C, выращивать теплолюбивые растения от абрикосов и персиков до тыквы рекордных размеров;

- как плодовые деревья биологическими методами защищают от поедания зверьём, и это при такой плотности заселения животных на его участке, о котором могут только мечтать другие охотугодия;

- когда необходимо рубить лиственницу, чтобы из её древесины делать прочную кровельную дранку и даже производить почти не горящую обшивку для дымоходов;

- как заселить воробьиного сычика против мышей и даже полёвок;

- как использовать стволы деревьев для разведения таких грибов, как опёнок осенний и шиитаке, который стоит в Германии более 31 евро за 1 кг, потому что ему приписывают противоопухолевое и холестеринопонижающее действие;

- как из опилок, грибных спор и экстракта трав, даже на кислой лесной почве, вырастить прекрасные грибы семейства лисичковых;

- как ухováрку использовать в садоводстве;

- как по дорогам, на склонах выращивать овощи;

- как из дерева вишни и корня горечавки выгонять ценнейший шнапс;

- как при помощи экскаватора с крутящимся ковшом озеленять гостиницы выросшими деревьями со склонов Хольцера – громаднейший шанс для сельхозработников, которые думают о будущем, ведь на туризм выделяют миллионы, так что за одно пышное дерево, которое уже на будущий год будет выглядеть впечатляюще, с удовольствием дадут одну–две тысячи евро — вместо того, чтобы ждать годы, пока из метёлки вырастет наконец-то статная лиственная крона.

Были очарованы полудико живущей шерстяной свиньёй мангалица: выглядело, будто она понимала каждое слово своего господина. Когда он встречал её вне загона, то ругал, и она быстро возвращалась через «нелегальную» дырку в загоне назад.

В настоящее время он использует сообразительных турапольских свиней, ухитряется содержать их в естественных для этого вида условиях.

Хольцер о свиньячем счастье и о пашне

«...я должен только рассыпать сладкого гороха, в поисках которого они копошатся, а утром уже всё перепахано. А послезавтра ещё пару горошин, свиньи снова ищут его и заодно боронят землю. Сначала они удобрили, вспахали, а потом проборонили.

Совсем не прихотливая раса из Хорватии, завезённая туда в своё время, предположительно, Марией Терезой. Они приносят приплод, который я могу продавать, мясо и сало.

Когда животное чувствует себя хорошо, тогда и продукт получается здоровым.

Я не желаю запирать зверей, играть роль тюремного надсмотрщика и кормить моих пленников в свинарнике. Они шумят и кричат в хлеву, когда снаружи светит солнце. Сколько животных сегодня не видят солнца! Такое должно быть запрещено, люди при этом становятся мучителями животных – это преступление сегодня ещё широко распространено. Однако они могут жаловаться. А мне не на что жаловаться, когда всё работает на меня».

Что он только не перепробовал – и почти всё в его руках стало успешным. При этом как только у него, с опозданием, появлялась конкуренция, и вскорости многие начинали заниматься тем же, Хольцер делал уже другое. Постоянно искать новую нишу значит оставаться вне конкуренции – это экологический принцип успеха, который одновременно является его экономическим секретом.

Хольцер об избежании конкуренции

«У меня также есть дикий крупнорогатый скот, к примеру, яки, бизоны, шотландская порода горных коров — очень крепкие породы диких животных, и, прежде всего, домашние виды животных, которых я успешно развожу. Сейчас этим занимаются некоторые мои соседи. И что делают соседи, не делаю я.

Я не хочу создавать им конкуренции. Есть ещё так много другого в сельском хозяйстве, что я хотел бы сделать. И как только кто-то повторит, я начну делать что-то иное. Так никому не будет скучно, и будет всегда что познавать нового. Это делает существование крестьянина интересным».

Он содержал лань и дикий рогатый скот, такой, как бизоны, зубры, яки, или полудикие шотландские горные коровы. Так как мясо отстреленных в загонках зверей не подлежит санитарному и гигиеническому осмотру, за него можно было получить хорошую цену. Однако из-за дешёвого восточного импорта упа-

ла цена за живую лань — с 12 000 – 14 000 шиллингов (872 – 1017 евро) за штуку до 2 000 шиллингов (145 евро), и на мясо — до 20 шиллингов за кг (1,45 евро). А после аварии в Чернобыле упали цены на мясо дичи и на грибы. Пришёл конец размножению нутрий, когда восточный импорт пушнины упал в пять раз. Подобное произошло и с разведением глухарей, тетерева-косача и рябчиков.

Его предпринимательская фантазия должна иметь быструю реакцию на постоянное изменение условий, чтобы не потерпеть экономического фиаско.

Один из студентов, побывавший с нами у Хольцера, позже защитил в институте народного хозяйства диссертацию о Крамтерхофе, на крутом склоне которого «лежит» ещё добрая дюжина диссертаций для биологов; тогда были бы научно проверены интересные наблюдения, эксперименты и утверждения, к примеру: как избежать поедания животными коры, молодых побегов деревьев и кустарников, оставляя то, что им нужно, или — как предоставить диким животным и при их разведении всё необходимое для их тела (когда у них кишечные паразиты, они идут к папоротнику и горькому люпину, к которым обычно не прикасаются; а также его птички вольеры, где птицы сами берут необходимое количество дурмана, камписиса или аконита, когда он лечит их от паразитов).

Одни его знания о содействии (или препятствовании) различных видов растений, «или первый высев подготавливающих растений, которыми он в большинстве случаев начинает засеивать вырубки (люпины, дельфиниум, кориандр и фенхель), были бы достойны диссертации, а также его искусные приёмы, которыми он содействует жизнеобеспечению ежей, ласки или воробьиного сычика, или его наблюдения за лесными муравьями, его глубинный взгляд на жизнь во влажных биотопах — эти вопросы возникают только из жизни в природе, и никогда — в стерильной атмосфере лаборатории.

Диалог Хольцера с растениями

«Эти растения способствуют развитию — сладкий люпин, клевер (для азота), горох и подсолнухи.

Нужно природу заставить работать на себя, наблюдать, разговаривать с растениями. Они скажут, хорошо ли они себя чувствуют. Если иметь чуточку чувств, то можно переместиться в них, тогда они будут расти везде. Тогда не будет хороших или плохих условий, только более или менее способные люди будут жить в кооперации с природой, а не в конфронтации с ней».

Его разговор с растениями — это скорее безмолвный диалог внимающего тончайшим сенсором тихие ответы растений.

Если бы его «дикая культура» не была бы уже названа «пермакультурой», я бы её окрестил «райской культурой» — ведь рай для людей никогда не был

диким, а был эдемским «садом». «Дикость (прежде чем она превратилась в отмирающие остатки) в большинстве случаев была страшной, да жутко для хомо сапиенс» («Культурное существо из природы»). Гелен, Лоренц).

Бесспорно, что хомо сапиенс 99,9% своей эволюции провёл в природной среде (в маленьких социальных группах). Даже это имеет последствия. Сегодня в техническом, лишённом очарования запасном мире из мегакубов и «Безбожных прямых», безымянной агломерации населённых пунктов мы видим увеличивающийся невроз, шок потери природы. Последние островки природы становятся пищей для души, как витамин для ума; тащат ветки из джунглей, полные эпифитов, в пустые залы бюро дворцов, ищут в садовых прудиках воспоминания о потерянном рае. Мы видим это в садах эпохи романтизма и английских парках, «идеальных ландшафтах» и в райских картинах старых мастеров — на окраинах водоёмов, в пойменных лугах и могучих деревьях, возможно, во фрагментах руин, или в мирных, не боязливых, как в заповеднике, экзотических животных...

Не дикость является желанием большинства людей, а ландшафт («Landschaft schafft, wer mit dem Land schafft»). «Ландшафт творит, кто на земле работает», — сказал творческий проповедник идеи естественного сада, голландский художник Луи Ле Рой («Включать природу, выключать природу» — назывался его иронический бестселлер). Вместо педантичного мышления порядка «всё по линейке и ядом для слизней» дать природе снова возможность всё сделать самой, прислушиваться к ней — тот, кто хочет владеть природой, должен слушать её. Не дикостью, а одичанием называется требуемая временем, застроенная конструкциями цивилизационная и аграрная пустыня. Поэтому Конрад Лоренц основал со своей женой Гретль (дочерью садовода), а также с друзьями, такими, как Анталь Фестетикс и Бернд Лёч, развесёлый элитный клуб «Союз по производству и сохранению полудиких состояний», где Луи Ле Рой и Фриденсрайх Хундертвассер объединились.

Также важна попытка Зеппа Хольцера сделать то же и в стандартной аграрной индустрии. Как же ещё может стать крестьянин «опекуном, восстанавливающим ландшафт» в Австрии, где ландшафт сделали фабричным залом, квадратными километрами, акцентами которого являются высоковольтные столбы линии электропередачи, речушки, обсаженные трубами, мешки развешенных удобрений, упакованный силос и хвост пыли, поднятый одиноко рычащим под открытым небом трактором индустриального рабочего (молодое поколение крестьян начинает тоже задумываться)? Для этого крестьяне должны себе снова создать творческое свободное пространство.

Это нелегко сделать в жёстких экономических клещах консультирующих служб и корсетах финансирования бюрократии Европейского Сообщества.

Зепп Хольцер своим ни с чем не сравнимым примером должен придать вам мужества. Он не подходит ни к одной схеме финансирования. Он должен

протестовать. Это очень полезно для нашего «постимпериалистического государства под ёлками» (с «придворными советниками» без двора, автор сам является таким). Здесь склонность к поспешному послушанию. Хольцер, напротив, развил стиль поспешного непослушания, и я вижу, у него срabатывает.

Хольцер об опеке крестьян

«Прискорбно, когда крестьянин, опекаемый теоретиками, позволяет им предписывать ему, как обрабатывать землю. Эта послушность чиновникам — проблема, потому что молодые крестьяне уже воспитываются так, чтобы с шляпой в руках идти к властям и делать то, что им скажут».

Обобщаема ли хольцеровская дорога? Краметерхоф недавно превратился из производящего продукцию в смотровое хозяйство, экспериментальную лабораторию альтернативного будущего в альпийском сельском хозяйстве. Можно ли это приписать творчеству?

Хольцер настолько же обобщаем, насколько кислое тесто или дрожжи могут заменить хлеб. Многое, что мы называем экономическим или экологическим кризисом, в первую очередь является кризисом фантазии, и Зепп демонстрирует это прямо на глазах.

Даже трудно представить, как необходима его помощь развивающимся странам. Его забирают с крутых склонов Лунгау в Колумбию, Коста-Рико, скоро, наверное, поедет и в Африку — испытать свои знания там, где речь идёт о жизни и смерти. Глубоко тронутый нищетой, а также имея представление о возможных шансах, он говорит:

«Мы живём в холодном регионе Австрии. Столетиями крестьяне должны были учиться выживать. И потом я приезжаю в тропики, в климат, где три раза в год можно собирать урожай, — и что делают люди? Они умирают от голода в раю...»

Он пронизательно смотрит на абсолютно другие условия: от климата над спектром используемых растений до чрезвычайного положения в области образования, с его гибкостью, когда речь идёт о локальной практике. В принципе же, он остаётся верен себе. И уже изобилуют хольцеровские высокие холмистые гряды питанием, и учит жителей бедных районов самостоятельно обеспечивать себя продуктами, мечтает об агролесных программах он — одновременно обучающийся и проповедующий.

Зимы в Краметерхофе длинные, что для хольцеровской глобальной активности является преимуществом. Будущее его фермы как экологической лаборатории под открытым небом и образовательного центра обеспечено. Дочка Клаудия изучала биологию в Граце, в её дипломную работу тоже были включены

ны высокие холмистые гряды, жужилицы из владений отца. Сын по окончании школы лесничих также начинает с экологии. В чём оба имеют огромное преимущество перед своими коллегами-студентами — они сознательно участвовали в этом нарастающем интересном процессе. Кто хочет заниматься пермакультурой, тот должен смотреть поперёк времени. Они будут опираться на две школы — Университета в Граце и своих родителей, находясь в постоянном, живом диалоге с природой и экономикой. Их мама с самого начала всё гениально перенесла. Со всей любовью и скромностью она выдерживает ритм после серьёзной болезни. Тем временем овладела компьютером, всё время держась в тени своего харизматического супруга при нарастающем интересе общественности, которая хочет знать, как это «чудо Краметерхофа» стало возможно.

Дадим ещё раз слово пионеру защиты природы Америки Джону Муиру:

«Астроном глядит в небо, а геолог в глубь. Кто смотрит между, на поверхность земли? Крестьянин, я думаю, — но зачастую только он видит зёрна».

Зепп Хольцер видит существенно большее, чем только зерно — Джону Муиру он бы понравился, а также его «Университет дикой природы».

Предисловие

Пермакультура Зеппа Хольцера: где вы этому научились? откуда эта идея? каким образом крестьянин пришёл к этой альтернативной форме ведения сельского хозяйства? Вопрос на вопрос, которые мне, Зеппу Хольцеру, горному крестьянину из Краметерхофа в Рамингштайне, в последние годы всё чаще задают.

Этой книгой близким по духу я хотел бы передать, как через ответственное отношение к природе, её растительному и животному миру возможна успешная и наполненная смыслом Жизнь. Результаты моего детского опыта привели меня к этому жизненному пути. Эта книга, смесь моей автобиографии и истории Краметерхофа, отображает, в некотором смысле экспромтом, мою философию.

Моё счастье, что у меня сохранился детский дар претворять в жизнь логику природы. Я всегда смотрю на природу открытыми глазами. Через постоянные наблюдения за живыми существами я открываю дорогу к гармоничному совместному существованию. Высший принцип для меня — понять природу, а не бороться с ней, как учили меня. Каждое животное и каждое растение имеют своё предназначение в Мироздании. Проблема возникает только тогда, когда человек неправильно использует свои способности.

С самого начала я не понимал, что моё хозяйство — Краметерхоф — станет базой пермакультуры, действительно связанной с природой. Я и сам всего несколько лет как познакомился с понятием пермакультуры. И когда мой опыт становится интересным для всё большей части человечества, я этому, конечно, рад. Дегенерация и непонимание природы являются признаком нашего времени. Срочно необходимым видится мне осмысливание природы — это то, что должно начинаться с детства.

Может быть, изложенная на следующих страницах, моя жизнь — поможет в этом.

Зепп Хольцер.
Краметерхоф, май 2002 года.

Грядка на каменистом откосе «Кусачие черви»: детство

Воспоминания раннего детства

Кто помнит своё детство, а также требования юности, и не забыл, откуда он, тот лучше поймёт себя.

Вспоминаю своё детство, те ранние впечатления, которые впоследствии связали меня с моим домом и природой. Я родился 24 июля 1942 года с именем Йозеф у Мартина и Марии Хольцер в Краметерхофе. Наше высокогорное хозяйство принадлежало моим родителям и обрабатывалось, в основном, вручную. У меня были ещё два старших брата, Ханс и Мартин, и младшая сестрёнка Глория.

Наше хозяйство лежало на высоте 1300 метров над уровнем моря и было достижимо только дорогой для телег, через Рамингштайн. Больше чем 300 м разница между деревней в долине и нашим местоположением на горе. Сегодня к нам ведёт асфальтированная дорога, а тогда была только для телег с волами и лошадьми. Пешком из Рамингштайна нужно было подниматься более двух часов.

Наше хозяйство было площадью 24 гектара. Мы держали 10 коров, лошадь, 20 баранов, несколько свиней и кур, много гусей, в общем, как и все хозяйства в округе.

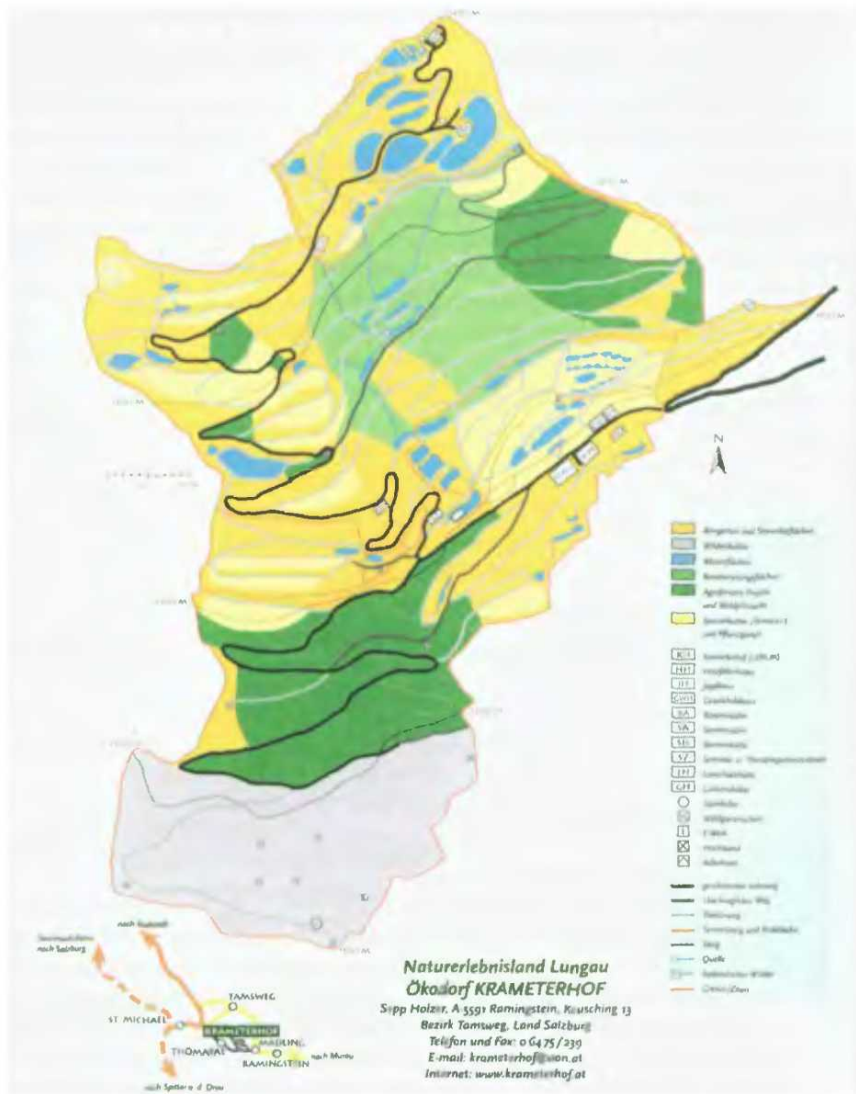
И что важно, в то время крестьянин, имеющий земельный надел, был работодателем: я вспоминаю батрака Изидора (Изи) и горничную девушку Христал, а также наших временных работников и помощников.

На развёрнутом на юг крутом склоне высоко на горе много сложностей для хозяйствования. Но есть и свои преимущества. Важнейшее — солнце: когда оно светит весь день над Краметерхофом и нагревает крутые склоны.

Когда я был ещё маленьким, у нас не было ни бензокосилки, ни телефона, ни света. Лес пилили вручную пилами и спускали в долину на снях, запряжённых быками или лошадьми. И будучи ещё ребёнком, я помогал в этих и других работах, а точнее, я должен был помогать. Тогда во всех семьях детей приобщали к работе, насколько это было возможным, чтобы они всё умели. И моя семья не была исключением.

Несмотря на то, что у нас было много работы, мы жили просто и были довольны. Все средства к жизни мои родители получали с участка земли, который использовали консервативно. Нововведения были у нас, если они вообще были, то только когда новые идеи принимались всеми дворами в округе. Я вспоминаю лебёдку вместо лошади для вспашки земли, такое выглядело принципиально интересным, но мой отец воздерживался от подобного применения. Поэтому неудивительно, что только в 1955 году мы провели электричество.

Наша семья была трудолюбива и религиозна, каждое воскресенье все вместе мы маршировали по дороге больше двух часов в долину, в церковь. Я

Если при чтении книги у вас возник интерес к пермакультуре Хольцера в Краметерхофе или к другим его проектам в Австрии и за ее пределами, вы можете приобрести видеоматериалы на странице: www.krameterhof.at

По вопросам экскурсий в Краметерхоф обращайтесь к Эдуарду и Анжелике Шек на e-mail: ecodorf@yahoo.de

ещё хорошо помню часовые молитвы по субботам и над усопшим. А молитвы перед и после еды были тогда как само собой разумеющееся.

Один случай, врезавшийся в мою память, произошёл со мной в марте 1945 года. Я, маленький Зеппи, ходил по округе с пшенично-белыми локонами волос, которыми все восторгались. Волосы становились всё длиннее, и однажды мне сказали:

— Что за девчонка, пора тебе подстричь волосы!

А мне этого категорически не хотелось, зачем обрезать то, чем все так любовались, думал я.

В то время у нас жили и работали двое военнопленных поляков, один из которых предложил подстричь меня. Нашлась старая, заржавевшая машинка, не имеющая двух зубьев, но поляк решил, что это не страшно. Я сопротивлялся, как только мог, но меня усадили на стул и крепко держали. Я кричал и плакал, потому что не хотел этого, к тому же, было ужасно больно. Мужики смеялись, и даже моя мама сказала:

— Не будь нытиком, стричь волосы не так уж и больно!

Так и не закончив «стрижку» у моих парикмахеров, сопливый, обливаясь слезами, с пораненной и выхваченной клоками волос головой, я убежал к маме на кухню, ища утешения. Она была удивлена:

— Что они с тобой сделали, что это за живодёры?!

От затылка до лба мою голову украшали красные полосы, маме пришлось тряпкой смывать несколько кровавых пятен. Она поругалась с поляками:

— Не удивительно, что мальчишка так кричал. Что вы натворили?

Поляки твёрдо ответили, что у машинки не хватало двух зубцов.

После того случая мне часто снились плохие сны, и до сегодняшнего дня я считаю, что насилие над детьми — это что-то ужасное.

С удовольствием я вспоминаю о простых детских игрушках, с которыми мы тогда играли. Шишки, деревянные обрезки, стружка из-под рубанка бондаря, приходившего поправлять и ремонтировать деревянные ёмкости. Он работал в нашей комнате, от чего там стоял сильный и очень приятный запах лиственницы. Стружка походила на хвост петуха и была для нас, мальчишек, прекрасной игрушкой. Эти завитушки вместе с шишками превращались у нас в различные фигурки животных, наша фантазия не имела границ.

Мою бабушку, жившую от нас примерно в 40 км хода туда и назад, мы с мамой посещали два-три раза в год, причём пройти это расстояние мы должны были за один день. По дороге один из детей обязательно засыпал, и последние метры мама должна была тянуть нас за собой. Однако тяготы дороги не омрачали радостной встречи с бабушкой, у которой всегда были припасены подарки и сладости, а иногда и пару шиллингов.

Краметерхоф, 1910 год (маленький мальчик на фото справа – мой отец).

Мои родители Мартин и Мария Хольцер на их свадьбе в 1938 году.

Жизнь у нас была проста, люди были скромны, не имели медицинской и других страховок, лечились сами, по возможности избегая посещения дорогостоящего врача, который жил далеко.

Лёгкие повреждения и болезни лечились успешно домашними методами. Отлично справлялись тогда со своими обязанностями травники, которых сегодня называют целителями.

При охлаждениях, при болезни зубов, головы и живота успешно применяли различные компрессы и втирания. При гриппе мама делала компрессы сала с луком, укутывая нас одеялом.

Накладывала на грудь горячую черепицу, завёрнутую в платок. Я с не большим удовольствием терпел эту процедуру, скользкий жир на моём горле мешал мне особенно, он должен был вытягивать болезнь и уменьшать воспаление. Другие домашние средства, которые тоже регулярно применялись, — были мази для ног, настойка арники и другие водочные настойки.

Я хорошо помню шерстяной свитер с узкой горловиной, связанный нашей горничной Христал, от которого всё чесалось. Возможно, от частой стирки он стал уже, в любом случае после снятия или одевания всё моё лицо становилось красным. Вещи в то время не выкидывались, а передавались младшим, и донашивание было обычным делом. Этот свитер до тех пор штопался, пока совсем не пришёл в негодность.

Первые опыты с зародышами растений в маминых горшках

Я жил тогда в постоянном страхе, что меня может кто-то забрать. Причина была в следующем: в детстве нас, детей, часто пугали за непослушание, грозясь отдать то полицейскому, то трубочисту или человеку, который приходил, время от времени, чтобы кастрировать свиней. Так что при появлении во дворе чужого человека я от страха и из предосторожности убегал, а посетителям это не нравилось, они хотели нас, детей, о чём-то спросить или отправить посылными, когда родители работали в поле. Кастратора я боялся особенно, потому что свиньи ужасно визжали. Сегодня мне понятно, что в то время при кастрировании не обезболивали животных. Иногда они даже дохли от этого.

Однажды этот старик подозвал меня:

— Парень, подойди ко мне, я тебе ничего не сделаю, у меня что-то есть для тебя.

У него в руках было несколько каштанов, которые он принёс с собой из долины.

— Это тебе для игры.

Схватив каштаны, я молниеносно удалился от человека на почтительное расстояние.

Каштаны были приятной игрушкой, с которыми я с удовольствием занимался. В конце концов я показал их маме. Я хотел точно знать, что это?

— Сынок, это семя, если его посадить, то вырастет дерево.

Это меня заинтересовало.

Мама высевала в корыта у окон рассаду овощей. Саженьцы она выращивала в тепле, чтобы позже высадить в огороде. Туда я и засунул свои семена. Часами я стоял на коленях, ожидая появления моих деревьев. Нетерпеливо я всё время повторял свой вопрос:

— Где же моё дерево?

Мама меня успокаивала:

— Это продлится неделю или две, пока оно вырастет.

Мои проверки в земле показали, что мои семена действительно стали толще.

И когда однажды проклюнулся первый росток, я пережил неопишемую радость. Этот день стал для меня ключевым.

Чем больше становились мои растения, тем более привязано сидел я у подоконника. Родители должны были постоянно прогонять меня, а я бы вообще оттуда не уходил. Втихаря я выдёргивал вокруг моих растений мамины салаты, об этом она, конечно же, не должна была узнать. Я рисковал для того, чтобы мои деревца лучше росли. История с каштанами на подоконниках — это одно из лучших переживаний моего детства. Признаком моей радости было то, что я показывал каждому, кто оказывался вблизи нашего двора, мои маленькие деревца. Мама удивлялась:

— Что он так суетится вокруг своих каштанов!

Это переживание не покидало меня, я начал высевать всё подряд. В скором времени мамины корыта были переполнены семенами европейского кедра, лиственницы, ёлки и многих других растений. Моё усердие понравилось маме, и она дала мне следующую подсказку:

— Если ты возьмёшь веточку смородины и воткнёшь её в землю, она будет расти точно так же, только это будет быстрее, потому что тебе нужно только отрезать ветку и воткнуть.

Что-то тогда росло хорошо, а что-то и вовсе не росло. Я безудержно радовался всему, всё равно, была ли это ольха или редиска. В конце концов все мамины оконные ящики были заполнены деревцами и кустиками. И вот это ей показалось уже чересчур, и она сказала мне:

— Что за свинство ты развёл здесь, уже не различишь, что где растёт, я всё это выброшу!

Эти угрозы заставили меня волноваться. Я принял решение спросить у тяти (так ласково мы называли отца), могу ли я высадить мои саженьцы в поле. Но он ответил мне отказом, и мама тоже запретила высадить их в свой огород:

— Это же обычные растения, которые везде растут.

А для меня было не важно, какие это растения, я радовался каждому, ведь я сам посадил и вырастил их. С каждым днём мне становилось страшнее от мысли, что мама в один плохой день просто повырывает и выкинет все мои саженцы, потому что они стали больше маминой рассады.

Неудобица «Кусачие черви» — мой первый участок

После долгого обдумывания, что же мне делать с моими саженцами, ко мне пришла гениальная идея.

Некоторые мужики из долины, из Мадлинга, арендовали у нас участки земли. Дровосек Ригер Хартл косил траву на крутом склоне для своих коз да обрабатывал небольшой участок с картофелем. Лёксен Зепп из Койшинга имел такой же склон для покоса. Платили они скромную арендную плату или отработывали на нашем дворе.

Мой крёстный по понедельникам ходил мимо нас на рынок в Тамсвег, там он узнавал цены на скот и лес, так как телефона и радио тогда не было.

— Добрый день! — встретил я его на обратном пути, подав руку. Я знал, что когда крёстного браво поприветствуешь, можно получить подарок, так и случилось в тот день, он дал мне два шиллинга. Это были первые деньги, которые я мальчишкой держал в руках, эту монету я радостно крутил в руках снова и снова, думая, если Ригер Хартл и Лёксен Зепп арендовали землю у моего отца, то, значит, и я могу тоже со своими двумя шиллингами.

Мне много раз доводилось видеть, как мужики платили отцу арендную плату, Ригер Хартл, к примеру, платил 50 шиллингов (3,60 евро) в год. Я прибежал к отцу и показал шиллинги, и первое, что он спросил у меня:

— Ты не забыл сказать спасибо?

Это, конечно, было само собой разумеющимся, я был так приучен. Крепко держа деньги в руке, я спросил:

— Могу я арендовать землю для моих саженцев за два шиллинга?

Усмехнувшись немного, он взял деньги, которые я держал у него перед лицом, и разрешил «покопаться» на крутом каменистом сухом, находящемся в ста метрах от дома, склоне, где ничего не росло.

«Кусачие черви» называли мы эту неудобицу, где с удовольствием грелись на камнях змеи, в лучшем случае мы косили там раз в год. Совершенно неподходящая для обработки земля. Из страха люди рубили змей косами, иногда жертвами становились совершенно безвинные рептилии — веретеницы и ужи. Мне было их очень жаль, и страшно смотреть на разрубленные тела.

С уже убитыми змеями мы проделывали злые штуки, к примеру, пугали девчонок. Для этого мы подвешивали или раскладывали их в подходящих местах.

Не успев отдать отцу мои шиллинги, взяв мотыгу и кирку, я обустроил грядку примерно в два квадратных метра, обложил её камнями, и она обрела вид террасы, которую можно увидеть ещё и сегодня. Я перенёс все мои растения из маминных ящиков — мама со мной ругалась, потому что я при этом рассыпал землю, а выносить корыта на улицу я не мог, там рос плющ, которым сразу же заросла бы вся комната. Я прибравшись, насколько было возможно, чисто.

Я получил хороший опыт выращивания растений из семян, которым пользуюсь и сегодня, так, к примеру, в моей комнате растёт африканский баобаб.

Преждевременный сбор урожая

Однажды, примерно в 1948 году, мне сильно захотелось обрадовать мою маму, а получилось всё наоборот.

Рядом с зеленью у нас в огороде росли овощи, которые осенью нам, детям, разрешали выдёргивать, отряхивать от земли и укладывать в ряды. Родители позже очищали их от ботвы и корней ножами. Оставшись в воскресный день один, чтобы присмотреть за домом, я решил помочь маме. Это был конец июля, и до сбора урожая оставалась неделя. Овощи выглядели созревшими. Приступив к сбору, как это делали мы в прошлом году, я стал вырывать их и аккуратно складывать. Эта работа заняла у меня все время до обеда. Усевшись поудобней, я принялся очищать овощи от ботвы и корней.

Как только родители вернулись из церкви, полный усердия, я хотел закончить очищать первую грядку. Сильно торопясь, я поранил указательный палец на левой руке так, что кровь брызгала, и было очень больно. Тяжело пораненный, я побежал навстречу маме. Увидев мой пораненный палец, она начала ругать меня, а рану обработала лизолом, что вызывало нестерпимое жжение, затем быстро приготовила отвар корня горечавки, промыла рану и перевязала старой, но чистой тканью.

Мама хотела знать, где я так сильно поранился, и я гордо повел её в огород. Когда она увидела, что я натворил, на меня справа и слева посыпались оплеухи. Мама, а позже и отец сильно ругались, их гнев для меня был больше раны на пальце.

Тяжёлые работы на новостройке конюшни

В то время не было возможности ходить в детский сад, наш двор находился далеко на окраине, так что ребёнком мне редко приходилось бывать в долине, только в церковные праздники или при церемонии отпевания усопшего, или когда я сильно заболел.

Тяжёлые работы я тогда должен был выполнять при строительстве конюшни, как и все дети: искать и собирать камни, которые потом на телегах возили быки или лошади с полей на стройку. Песок и щебень привозили из канала. Для этого мы запруживали маленькую речушку кирпичами, и при рез-

ком спускании воды на дне оставался щебень. Для нас этот метод был интересным и весёлым, с другой стороны, эта работа была тяжела и неудобна, особенно тогда, когда мы пользовались сильными дождями, чтобы получить лучший результат, нередко при этом весь день мы были промокшими. Два года длился этот процесс, в котором мы добывали песок и щебень с весны до осени. Небольшую часть песка мы покупали и поднимали из долины к соседу, который имел лебёдку, а от соседа домой песок носили вручную. Это было тяжело и утомительно, с раннего утра и до позднего вечера мы все должны были помогать, и наша мама тоже.

Начало учебного 1950 года

И вот наконец-то я пошёл в школу. Однако до и после школы я должен был выполнять простые работы по хозяйству: водить к водопою животных, подносить инструменты, помогать на покосе, зимой наполнить кормушки сеном.

Если бы сегодня дети имели столько обязанностей, наверное, за такое родителей бы оштрафовали, а тогда для нас это было вполне нормально.

Учиться я начал только с семи лет, так как на дорогу в школу у меня ушло два часа скорого шага. В нашем, смешанном, классе было 38 учеников, а учительницу звали Эмилия Блюм. Из-за тяжёлой болезни моего брата — воспаления среднего уха, по совету врача мы сменили школу. Он предположил, что длинная дорога в Рамингштайн вдоль реки Мур послужила причиной заболевания. Короткая же дорога, в соседнюю деревню Томаталь, до школы занимала всего один час, но так как это была школа в другом селе, нашему отцу пришлось платить. Зимой снежный покров достигал двух метров, некоторые хозяйственные постройки проламывались под такой тяжестью.

Учительницу из той школы я вспоминаю с трудом, помню только, что она была грубой и часто била детей и таскала за волосы. Особенно большим испытанием для нас было пение. К тому же, со временем я совсем потерял способность петь, за каждую фальшивую ноту получая затрещину. И к чему это привело? Я получил столько подзатыльников от неё, что пару дней почти ничего не слышал.

Другой случай из школы в Томатале: мой школьный товарищ Йонсен Франц из Бундшу раздавал всем, кому хотел, 4-5-сантиметровые гильзы, которые, если в них подуть, свистели, что доставляло нам всем большую радость. На самом деле это были заряженные капсулы, которые Франц нашёл дома и принёс в школу. Я хранил свои свистульки в коробке для грифелей.

Однажды на пороге класса нас встретил жандарм с директором школы. Выстроив всех в линейку, директор стал собирать капсулы-детонаторы, обыскивая все портфели. Он положил Франса себе на колено и всыпал зачинщику по мягкому месту на наших глазах, и пригрозил нам. Мы очень испугались. Директор объявил, что пока все детонаторы не будут найдены, из школы никто

не выйдет. Не хватало ещё двух гильз, которые, слава Богу, были через полдня найдены, и мы смогли войти в класс. Наш страх со временем улетучился.

До этого случая я считал директора корректным человеком. Пощёчины и подзатыльники, даже от директора школы, считались тогда в порядке вещей.

После выздоровления моего брата отец решил сэкономить на школьных взносах, и мы вернулись в свою школу, идти в которую нужно было два часа в одну сторону. Дорога для меня не была тяжела, к тому же, учительница в Рамингштайне была хорошим и душевным человеком. И сегодня я могу сказать, что она была лучшим из педагогов, которые были у меня в школе.

Первая продажа и обмен

Уже в третьем классе я продавал и менял саженцы со своего участка, рассказывая всем, чем я занимаюсь дома. Некоторым детям становилось интересно, и они приходили посмотреть на мой огород.

Фабричные дети, приходившие из долины, получали от своих родителей в школу больше денег, чем я. Ко мне пришла идея: мои одноклассники часто ели мороженое, которое стоило 50 грошей (примерно 4 цента), что я редко мог себе позволить, поэтому я предложил им за просмотр моего участка позволить полизать их мороженое, и у меня всё получилось.

Со временем в моём огороде красовались тыква, клубника и другие растения, которые я продавал. Я заметил, где лежат камни, там папа больше не косит, тогда я начал таскать на свой участок камни и корни и высаживать понравившиеся растения. Однажды отец, сломав на покосе деревянную ручку косы, не мог понять, откуда здесь враз появилось столько камней.

— Этот свинарник косить я больше не буду! — ругался он, мне пришлось быстро скрыться из вида, чтобы он не догадался, каким образом здесь появилось столько камней, иначе последствия было бы трудно представить. Однако это дало мне возможность засадить весь склон.

Высаживая клубнику, я заметил, что ягоды становились больше и слаще, если возле них были камни. Я сразу дал этим ягодам имя: «каменная» клубника, которую мог продавать или обменивать в школе. Особенно хотели получить эту «каменную клубнику» девочки, отдавая мне в обмен стиральную резинку, тетрадки или просто деньги. Я тогда уже продавал не только фрукты, но и саженцы клубники.

Из опыта с клубникой я сделал важные для будущего выводы: нагреваясь на солнце, камни накапливают тепло и отдают его в окружающую среду, поддерживая температурный баланс; образующийся под камнями конденсат создаёт благоприятные условия для червей, активизируя жизнь земли — всё это позитивно влияет на клубнику и, следовательно, на многие другие растения. Так лесная, мелкая, земляника стала у меня крупной и очень сладкой; высаженная в

большом количестве, уже через год она продавалась мной как собственный селекционный сорт «Каменная клубника».

При пересадке я прикрывал землянику листвой, чтобы она не высыхала. Особенно хорошо она принималась там, где рос белый клевер, поэтому я стал высаживать их вперемешку. В лесу я заметил, что на горях земляника хорошо росла, используя это открытие, я вёдрами начал носить золу с оставшимся древесным углём на свои грядки.

Мне хотелось этими примерами показать, насколько важно наблюдать за почвой, растительным сообществом и анализировать. Если возможно, определить: почему плохо или почему хорошо произрастает то или иное растение. Это, конечно, зависит от умения делать правильные выводы — это одна из важнейших способностей, которую человек должен развить во взаимодействии с природой. Стоит обратить свой взор на плохое, чтобы понять, почему это происходит. Это одинаково применимо как к растительному и животному миру, так и к миру людей. Почему одно растение — красивое и здоровое, а другое — жалкое и больное? Почему одно тёмно-зелёное, а другое слабое и бледное?

Постоянные наблюдения за моими грядками стали решающим фактором моего успеха, поэтому, собирая урожай, я смог зарабатывать деньги. То, что благодаря моим действиям на огороде всё стало лучше развиваться и расти, для меня, ребёнка, было огромной радостью, даже если речь шла о паре клубничек.

Я впервые понял, что могу способствовать изменениям в природе. Это вызвало во мне такой восторг, что я безудержно стал рассказывать об этом в школе и дома, надоедая родителям, братьям и сёстрам, вызывая насмешки одноклассников.

Рыбы — моя первая живность

Годы войны и послевоенные были обозначены ужасной бедностью. Хороший полдник очень ценился, в то время многие дети страдали от недоедания, однако деревенские дети на большой перемене ели хлеб с маслом и салом, фабричные же дети редко когда имели с собой что-то хорошее и чаще всего выпрашивали у деревенских кусочек сала или хлеба. Жадины, не желавшие поделиться, съедали свой полдник, закрываясь в туалете, в полной безопасности, но это продолжалось не долго, пока учителя не натыкались на запертую дверь в туалет.

Я же всегда стремился использовать свой полдник с пользой, несмотря на то, что моё чувство голода всегда было больше, чем еды, которую мне давала с собой моя мама. Однажды, когда я получил особенно большой кусок сала, мой школьный товарищ Ханс Ашбахэр предложил:

- Если ты отдашь мне этот кусок, то я дам тебе бычка подкаменщика.
- Что это? — спросил я.
- Это маленькая рыбка, — ответил он. Рыбу до этого я никогда не видел.

— Ты можешь её посмотреть, — заманивал он меня.

Завернув кусок снова, мы отправились в Мадлинг, где в многоквартирном доме жил Ханс. В одной комнате, разделённой шерстяным одеялом, жила вся его семья.

Нас никто не должен был видеть, потому что нелегальный лов рыбы повлёт бы за собой побои учителя, жандарма и родителей.

Мы отправились на реку Мур. Старую, пробитую армейскую банку из-под печенья Ханс прятал в укромном месте у берега. Открыв её, я увидел маленькую рыбу с красными точками на теле. С первого же взгляда я пришёл в восторг, этот момент был прекрасен.

— Бычок на дне банки, а это — ручьевая форель, которую я не собираюсь отдавать.

А мне эта рыбка с красными пятнышками не давала покоя.

— Я дам тебе сало и весь полдник завтра, если ты отдашь их обеих.

Однако я сомневался, не нарисовал ли Ханс сам эти красивые цветные точки.

— Уверю тебя, это от природы, — заверял он.

В конце концов, я попробовал даже оттереть краску пальцем, и увидел, что они не стираются. И мы договорились, Ханс должен был завтра получить хороший кусок сала, а я забирал рыб домой.

— Если они белым повернутся кверху, то ты должен поменять воду, — кричал он мне вслед. Я не понял. Тогда Ханс объяснил, что когда рыбы повернутся вверх животом, я должен поменять им воду.

— Куда я должен влить воду, в рот или в живот? — не понимая, спрашивал я.

— Воду нужно менять в банке, впуская кислород, чтобы рыбы не задохнулись.

Всё это было для меня ново. Я вырос на горе и не имел об этом никакого представления. Ханс понял это и решил, для безопасности рыб, проводить меня до дома. Чтобы добраться до следующего водоёма, нам пришлось бежать не по просёлочной дороге, где не было воды, а по более длинной, скалистой, крутой и опасной тропе. У первого же ручья Ханс показал, как нужно выпускать воду, чтобы рыба не уплыла — повернув банку крышкой вниз, через отверстия в которой вода должна была выйти, затем перевернуть её вверх и подставить под водопад, чтобы набрать свежую. На полпути, когда дорога стала особенно опасной, Ханс повернул назад, а я должен был преодолеть её один за два часа, ведь дома меня ждала ещё работа. Если я справлялся с дорогой за два часа, для родителей всё было в порядке, и я был молодцом; если за два с половиной — это уже было на грани; а за три часа — меня наказывали, таская за волосы, или подзатыльниками.

Придя домой, я сначала сориентировался в обстановке, есть ли кто-то в зоне видимости, никто не должен был узнать о рыбах, ни папа, ни мама. Убе-

Одна из редких моих детских фотографий (1952 год).

В юности я играл на трубе в духовом оркестре Рамингштайна. На этой фотографии я сижу в центре, поездка в Южнотирольские Доломиты.

дившись, что никого нет, я подошёл к чаше, вырезанной из цельного камня, куда постоянно бежала вода из источника, и вылил всё содержимое банки.

10-сантиметровый бычок подкаменщик ещё жил и пошёл на дно, и маленькая форель тоже выдержала переезд. Я сильно беспокоился, потому что рыбы были видны в воде, а родители не должны были их обнаружить. Я трясся, что они расскажут Шурле, мужу моей двоюродной сестры, который был инспектором жандармерии в Рамингштайне. Он часто при патрулировании заходил к нам, и мама всегда угощала его полдником. Мальчиком я сильно боялся людей в униформе, потому что родители часто пугали меня:

— Если ты не будешь слушаться, мы отдадим тебя Шурле, он закроет тебя в камере.

Что же делать? Маленькая рыбка всё время плавала вперёд и назад, без сомнения, родители её сразу заметят. И тут ко мне пришла славная идея. Я пошёл в свой огород и принёс пару корней и камни, и построил в чаше укрытие для рыб. Теперь я был спокоен и даже не заметил, что весь промок. Как только я пришёл домой, мама сразу стала ругать меня, а я оправдывался, что упал нечаянно в воду, когда пил.

— Переоденься и принимайся за работу, — прокомментировала она.

Мне было ясно, что рыбам нужна еда. Но какая? Я не знал, как нужно правильно их кормить.

На следующий день Ханс, получив свой полдник, поведал мне, что рыб нужно кормить кузнечиками и другими насекомыми, а также дождевыми червями. После этого я насобирав для них столько еды, что они не смогли всё съесть.

Эти водяные существа, особенно форель с красивыми красными точками, так очаровали меня, что я мог часами смотреть в глубину чаши, при этом всё остальное забывая и даже ничего не слыша. Мне хотелось только наблюдать, как рыбки едят. Мама часто ругалась:

— Когда ты отойдёшь от воды? Опять пьёшь? Возьми чашку, и не пей, откуда скотина пьёт.

Слава Богу, о рыбах ещё никто не знал. Несколько недель было всё хорошо. Я стал раньше приходить домой, а мой пенал был всегда полон кузнечиков и червячков. Мама удивлялась, почему это я стал таким прилежным.

— Он весь взмок, так быстро он шёл домой, — радовалась она.

Однажды я, как обычно, пришёл домой из школы и сразу отправился к источнику. Разочарованный, я не увидел там ни камней, ни корней, не говоря уже о рыбах. Я ничего не нашёл, кроме чистой, прозрачной воды. Придя к маме, я спросил:

— Что случилось?

А она, ругаясь, рассказала, что кошка принесла рыбу в зубах. И тогда, уже плача, я подошёл к маме и спросил:

— Почему источник такой чистый?

Она ответила коротко, как отрезала:

— Если ты сейчас не успокоишься, то получишь ещё и от отца.

Отец, к счастью, присутствия рыбы не заметил. Он хотел напоить лошадь, но она отказывалась пить.

— Что с Мулей случилось, почему она воду не пьёт? — спросил отец и стал внимательно осматривать источник. Тут он заметил камни и коренья.

— Везде, где проходит этот негодник, там появляются камни и корни! — ругался он, уже явно подозревая меня. В заключение он выдернул пробку и, слив воду, очистил чашу, выкидывая всё из неё. Рыбы упали в траву, а чаша, вымытая веником, была вновь наполнена чистой водой. Лошадь подошла и теперь могла спокойно пить. Отец рыб не заметил, и это было хорошо.

Я был в глубоком шоке. Через несколько дней я принял решение:

— У меня обязательно должны быть рыбы.

В 1952 году я построил свой первый маленький пруд, или, лучше сказать, лужу для рыб. Рыбы стали для меня всем. Недалеко от дома, на мокром месте я решил выкопать её, место, по моему мнению, было идеальным, потому что было скрыто кустарником от папиных глаз. Расчистив один квадратный метр, я начал копать, и вдруг на дне лужи забил родничок. Камнями и корнями я замаскировал это место так, чтобы никто не обращал на него внимания.

Вода в моём прудике держалась хорошо. Обмениваясь полдниками с Хансом и его братом, я вновь приобрёл рыб, но вскорости места стало мало, нужно было расширяться. Через эту работу с маленьким водоёмом я научился, познал многие различные и существенные взаимосвязи воды и природы.

К примеру, я открыл одного большого жука, который мог плавать в воде. И сегодня я знаю, что это плавунец окаймлённый, которым я тогда так восхищался, к тому же, там обитало множество амфибий — ящериц, лягушек и жаб. До моего сознания дошло, что многие виды животных обитают во влажных местах и вокруг них. Особенно интересно было наблюдать за головастиками.

Бизнес с одноклассниками

Обо всех моих открытиях дома я рассказывал в школе одноклассникам, часто они мне не верили.

— Вы можете посмотреть, — говорил я им. И они приходили и подтверждали мои открытия. Посетителей становилось всё больше, и я стал брать за посещение 50 грошей (4 цента) с каждого, и всё же желающих не убавлялось. Кто приходил без денег, тот отдавал жевательную резинку или что-то другое.

Вскорости у меня рекой полилась торговля. Я продавал ящериц, лягушек, жаб, жуков и личинок окаймлённого плавунца, которых, ребёнком, я называл бегемотиками, потому что они выглядели, как речной бегемот. Со временем я скопил денег и получил опыт в торговле. Некоторые школьники выпрашивали

у меня растения, животных, брали деньги взаймы. Платить они намеревались позже, когда бабушка, дедушка или крёстный дадут им денег, часто слышал я и соглашался на это.

Один из моих лучших покупателей, Эмбахер Хартл, сам выкопал прудик и посадил огород, накупив у меня много растений и животных. Когда-то, в третьем классе, он задолжал мне 5 шиллингов (36 центов). Также у меня было множество его личных вещей, на которые он обменивался со мной. Он долгое время успокаивал меня, обещая отдать долг, но не отдавал.

Сначала я назначил ему проценты — ещё 50 грошей, с чем он согласился, но денег все же не возвращал, и когда мне надоело ждать, я вlepил ему пощёчину, за что был строго наказан учительницей, и должен был до обеда стоять за доской.

Об этом случае я позабыл, потому что было множество похожих. Недавно на встрече выпускников моя учительница Эмилия Мальцер (урождённая Блюм) напомнила мне об этом случае. Эмбахера Хартла, к сожалению, не было на этой встрече, и денег от него я так и не получил до сегодняшнего дня.

Кстати, на встрече учительница, приветствуя бывших учеников, пожимала руки и вдруг внезапно спросила:

— А Зеппи Хольцер здесь?

Я стоял в конце группы и испугался. Что опять случилось? В большинстве случаев, когда в школе обо мне спрашивали, значит, случилось что-то особенное, и меня ожидала головомойка. Но учительница была рада видеть меня и говорила, что читала обо мне в газетах и видела передачи по телевизору, и радовалась возможности побеседовать лично.

Эмилия Мальцер рассказывала обо мне множество историй другим детям, что мне было приятно слышать, эти истории часто были для меня негативным опытом, однако теперь показались мне более позитивными, чем в детстве.

Страх перед уроком религии

На уроках религии я заметил, как много зависит от людей и их поведения. Наш первый учитель закона Божия был настоящий грубиян, который не прилагал никаких усилий, чтобы нам, детям, объяснить католическое учение — Законы неба, ада, смертных грехов и т. д. При первой же возможности бил детей ивовым прутом по пальцам вытянутых вперёд рук. Этот способ преподавания религии, в котором чёрт играл большую роль, приводил меня и моих одноклассников в страх. Особенно превращалась в кошмар длинная дорога домой. Всё это и до сегодняшнего дня осталось во мне негативным воспоминанием. Вместо того чтобы передать молодым людям позитивный взгляд на жизнь и воспитать мужество, им прививается страх и ужас.

При следующем духовном отце, Майере, отношения улучшились. Мы с ним хорошо понимали друг друга. Я научился обязанностям послушника, и даже какое-то время мечтал стать приставом.

Пропускали школу из-за работы

Детям фермеров приходилось дома много работать, не раз с фальшивыми извинительными записками родители отправляли нас в школу, поэтому, в наказание, нас оставляли после уроков нагонять пропущенное. При этом не раз мы были «забыты» учителем или богословом в классе, тогда приходилось возвращаться затемно, а порой и одному, особенно зимой было тяжело добираться, а дома меня ждали проблемы с опозданием, а в заключение я должен был ещё работать. Домашняя работа была для меня рутиной, а после неё меня ждали уроки.

После ужина я шёл в постель с тёплой черепицей, завернутой в платок, вместо грелки. Нередко рано утром на стенах комнаты был иней. В постели мешок сена служил матрацем.

Этот льняной мешок был набит соломой ржи, на которой можно было спать только после приминания и образования углубления. Укрывались тяжёлым и тёплым одеялом, набитым льняной паклей. Для согревания ног служила нагретая в печке черепица.

Каверза с работником Изидором

Мой двоюродный брат Ханс, работник Изидор (Изи), мой брат Мартин и я спали в одной комнатухе. Тогда как большие имели собственные постели, Мартин и я делили одну кровать. Изи сильно курил трубку и выпивал, особенно по выходным он бывал часто сильно выпившим. В комнате стоял такой дым, что было сумеречно.

Была Пасха. Для этого праздника устраивался фейерверк. Мы, дети, с восхищением наблюдали, как заряжали ракеты и стреляли. А также жгли Пасхальный костёр, который был для нас решающим моментом. Он зажигался в полночь, при этом стреляли из ракетниц.

Порох для зарядки ракетниц, конечно же, от нас хорошо прятали. В том году мы с Марином нашли, где его от нас прячут. Мы быстро достали несколько шариков этого чёрного порошка и всыпали их в трубку Изи в то время, когда он отправился, чтобы напиться. Порошок в трубку, табак сверху, закрыли крышку и положили трубку снова на своё место.

Изи пришёл поздно ночью сильно пьяный. Обычно он пару раз потягивал свою трубку, прежде чем залезть в постель. И тут раздался ужасный взрыв, огонь вырвался ему в лицо. Последствия были намного хуже, чем мы, мальчишки, могли себе представить: трубку разнесло, Изи был чёрный, как негр, и борода его сгорела.

А мы хохотали, сидя в кровати. И тут началась буря. Он враз отрезвел, выловил нас из постели и устроил нам трёпку, пока не пришёл отец и не встал между нами.

Изи в то время выращивал перед домом, в своём собственном огороде, табак. Это растение выглядело для меня как подсолнух, только не такое боль-

шое и с широкими листьями. Табак интересовал меня. Позже, когда Изи уже не жил у нас в доме, я тоже пробовал выращивать его.

Только я не нашел подходящих семян, не говоря уже о растениях. Только в девяностых годах я начал высевать табак в наших горах, различные сорта которого стали отлично расти.

Моя первая лама

Ребенком я всегда хотел иметь животных. И вот в 1953 году я купил у моего отца ламу, а у семьи Фукс — козлёнка. При этом папа выставил одно условие: я должен был сам ухаживать за ними, а самое главное — я должен был выращивать зерновые и корнеплоды для их питания сам. Мои обязанности расширялись, и мой участок разрастался вместе с ними. Я научился даже с плохих почв собирать урожай. Со временем я имел уже несколько участков земли.

Чтобы было легче обрабатывать землю, я вместе с одноклассниками построил лебёдку, которой мы поднимали навоз на мой участок на склоне. Строительство этого сооружения доставляло много радости. После того, как мой отец обнаружил его, я должен был защищаться. Я объяснил ему, что канатная дорога служит для транспортировки воды, но он не поверил мне на слово. Внимательно осмотрев сооружение, он обнаружил следы навоза, которым я удобрял тыквы. В то время навоз был на вес золота для крестьян, к тому же, я использовал всю проволоку для веников из мастерской, а это было уже чересчур, в итоге он заставил меня разобрать лебёдку.

Несчастный случай в конюшне

В праздничный день, перед Рождеством, в 1954 году, я свалился с чердака, где кормил птиц, на молотилку в гумне. Получив множественные переломы рёбер и ушибы, я потерял сознание. Только вечером при работе на скотном дворе меня нашли. Пришёл врач, и на импровизированных носилках из двух жердей и покрывала меня спустили в долину, где ждала машина скорой помощи. Я перенёс ужасную боль, выплёвывая кровь. Врач предупредил мою маму, чтобы она была готова к худшему.

Моё пребывание в больнице растянулось на многие месяцы, у меня загноилась кожа на рёбрах, поэтому каждые три часа мне делали уколы. Я же очень беспокоился о моих козах, ламе и плодовых деревьях на моём участке.

— Ты уже огородил мои деревья от зайцев? — всё время спрашивал я брата, когда он приходил ко мне.

Работы по хозяйству

Зимой, когда приходила моя очередь, я должен был регулярно перевозить дрова. К тому времени выпадало много снега, и дорогу нужно было сначала

ла расчистить, так же, как место для дров и вокруг сеновала. Я должен был вести быка или корову, в то время как взрослые заполняли сани сеном и дровами.

При вспашке было всё наоборот, нужно было очень точно идти, упряжку из двух быков или лошадей приходилось вести так, чтобы плуг не выскочил из борозды. Если борозда искривлялась, то замечтавшегося ребёнка ждала трёпка, и это было в порядке вещей. Тогда никто не понимал, что у ребёнка могут быть свои мысли и мечты.

Когда приходили соседские дети, все расспрашивали друг друга, кто и сколько раз получил сегодня нагоняй, и если кто-то говорил: «Я нисколько», ему никто не верил.

Опять о вспашке: после вспашки поля выравнивались деревянными граблями, камни вытаскивали и складывали в конце поля. Однажды я долго из-за этих работ не ходил в школу, пока не пришло письмо от директора с угрозой родителям. Чтобы оправдать моё отсутствие, я намазал лицо керосином, от которого оно стало красным, как от сыпи. Увидев это, учитель сразу отправил меня к врачу, который поставил диагноз внутреннего загноения, всадил мне несколько уколов и дал мазь. После чего я по-настоящему заболел и провёл в постели несколько дней.

Контрольных работ я всегда боялся. Однажды произошло следующее: была объявлена контрольная по математике. Трое соседских ребят и я решили с помощью трюка избежать её, разыграв перед учителем сильную зубную боль. Хохулен Полдль был старшим из нас и превосходным притворщиком. Он так завыл от боли, а за ним Йесснер Михель, Томас и я, что учитель сразу же отправил нас к зубному врачу Ляйнеру, рядом со школой. Когда мы вчетвером пришли туда, в комнате ожидания никого не оказалось. В этот самый момент открылась другая дверь, вышли старый и молодой доктор и спросили:

— Что, ребята, случилось?

Мы трое одновременно, как будто выстрелили из пистолета:

— У Полдля болит зуб!

После чего Полдль увели в кабинет. А мы обдумывали, что нам лучше сказать, когда дверь снова откроется, и решили: нам стало уже лучше. Мы страшно боялись вырывать зубы.

И тут мы услышали душераздирающий крик нашего друга Полдля, который без обезболивания жертвовал здоровым зубом. Теперь нас уже ничто не могло удержать, мы вылетели на улицу в направлении дома, боясь, что доктор будет преследовать нас. Только в Мадлинге мы остановились, чтобы отдышаться и дожидаться Полдля. Он появился позже, плача, и с кровью во рту.

— Фальшивые собаки, трусы! — всё, что он смог сказать.

Мы сразу стали осматривать, сколько зубов вырвал доктор у Полдля, почему он так кричит.

На следующий день учитель дал каждому пару крепких пощёчин. Теперь смеялся Полдль:

— Так вам и надо!

В итоге контрольную мы должны были выполнить, конечно же, все четверо.

Помню ещё один смешной случай с Полдлем. У нас на горе почти не было фруктов, а в долине, в Мадлинге и в Таферне, было много фруктовых деревьев: яблони, вишни и сливы.

Наша школьная дорога проходила через участок Ляймбахера, где росла слива. Мы часто стряхивали с неё ягоды.

Однажды, когда нижние ветки были нами уже обобраны, мы попросили Полдля залезть на дерево и потрясти. Полдль был самый большой и самый сильный из нас, но он всегда попадался на наших советах, так же было и в этот раз. Наши мешки были уже полны спелых плодов, как вдруг появился хозяин участка, Ляймбахер. А Полдль сидел на дереве и кричал:

— Ну, что, достаточно?

Хозяин ответил:

— Ах ты мерзавец, что ты делаешь наверху?

Продолжением, уважаемые читатели, была приличная трёпка, которую мы наблюдали с безопасного расстояния. Бедный Полдль, ему прилично досталось, даже пуговицы на его штанах были оторваны, и ему приходилось держать их руками.

Примерно в шести часах пешего хода от дома, на нагорье, выпасали мы своих бычков. Всего один раз отец взял меня с собой, чтобы я запомнил дорогу. Второй раз я должен был идти один, чтобы принести кормовую смесь: высушенные цветущие травы, соль, дроблёный овёс с пшеницей. Каждые две недели нужно было сходить туда, чтобы проверить скотину и передать еду пастуху. Дорогой по нагорью была узкая тропа, проходящая через две горы. В такой день мне нужно было выйти в 5 часов утра и быть в дороге до 22.30. Тяжёлую поклажу я должен был донести до места, накормить своих бычков, найдя их в стаде, проверить, здоровы ли они, и на обратном пути зайти к пастуху, передать привет, сало и шнапс. Это была тяжелейшая нагрузка. Найти дорогу и вернуться домой было нелегко, но страх не давал свалиться от усталости или заснуть на ходу. Мало кто может сегодня сделать то, на что мы, дети, были тогда способны.

Этот прекрасный вкус льняного масла

Крестьяне в то время сами выращивали лён и отдавали его на прессование за деньги в Мадлинг. Свежевыжатое масло для нас, детей, пахло особенно чудесно, оно нас притягивало магически.

Наша мама изредка давала нам в школу выпечку, и мы с удовольствием макали её в свежее масло, это были годы, когда масло экономили особенно.

Поздней осенью солома льна поджаривалась и трепалась. Этот процесс впечатлял меня из-за запаха, исходившего от неё, и распространявшегося приятного тепла при поджаривании. При трёпке грубое волокно отделялось и потом, многоступенчато, обрабатывалось дальше.

В процессе обработки льна выбрасывался побочный продукт — остатки грубого слоя стебля с кусочками волокна, которыми мы, мальчишки, учиняли злые выходки над молодыми тщеславными девчонками, мазали им лицо, чтобы привлечь их внимание. Лицо становилось красным и покрывалось прыщами, что отталкивало на время всех ухажёров. Однако проказник был уверен, что это позволит ему легче завести шашни с избранницей. Однако этим же нас наказывали за воровство сливы или за другие проделки.

Первые опыты пересадки плодовых деревьев

Во времена моей юности у нас высаживали такие растения, как рожь, пшеницу, овёс, ячмень, лён, бобовые, и они росли у нас на высоте 1350 метров над уровнем моря с успехом. Единственная сложность при этом — косули и олени, которые наносили большой ущерб. Но и с этим мы успешно справлялись, отпугивая животных огнём, пугалом, набитым соломой, или шумом водяного сооружения, бьющего консервную банку. Многообразие выращиваемых тогда растений доказывает ошибочность сегодняшнего суждения, что ничего не может расти здесь, на горе. Напротив, растёт и созревает замечательно.

Возвращаясь домой из школы, я часто сокращал путь. Дорога вела через поля и лес, я исходил всё вдоль и поперёк, нередко опаздывая при таких сокращениях. Однако эти дороги часто открывали мне много интересного: лисью нору, здание старой заброшенной мельницы в овраге или различные дикорастущие деревья. Там, где стояли большие плодовые деревья, вокруг росли также и маленькие. Эти маленькие деревца я часто выкапывал, чтобы посадить у себя в саду.

Однажды в конце учебного года, примерно в июне, я обнаружил дикие яблони двухметровой высоты. Они росли прямо на камнях, и мне легко удалось вырвать их со всеми корнями. Когда я, весь взмокший, принёс их домой, мама, ругаясь, сказала:

— Очень жалко, но деревце с листвой и цветами не приживётся. В пору цветения его никто не пересаживает, оно пропадёт.

Но это меня ничуть не смутило, и я посадил деревья к себе на участок, оборвав все листья и цветы, из-за которых деревце не должно было прижиться. На моём участке не было возможности полива, до источника было далеко. Хорошо, как только мог, я закопал корни, забросал листвой и оборванной травой, а сверху положил камни, чтобы дерево не упало. Потому что с камнями у меня

Мои плодовые деревья не опрыскиваются, не удобряются и не обрезаются. Поэтому ветки, усыпанные плодами, опускаются на землю.

Деревья с треугольным мешком для корней могут быть высажены даже без выкапывания лунок. Угловатые мешки дают большую стабильность дереву, при этом даже большим деревьям не страшен ветер.

был хороший опыт. Через несколько недель я подумал, что мои деревца пропали, потому что веточки засохли. Но увидел новые почки и листочки на них.

Этот опыт был очень важен для меня, и сегодня я пересаживаю деревья таким же способом, немало зарабатывая на этом. Покупаю в питомниках в конце сезона (май-июнь) остатки по дешёвке. Сейчас я не обрываю листья и цветы, а кладу дерево на солнце на короткое время, прикрывая корни мешковиной, что очень важно, ведь корни не переносят прямых солнечных лучей. Дерево хочет выжить, и само за короткий период, 1-2 дня, сбрасывает листья и цветы. Теперь оно готово к высадке в грунт. В это время ни капли воды не должно попасть на корни, иначе оно не сбросит листья. Даже после посадки дерево не поливается. От полива почки и листья будут чересчур быстро развиваться, а корень еще не в состоянии их питать, в итоге, если деревце поливать, оно засохнет.

Итак, листья и цветы опали, деревце не поливается, оно не тратит энергию, корни быстро и легко приживаются, к тому же, влаги в почве вполне достаточно, а камни и листья, положенные сверху, — это самое лучшее, что можно было сделать для деревца.

Таким способом я пересадил в моем альтернативном питомнике в последние десятилетия не одну тысячу деревьев, а позже продал их за хорошие деньги.

Этот пример показывает важность практического опыта в уходе за растениями. То, что моя мама сочла неразумным, легло в основу моего дальнейшего успеха.

Дети сегодня завоспитанны

Большая проблема нашего времени в том, что дети в момент взросления не во-, а –завоспитываются. Родители постоянно отучают своих детей от природных инстинктов: «не трогай», «ты запачкаешься», «смотри, на кого ты похож», «это кака, пойдём, оставь это».

Эти фразы постоянно у нас в ходу, и были сказаны бесчётное количество раз. В большинстве случаев это отговорки или бегство родителей, ведь взрослые сами, к сожалению, не знают ответы на вопросы детей. Если люди вырастают в природе, умеют её понимать, а дети ещё обладают этой способностью, то воспитывать их не нужно. Я даже провоцирую, говоря:

— Дети должны воспитывать родителей!

Дети любопытны, они спрашивают, а родители редко отвечают компетентно, потому что животные и растения, а, соответственно, природа, стали для них чужими.

Успешен будет тот, кто знания получил опытным путём, а не тот, кто их прочитал. Так что давайте оставим детям возможность, играючи, прожить, прочувствовать жизнь так, как я мог это делать в юности. Каждый должен иметь возможность сказать то, что он думает, а не то, что от него хотят услышать другие.

Обычное дипломатическое воспитание я вижу как воспитание друг против друга. Которое человек не воспринимает вначале, но впоследствии встраивается в эту цепочку и сам. Это я называю лемминговым поведением.

Я могу открыто с людьми обмениваться опытом, и тогда эти беседы обогащают, становятся интересными, дружелюбными, обучающими, и время пролетает незаметно. А лемминговое поведение прямо противоположно этому: люди говорят о негативном, о слабых сторонах и ошибках, так распространяется ложь (как заезженная пластинка).

Один пример: торговец покупает у двух крестьян по корове. Он по секрету рассказывает одному, а позже, в доверительной беседе, и другому, за сколько купил корову. Встретившись однажды, эти крестьяне спрашивают, как дела, и, конечно, разговор заходит о цене. Один, из желания приукрасить, называет завышенную цену. Придя домой, другой крестьянин в кругу своей семьи осуждает обманщика: «Эта «блуждающая собака»..», потому что знает настоящую цену от торговца. Так люди ссорятся между собой. Это не только пример, затрагивающий крестьян, но и всех повсеместно. Так теряется доверие между людьми.

Когда я рассказываю о своем опыте честно, люди чувствуют, что я не приукрасил ничего, и тоже раскрываются. Так выстраиваются крепкие, дружеские взаимоотношения между людьми.

Игра в карты – слабость моего отца

В последние мои школьные годы, примерно в 1956-м году, обычно по воскресениям мы, дети, часто бывали с отцом в закусточных Рамингштайна. Мы наблюдали, как отец играет в карты с соседями. И нам было хорошо видно, что папа не очень честно играет. И мы обратили на это его внимание. Когда его партнёры по игре заметили это, они рассердились на нас, стали кричать и ругаться, и хотели отправить нас домой. Всё это стало повторяться из месяца в месяц, из года в год, и приняло плохой оборот. Отец стал проигрывать большие суммы денег. Очень скоро мы должны были прибыль от продажи скотины и древесины отдавать в счёт погашения долгов, отец был вынужден взять кредит, чтобы погасить все требуемые долги.

Это привело к ссоре в семье, но папу это не обобразумило. Часто под предлогом помощи соседям он уходил снова играть в карты.

Карточные игры в то время были очень широко распространены во всём регионе. Некоторые крестьяне теряли дома и хозяйства.

Дело дошло до того, что отец подписал договор о продаже нашего дома, земли и всего, что на было ней. Он планировал завести небольшое хозяйство в другом районе Австрии, цена которого составляла 320 000 шиллингов (23 255 евро) вместе с инвентарём, и хотел переехать, так как не мог или не хотел сопротивляться партнёрам по игре и некоторым соседям. Я же готов был зубами

защищать нашу землю от этого шага, в противном случае я бы потерял все свои растения и свою Родину!

Я перестал общаться с отцом, ругался с мамой, не поехал с семьёй осматривать новое место. Мой старший брат к тому времени уже не жил с нами.

Это было тяжелое время моей юности, я уже имел доверенности на несколько участков, ответственность за которые отец переложил на меня, но при этом он не считался со мной.

Друзья отца настраивали его против меня, что ещё больше усугубляло ситуацию. Это продолжалось больше года, прежде чем я добился отказа моего отца от договора. Теперь он должен был платить большие штрафы, что растянулось на многие годы, но самое главное — наше хозяйство было спасено.

Дороги и заблуждения

Окончание школы — моё заблуждение начинается

В 1957 году я закончил школу. За шесть недель до окончания все дети крестьян имели право отпроситься на сбор урожая. Я, по желанию моих родителей, мог получить «урожайный отпуск», но меня такое освобождение не радовало, потому что за этим стояла тяжелая работа.

После Народной школы я должен был с октября до весны обучаться в так называемой Крестьянской Профессиональной школе в Рамингштайне. Народнохозяйственный консультант от Крестьянской Палаты преподавал нам передовой опыт в сельском хозяйстве: как удобрять и опрыскивать, откармливать крупнорогатый скот, вести молочное хозяйство, лесное хозяйство, рассказывал о минеральных и других удобрениях. А также был учитель от Райффайзенкассы. Бесплатно раздавалось много брошюр и глянцевых проспектов. Я очень радовался этим бумажкам, на которых показывалось, какого успеха можно добиться с применением искусственных удобрений, или как легко можно избавиться при помощи опрыскивания от сорняков. В проспектах приводились наглядные примеры, где удобренные травы были в три раза больше не удобренных, схожий эффект был у зерновых и овощей.

Одновременно с этим проводились акции продажи удобрений, где каждый крестьянин, покупая их, получал скидку от 60 до 80 процентов. Все учащиеся курсов получали бланк-казак на финансовую помощь, который дома должен был подписать отец. Конечно, почти все работники сельского хозяйства приняли участие в этой акции. Те, кто заказывал минимум удобрений, высмеивались как самые отсталые — «деревенщина». Помню, даже вывешивали списки, где было видно, кто сколько заказал. Некоторые крестьяне заказали так много, что волю не могли утащить такую тяжесть домой. Райффайзенбанк имел в Рамингштайне склад, где можно было в любое время взять удобрения. Несмотря на то, что мы купили небольшое количество удобрений, доставка до дома и разбрасывание по всем полям и лугам оказались чрезмерно тяжёлым трудом и были для нас, парней, «свинячьей работой» — от одного удобрения жгло руки, появлялись ожоги, от другого мы выглядели, как трубочисты, болели глаза, а вечером на курсах надо было отвечать на вопрос, сколько мы уже рассыпали удобрений, и сколько ещё собираемся купить. Я стремился выглядеть позитивно, и, чтобы не врать в школе, убеждал отца в необходимости покупки удобрений.

В то время проповедовался метод разведения леса на общественных пастбищах, с осушением земель, который и до сегодняшнего дня остаётся спорным. Влажные поля вспахивались плугом и по линейке, для удобства машинной уборки высаживались ёлки 10 000 на 1 га. Эти способы, будучи передовыми, очень хорошо финансировались, до 80%. По правде сказать, такими усилиями,

после вспашки были навсегда уничтожены чудесные поля орхидей, ятрышника, пушицы и других ценнейших растений. Аргументировали просто:

— Это ненужные растения, которые даже коровы не едят, никто без них не пропадёт.

При этом два раза в год, в мае и августе, каждая ёлка должна была получить 4-6 декаграмм удобрений. А если на полях произрастали такие листовенные породы деревьев, как берёза, клен, ольха, вяз, ильм, то их следовало убирать следующим образом: ободрать кору у основания, чтобы прекратилось сокодвижение; обработать эти места средством Legnporur D, а так как это средство было дорогостоящим, его разбавляли керосином.

Побеленные таким образом деревья умирали ещё быстрее, не давая новой поросли от корней. Маленькие же листовенные деревья и кустарники уничтожались опрыскиванием Dikorur в вегетационный период. Становясь коричневыми, они засыхали. Одиночно стоящие ёлки на общественных полях нужно было спилить.

Против долгоносика саженцы окунались в ядовитый раствор, где все насекомые погибали. Только после всех этих мероприятий, которые контролировались чиновниками Палаты Земельного и Лесного хозяйства, можно было получить финансовую помощь.

С позиции сегодняшнего дня, на этих решающих примерах видно, что все знания, полученные на курсах повышения квалификации, были совершенно ненужными.

Моя специальность — фруктовые деревья

После окончания сельскохозяйственных курсов в Зальцбурге, в Сельскохозяйственной школе Винкльхоф я выучился на садовода. Теперь я знал все плодовые сорта деревьев и кустарников. Как прививать, удобрять, опрыскивать, производить обрезку, а также — травить ядами и газами полевых мышей и других нежелательных зверей. Получив удостоверение по окончании этой школы, благодаря которому я мог теперь покупать самые сильные яды, мне хотелось применить свои знания у себя на участке.

После обучения я начал «приводить в порядок» свои растения. Во-первых, я поставил опоры для деревьев, потом внёс необходимое количество удобрений, произвёл опрыскивание, потравил мышей газами и химикатами. Теперь в моём саду и в лесу царил такой же порядок, какому меня обучили в школе. Прошёл только один год, и я увидел большие потери и убытки, причины которых первое время я не мог ни понять, ни объяснить. Разговоры с экспертами и чтение специлитературы указывали на высоту расположения моего участка.

Для меня этот ответ был недостаточным. Все, у кого я работал и с кем контактировал, имели тот же результат — погибшие деревья, с трещинами на стволе, пораженные морозом. Ситуация ухудшалась, я был не уверен в себе.

Фруктовые деревья...

...общепринятая методика

Обрезка деревьев – это ненужный стресс для дерева и энергозатраты для человека. Повышается опасность облома веток от снега или от тяжести плодов. При этом дерево должно иметь опору в виде рядом стоящего столба. Чрезмерное высвобождение энергии приводит к появлению большого количества волчков – пустых веток.

...признание природных взаимосвязей

Если оставить природную ветвистость, дерево укрепляется даже на склоне. Ветви под тяжестью плодов могут опереться на склон, а мыши, зайцы, козули, олени имеют возможность поедать крайние ветви с зеленью, не повреждая ствол. Не тратится время на обрезку, а ветки, склоняющиеся под тяжестью плодов, позволяют солнечным лучам проникнуть вглубь кроны.

Прекращается образование волчков – пустых веток, потому что ведущие фруктовые ветви забирают основную энергию на себя и на развитие плодов.

Благодаря растительному симбиозу осуществляется оптимальное обеспечение влагой и питательными веществами.

Традиционный метод

Большие работы возникают из-за защитной сетки-решетки, защищающей ствол и корень. А корень, помещенный в тюк, остается в земле очень подвижным, поэтому дерево должно иметь опору (ветер, снег, плоды).

Метод Хольцера

Тюк разрезается с трех сторон и сажается на нужную глубину. Корни укрепляются рядом растущими растениями. Благодаря тарелкообразной форме корня дерево стабилизируется.

Отпадают ненужные работы по уходу за деревом — сетка-решетка, защищающая дерево, и столб для опоры.

— Что же мне теперь делать? Из-за убытков перестать заниматься обработкой земли? — думал я, ломая голову и ища ответа лучшего, чем мне дали эксперты. В детстве же у меня всё очень хорошо получалось, я имел большой успех.

Но благодаря скрупулёзным наблюдениям в каждую свободную минуту я заметил, что некоторые растения, не подвергшиеся обработке, у меня на участке и у тех, у кого я не успел ещё «навести порядок», как меня научили в школе, были в настоящем порядке и хорошо развивались. Меня это озадачило. Я стал интенсивно думать об этом, связывая воедино всё произошедшее, и вот во сне мне пришли следующие мысли.

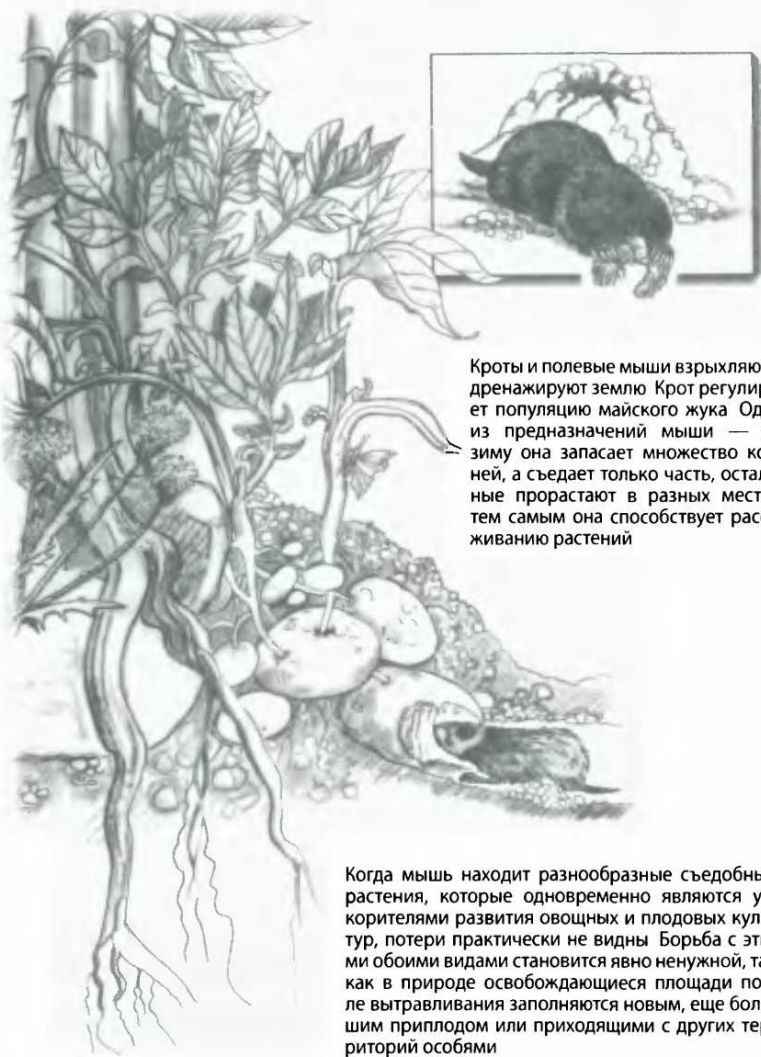
В ситуациях, когда мне необходим совет или помощь, мне помогает умение перемещаться в позицию того, кто меня интересует, например: я вижу цветущее растение, которое цветёт обычно темно-красным цветом, а теперь стало матовым, и выглядит больным. Чуть дальше я вижу снова такое же растение, но — сочное и пышно цветущее, с глубоко-красным цветом. Я беру оба места под наблюдение и рассматриваю каждую деталь: в каком сообществе растений живут больное и здоровое растение, тогда не нужно долго искать причину, всё становится ясным, при этом я должен только знать растения. Больному растению не хватает азота — он отвечает за рост, потом не хватает калия и фосфора — они отвечают за образование цвета.

Больное растение окружено небольшим количеством трав с поверхностными корнями, вокруг здорового растения с сочными цветами, я уверен, растут бобовые — излюбленное лакомство бабочек, окопник, овёс или крапива, это только некоторые позитивные сопровождающие растения, они обеспечивают цветущие растения достаточным количеством азота, калия и фосфора. Бобовые перерабатывают атмосферный азот, находящийся в воздухе, выделяют его в почву через бактерии, живущие на корнях. Окопник, козелец и крапива выделяют через листья, а также и корни питательные вещества, которые с дождём и снеготаянием проникают к корням цветка.

Далее, важную роль в здоровом симбиозе растений играют живые организмы, живущие в почве. Вокруг больного цветка их не видно, тогда как у здорового, напротив, заметно всё многообразие живых организмов.

В конечном итоге всё зависит от правильной точки зрения и от умения читать книгу Природы. В этой книге нет ошибок в отличие от тех знаний, которые я приобрёл при обучении садоводству и в Крестьянской Профессиональной школе и которые мне впоследствии не пригодились. Ещё мне стало ясно: через применение искусственных удобрений у деревьев стал появляться сильный рост, после обрезки дерево образует много волчков, которые тоже должны быть обрезаны. Камбий — слой роста под корой, из-за удобрений чрезмерно растёт, поэтому растения не успевают подготовиться к климатическим изменениям в природе и вымерзают зимой частично или полностью. Мой собственный опыт подвёл меня к тому, чтобы уйти от полученных в школе знаний и вернуться к оправдавшему себя методу.

Важные работники

Кроты и полевые мыши взрыхляют и дренажируют землю. Крот регулирует популяцию майского жука. Одно из предназначений мыши — на зиму она запасает множество корней, а съедает только часть, остальные прорастают в разных местах, тем самым она способствует расселению растений.

Когда мышь находит разнообразные съедобные растения, которые одновременно являются ускорителями развития овощных и плодовых культур, потери практически не видны. Борьба с этими обоими видами становится явно ненужной, так как в природе освобождающиеся площади после вытравливания заполняются новым, еще большим приплодом или приходящими с других территорий особями.

На следующем примере я хочу объяснить, как разнится мой собственный опыт с полученным при обучении. В школе мы учились бороться с полевыми мышами и кротами газом и ядами. Я же пробую использовать этих животных во благо. Оба этих вида взрывают и дренируют землю и, кроме того, защищают от вредителей, а также размножают некоторые виды растений.

Регуляция сортов в сельском хозяйстве и непосредственно в садоводстве наносит ущерб. Современные высокопроизводительные сорта для нашей высоты не подходят, а старые, культурные и дикие, менее требовательны, крепче и по содержанию полезных веществ намного ценнее. Старые сорта зарекомендовали себя и у нас, в горном, влажном климате. Встречающиеся в природе саженцы, прежде всего, сильны в росте, и имеют обильное образование веток у основания, благодаря этому они становятся более защищенными от зверья. Если я не буду делать обрезку у моих деревьев и оставляю все ветки в естественном виде, то дерево способно удержаться даже на крутом склоне, опираясь ветвями с большим количеством плодов или при большом слое снега зимой на верхнюю или на нижнюю часть склона. Мыши, зайцы, козули, олени объедают нижние ветки и не повреждают при этом ствол. Обрезка деревьев, таким образом, вообще отпадает по следующим причинам: ветки под тяжестью плодов опускаются и позволяют солнечным лучам проникнуть вглубь кроны; дерево становится стабильным благодаря опустившимся нижним ветвям, которые опираются о землю; образование волчков прекращается, так как вся энергия уходит на плодоношение и рост основных веток. Благодаря симбиозу растений деревья обеспечиваются оптимальным количеством полезных веществ и влагой.

В Сельскохозяйственной школе Тамсвега я посещал курс взрывников. И впервые я применил эти знания у себя в хозяйстве. Получив удостоверение взрывника, я мог купить любые взрывчатые вещества и мог помочь другим крестьянам в Лунгау — взорвать камни на дороге или на полях, мешавшие применению машин. На эти сельхозработы даже выдавалась финансовая помощь.

В скором времени мы заметили, что из-за постоянной смены погодных условий часто требовалась множественная коррекция участков. Камни и скалы просто снова вылезали из под-земли. Позже мы поняли — эта работа экономически невыгодна. Нередко из-за спрятанных острие скал рвались покрышки, ломались ножи стрегущих траву машин и плуги. Только позднее мне стало ясно, что взрывы камней и скал вызывают негативные последствия.

Обучение ведению рыбного хозяйства на Мондзее

В то время я очень много выписывал различной спецлитературы: «Передовой сельскохозяйственный работник», «Врач растений», «Австрийское рыболовство». Однажды я увидел в газете объявление о наборе на курсы в Федеральный Научно-исследовательский институт водных ресурсов и рыбного

хозяйства в Шарфлинге на Мондзее. Я записался на этот курс из большого интереса к этой теме.

На старом Фольксвагене «Жучок», которым очень гордился, я поехал на Мондзее. Наклеек о техосмотре машин тогда ещё не было — Слава Богу! В противном случае меня бы на дорогу вообще не выпустили с моим автомобилем.

Как только я заехал на парковку перед институтом, то увидел одни шикарные БМВ, Мерседес и т. д. с немецкими, швейцарскими и венскими номерами, я сразу понял, с кем мне придётся учиться. Я немного застеснялся моего старого автомобиля, а когда при регистрации заметил, что участниками в большинстве являются академиками, то подумал, что не подхожу к этому обществу, и даже хотел уехать тут же домой.

Доктор Брушек, руководитель курсов, предложил нам по программе после обеда поехать на государственную рыбоферму, которую я непременно хотел увидеть перед отъездом.

Руководитель рыбного хозяйства Пахингер показывал на практике и рассказывал всё очень простым и доступным языком. Это так впечатлило и вдохновило меня, что я решил: я это выдержу! Записался на курсы и поселился в интернате при Школе. Мы изучали такие предметы, как гидрология, болезни рыб, практическое разведение рыбы. Пахингер также показал воздействие химии на воду, продемонстрировав на смотровом стекле, как опрыскивание и удобрение растений влияет на живые организмы в воде. Планктон — это мельчайшие животные, идущие на корм малькам щуки, судака и сома. Эти сорта рыб не могут быть выращены на сухих кормах, они нуждаются в живой пище. Форель, напротив, может быть выращена на сухих кормах из мяса, крови и рыбной муки.

Невооружённым взглядом было видно на стекле разнообразие живых организмов в воде. В других пробирках были подготовлены дождевые черви и крупные живые организмы, живущие в воде — жуки и насекомые.

После внесения небольшого количества удобрений, таких, как нитрамональций, калий и т. д., можно было видеть, как всё живое, умирая, опускается на дно, особенно шокировала меня длительная борьба за жизнь дождевых червей и жуков. После этой демонстрации много чего произошло в моей голове и в первую очередь — осознание того, что я натворил у себя дома, опрыскивая деревья и разбрасывая удобрения почти до пруда. Моё волнение было настолько сильным, что в эту ночь я не смог уснуть. Постепенно мне становилось ясно, какую большую ошибку я совершил. Возможно, и замёрзли-то у меня плодовые деревья оттого, что удобрения уничтожили живые организмы и в почве?

— Что я ещё делаю неправильно? — спрашивал я себя.

Теперь я знал, что жизнь в воде умирала, и это противоречило мнению в спецлитературе, что вода в рыбных прудах могла быть удобрена азотом, суперфосфатом или кальцием для увеличения прибыли. Приводились примеры опытов на севере Германии, где в очистительных прудах (отстойниках) с большим успехом разводили карпов.

Мой способ ведения прудового хозяйства прямо противоположен профессиональному мнению — вносить фосфат (фото сверху), а также жидкий навоз (фото внизу).

Этот курс очень многому научил меня теоретически и практически. С этого момента я перестал верить всему подряд и научился критическому, всестороннему взгляду, научился, сравнивая преимущества и недостатки, видеть, чего больше. Один учитель говорит так, другой по-другому. Я понял, что многие люди неосознанно делают ошибки, потому что они верят всему на слово, не проверяя и не задавая вопросов.

Я начал размышлять о том, чему научился в Крестьянской Профессиональной школе, и увидел несоответствие во взглядах практиков и теоретиков. Пахингер показал негативные последствия на практике, другие учителя, напротив, преподавали применение удобрений в прудах теоретически, посредством учебных пособий.

Будучи молодым человеком, я должен был понять, кто прав, это я должен был решить сам. Что было правильным? Я чувствовал себя брошенным.

После курсов я купил себе микроскоп, чтобы самому проводить исследования, к примеру, рыбных болезней. Как только отец узнал, он начал ругаться и выказал непонимание в покупке такого дорогого прибора:

— Если так пойдёт и дальше, ты долго не протянешь.

А микроскоп оказался таким хорошим, что много лет спустя им пользовалась моя дочь, учась в университете. Когда я, много позже, встретился с консультантом из Крестьянской Палаты Тамсвега и высказал ему свою точку зрения о применении удобрений, Петер Ротшопф высмеял меня, и по-прежнему защищал научную точку зрения. Но мой опыт всё больше убеждал меня идти своей собственной дорогой.

Письменные работы для всей округи

Из-за моего сада в то время я со многими общался и многое заказывал для своего садового участка, и хотел, конечно, уметь хорошо печатать. Поэтому купил себе старую печатную машинку и печатал вначале по методу двух пальцев. Как только я узнал о курсах машинной печати в Тамсвеге, сразу записался и освоил умение печатать десятью пальцами вслепую. Конечно же, теперь нужно было купить новую машинку. Позже я печатал для всей округи письма, заявления и т. д., часто мне и за бумагу, и за конверты приходилось платить самому. Были те, кто этим пользовался, но были и благодарные, которые за мою услугу помогали полдня на моём поле.

Досрочное окончание воинской службы из-за вступления в права собственности на землю

Служил я в войсках противовоздушной обороны. Несмотря на всю строгость у меня остались хорошие воспоминания о службе в армии. В отличие от других, которые все время жаловались, я чувствовал справедливое отношение,

где существовали одинаковые права для всех. Результаты поощрялись, так что я получил три дня отпуска за то, что в свободное время тренировался на «полосе препятствий». Кормили нас хорошо. После учебки меня перевели в хозяйственную канцелярию.

В скором времени отец написал письмо, через Сельсовет Рамингштайна, в воинскую часть о наследстве и досрочном окончании службы, основанием была болезнь отца и намерение передать хозяйство.

Письмо было для меня неожиданностью, так как о болезни отца я ничего не знал, а в историю о передаче хозяйства не мог поверить.

— Неужели это возможно? — спрашивал я себя.

Конечно, мысль о получении хозяйства меня завораживала. Мне дали два дня отпуска, чтобы я мог съездить домой.

В разговоре с отцом выяснилась серьёзность его намерений. Мой брат Мартин не высказал интереса к хозяйству, а мой интерес был, напротив, большим. Я ещё не мог до конца поверить, как отец сказал:

— Если и ты не хочешь, то я всё продам!

Этим было всё сказано. О продаже и речи быть не могло, я хотел быть крестьянином. Вернувшись в казарму, я написал заявление. Это было 2 мая 1962 года. После долгих разговоров дома то туда, то сюда в июле я, девятнадцатилетний, перенял хозяйство. Была лишь одна проблема — признают ли нотариус и судья меня совершеннолетним для заключения договора о передаче хозяйства. Нотариус составил договор, а судья, взглянув на него поверхностно, обратился к отцу:

— Да, Крамертер, вы должны сами знать, годится парень стать крестьянином или нет, если он готов, то подпишись здесь, а парень, став совершеннолетним, может делать с хозяйством всё, что он захочет, и тогда ты не сможешь сказать ему ни слова. Мой отец подписался, и я тоже, в суде было всё закончено.

После мы завернули в ресторанчик, как тогда было принято, заказали пиво и лучший, ливерный, паштет. Потом поехали домой на мотоцикле, где нас ждала уборка сена.

Заявление судьи, что я как хозяин могу делать всё, что хочу, придавало мне ощущение глубокого удовлетворения. Много мелкнуло у меня в голове, наконец-то я мог заложить намеченные террасы, пруды и сады.

Однако передача хозяйства на практике оказалась не так проста, как казалось; по договору я не имел права выставлять каких-либо условий до совершеннолетия, на всё должен был соглашаться и при этом говорить — Аминь! Я не мог даже представить себе всю широту ответственности, которая легла на мои плечи; я не имел права на получение инвестиций без согласия на то отца (только этот пункт договора готовил мне в будущем большие проблемы). От того, в каком настроении находился мой отец, зависело, скажет он «да» или «нет», все это сдерживало развитие нашего хозяйства. Отец тогда ещё частично был под негативным влиянием так называемых друзей и картёжных товарищей.

Уже в скором времени я также смог прочувствовать пункт договора о правах, обязательствах, долгах и активах, к которым относились все записанные и не записанные обязательства. Сразу же объявились «друзья» папы, среди них были и соседи, и объявили об открытых карточных долгах. Я должен был противостоять этим взрослым мужикам, объясняя свою неготовность погасить задолженность, что подтвердил и нотариус. По природе вещей, появились разногласия между товарищами отца и мной. Они подначивали отца, иногда с успехом, настраивая его против меня.

Позже отец образумился, неделями помогая в различных работах. Помогал соседу на строительстве водопровода, отработывая свои долги. Другие долги я должен был погасить сам — в Рамингштайне был открытый кредит; для лесопильни я должен был предоставить лес в счёт погашения долгов, всю осень и зиму валить лес и лошадьми вывозить в долину.

Первое время молодого крестьянина

Мой брат Мартин сразу после передачи хозяйства поехал в Германию на валку леса, и зарабатывал хорошие деньги. Тогда многие молодые люди ехали в соседнюю страну на заработки, деньги там можно было легко заработать. Зимой 1964-1965 года я тоже зарабатывал деньги для своего хозяйства на валке леса, кочуя по Германии. К сожалению, наша фирма, где работало много парней из нашего региона, разорилась, и получилось, что мы работали впустую. А так как мы работали и по воскресениям, то, попав однажды под полицейский контроль, должны были выплатить штраф «за нарушение воскресного спокойствия» из своего кошелька. Деньги были не у всех, я заплатил за некоторых, и эти деньги ко мне тоже не вернулись.

В апреле, на Пасху, я вернулся домой с 26,40 шиллингами (1,92 евро) в кармане. Тогда между мной и отцом были большие разногласия, в Тамсвеге я купил половину гектара земли и начал строить дом на случай, когда женюсь, а дома возникнут проблемы, чтобы мне было куда уйти. Постоянные вмешательства моего отца в мои дела были уже невыносимы.

Новая дорога – большие затраты

В 1964 году началось строительство грузовой дороги «Койшинг VI». Это открывало передо мной много новых возможностей, я мог ускорить строительство террас, прудов и садов. Строительство дороги несло не только много работы, но и много расходов, поэтому я принял решение продать 5,4 га полей и молодых лесопосадок государству. Главный лесничий Тамсвега Альтрихтер предложил мне вначале 8 шиллингов (58 центов) за квадратный метр, однако три года спустя я получил чуть больше 3 шиллингов (22 цента).

— Господин Хольцер, это зависит от вас, если вы нуждаетесь в деньгах, то подписывайтесь! Генеральная дирекция больше вам не заплатит.

К этому времени банк профинансировал строительство дороги, так что я вынужден был подписать договор и продать землю по бросовой цене. С нестерпимой болью в душе я пошёл на эту сделку. Была только одна заковырка — вся земля была заложена под кредит, который брал раньше мой отец, невыплаченный остаток составлял 12 400 шиллингов (901 евро). В Райффайзенбанке мне отказали в продаже 5,4 га земель, несмотря на то, что еще 20 га и все хозяйство оставались при этом в залоге. Тогда я был вынужден перейти в другой банк — Шпаркассе, где директор, выслушав мой рассказ, сначала не мог поверить в такое, а потом спросил, сколько мне нужно?

— 12 400. Потому что я получу эти деньги от лесничества, — сказал я.

А он сразу же предложил мне 20 000 шиллингов. Теперь я мог полностью рассчитаться с Райффайзенбанком, освободить землю от залога, осуществить продажу 5,4 га, оставляя в хозяйстве еще 20 га, и вздохнуть с облегчением. Многие годы спустя я вернулся в Райффайзенбанк Тамсвега, потому что все государственные кредиты для крестьянских хозяйств выдавались именно в этом банке.

Выкуп государственного участка

Несколько лет спустя проданный мною участок был выставлен на продажу, и главный лесничий Бок пригласил меня на замер. Я пришёл не сразу, растягивая время — всё ещё обижался на них за то, как они обошлись со мной. При обходе я указал главному лесничему только примерные границы участка и тут же вернулся назад.

Позже я определил по приграничным камням, что этот участок не соответствовал реальным границам. Мне это не мешало, потому что было не в ущерб. На этой, оставшейся в мою пользу, части участка я построил дорогу, посадил деревья, подвёл воду, и собирался разводиться горных альпийских козлов. Я подал заявление на выкуп моего участка и ещё одного у лесничества общей площадью 10,7 га. К сожалению, мою просьбу не поддержали. И, как следствие, я перекрыл возможность передвижения через мой участок для работников лесничества, потребовал исправить границы, другими словами, они остались владельцами, а я пользователем.

Я хотел выкупить свой участок (с исправлениями) назад также за 3 шиллинга. А по поводу используемой мною части участка размером примерно в 1 га я отметил, что речь может идти только о заблуждении лесничества, и что я никогда не продавал ее и не собирался.

Оставаясь постоянным в своем намерении, я в 1988 году, как только появилась возможность, выкупил этот участок. Наконец-то моя земля вернулась обратно в хозяйство.

Целители и медики

Однажды работник Альфонс и я ехали на мотоцикле из Тамсвега домой и на одном из поворотов столкнулись с перебегавшим насыпную дорогу оленем. Аль-

фонс получил лёгкие ушибы, а я — тяжёлые увечья ноги и локтя правой руки. По животному было видно, насколько тяжёлой была авария.

Чтобы вызвать «скорую», нам пришлось идти пешком 3 км до ближайшего телефона в Мадлинг. Следующие шесть недель я провёл в больнице. С рукой возникли настоящие проблемы, многократная пересадка кожи с бедра на локоть не давала желаемых результатов, врачи не могли остановить заражение. Мне пришлось оставить больницу, так и не выздоровев. Безуспешно я перепробовал различные средства самолечения. Потом я ещё трижды лежал в больницах Тамсвега и Зальцбурга общей продолжительностью 10 недель. Состояние руки не улучшалось, и врачи предложили ампутацию ее нижней части, чего я никак не мог допустить. Я уже подал на пенсию по инвалидности в пенсионную страховку, как однажды встретил в Тамсвеге знакомого, который рассказал мне о случае с бензопилой и о своем сильном повреждении голени. Его проблема благополучно разрешилась благодаря быстрому излечению у одного травника, который помог так же мяснику, попавшему топором себе в колено. В обоих случаях травник помог излечиться от гноящихся ран. Это Питер Бауэрн из Санкт-Петербурга в Каммерсберге. Я наполнился надеждой.

В тот же день я поехал к нему и попросил о помощи. Мужчина примерно 75 лет бросил короткий взгляд на мою руку и сказал:

— Всё будет в порядке.

Он при мне приготовил мазь и влил маслянистую жидкость в бутылочку, и это было всё. Вместе с советами это обошлось мне в 20 шиллингов (1,45 евро), я дал ему ещё на чай и поехал, очарованный, домой.

Уже через 14 дней лечение показало невероятный результат — загноение исчезло, и рана зажила. Благодаря рекомендованному массажу со специальным маслом рука начала понемногу двигаться, через два месяца я мог пользоваться своей рукой так хорошо, что отказался от инвалидности. Для меня это был новый и невероятный опыт, теперь трудно даже представить, какие последствия могли быть после ампутации предплечья. Знания природы, их практическое применение этим старым человеком были для меня на вес золота. С тех пор я всегда считаю необходимым хранить и документировать такие знания природы.

Создание семьи

С моей супругой я познакомился в 1967 году в Тамсвеге, она работала там сезонной рабочей в одном из хозяйств. Вероника была, и есть, для меня счастливой находкой. Мы поженились 20 апреля 1968 года, венчал нас священник Валентин Файфенбергер в церкви Св. Леонарда в Тамсвеге, он был знаменитым на всю округу «Епископом Лунгау».

По желанию её родителей родом из Штайермаркта, мы поженились по их обычаю, особенность которого была в том, что музыканты играли весь день непрерывно до 4.30 утра. Обычно невеста переезжала в дом жениха в день свадьбы-

20 апреля 1968 года я женился на Врони, дочке горных крестьян из Обдаха в Штайермарке. Это было стартом для нашего общего семейного счастья.

Врони всегда была для меня тем, на кого можно положиться, без нее я бы не имел такого успеха.

бы, а на следующее утро нужно было всю работу. Я тогда занимался строительством прудов, садов и водопровода. Это было время посадок. К тому же, утром и вечером нас ждала работа по дому и по хозяйству. Через несколько недель мама сказала мне:

— Ты, парень, попал в яблочко, тебе досталась хорошая девчонка!

Первоначальный скепсис моего отца в отношении Вероники постепенно тоже прошел. В деревенском трактире отцу сказали:

— Она ничего не умеет, внебрачный ребенок, без приданого.

Из-за этого перед женитьбой у меня с отцом были ссоры. Он хотел, чтобы я изменил своё решение, доверяя разговорам подстрекателей больше, чем мне. Проблема усугублялась еще и тем, что моя жена была не из нашей деревни.

Большие требования моего отца к моему поведению и к моей супруге со временем исчезли, он понял, что был несправедлив, когда увидел, как посетители моих прудов, садов и террас стали восхищаться моей работой. Ему понравилось и то, что я стал хорошо зарабатывать.

Эта тенденция привела к тому, что построенный мной в Тамсвеге дом оказался в скором времени не нужным. Мы чувствовали себя все вместе в Краметерхофе счастливой семьей. Дорога была построена, и всё стало изменяться семимильными шагами.

Дом в Тамсвеге я продал, а деньги вложил в развитие нашего хозяйства. Сомнения, сможем ли мы ужиться с родителями, улетучились.

В октябре 1968-го на свет появилась наша первая дочь, Мариэтта. Её рождение принесло в наш дом дополнительную радостную атмосферу, родители окружили маленькую таким теплом и заботой, что я стал беспокоиться, как бы они не перестарались.

Первый телефон в Краметере

Так как я занимался прудами, размножением рыбы и разведением грибов, эта активная работа становилась всё тяжелее без телефона. Я обратился к почте с просьбой установить общественный телефон. Потребовалось найти ещё четырёх заинтересованных, к тому же, в будущем я должен был передавать всем соседям телефонные звонки в их адрес.

Как заявителю мне было необходимо собрать письменное согласие всех, по чьим землям пройдет телефонная линия. Все согласились, кроме ранее упомянутого председателя Райффазенкассы.

— Что, ты хочешь иметь телефон?! — и он не согласился, хотя столбы должны были пройти у него по крутому склону, заросшему кустарником. Сосед Йохан Кендлбахер, напротив, дал согласие, хотя столбы на его поле стали препятствием, так как там можно было работать бензокосилкой. Когда всё было готово, выяснилось, что одна соседка собрала подписи против телефона. Тогда мне самому пришлось оплатить подключение, и только много лет спустя, когда

объём «приветов» соседям превысил все мыслимые границы, почта стала проводить домашние телефоны.

Дополнительный доход — сезонные работы

Из-за большой активности и множества работ (пруды, террасы, дороги и т. д.) тех денег, что я зарабатывал, не хватало на инвестирование моих проектов, так что нам с женой приходилось на зиму подражаться на работу. Одну из таких зим мы работали в Обертауне — жена на гостиничной кухне, а я дворником. В последующие годы в дополнение к домашним работам я нанимался валить лес.

Разведение грибов — успешная ниша до катастрофы в Чернобыле

Еще со школы я занялся разведением шампиньонов и лесных грибов, к тому же, вначале я много пробовал разводить и ядовитые грибы. Успехи то были видны, то нет, что было вначале экспериментом и игрой, стало для меня впоследствии ощутимым доходом.

Я понял, что основным условием разведения лесных грибов является симбиоз растений.

Огромное значение имеет распознавание растений — вьющиеся, папоротники, грибы, от маленького до большого. При закладке новых площадей решающим будет дополнение к уже имеющемуся растительному покрову недостающих растений и, как следствие, дальнейшее обеспечение их правильного питания.

Намного проще разведение древесных грибов, таких, как вёшенка обыкновенная, зимний опёнок, опёнок вздутый и шиитаке. Также спаржевые, белые грибы и шампиньоны очень легко разводить, так как необходимый питательный субстрат относительно легко приготовить.

В 70-х годах разведение грибов приносило большие доходы, все наши хозпостройки, бывшие коровники были к этому адаптированы. Я построил туда центральное отопление и полив.

Дело дошло до того, что я организовал свою собственную службу доставки, которая в любое время доставляла грибы клиентам — в гостиницы, а также в армию. Мы даже производили сушёные грибы и консервы.

Из-за успешной продажи я полностью сконцентрировался на грибах, что позже оказалось большой ошибкой. В 1986 году, после катастрофы в Чернобыле, рынок пищевых грибов был враз разрушен. Не потому, что мои грибы были заражены, а потому, что спрос на них сразу же пропал. Все мои сооружения стали ненужными. Эта катастрофа нанесла мне ущерб в 1,5 млн. шиллингов (109 тыс. евро). Это был горький опыт, который я осознал — больше никакой специализации!

Вместе с грибами на 2/3 упали цены на мясо: с 60 до 15-20 шиллингов (1,09-1,45 евро) за кг — к тому времени у меня было под загонами 30 га земли

для крупнорогатого дикого и домашнего скота. А в заключение обрушились и цены на рыбу.

Сколько забот и хлопот и головных болей принесла мне и моей семье Чернобыльская катастрофа, нельзя выразить никакими словами. Мы оказались на волоске от банкротства, и все — из-за атомной политики далеко находящейся от нас России, и то, что человечество до сих пор занимается атомной энергией, на мой взгляд, является слишком безответственным. Ведь не только жизнь человека подвергается риску, но также невозможно представить и просчитать последствия для сельского хозяйства и побочные эффекты.

1969 – 1975 гг.: заказник, закусовая, гостиница

Мои первые рыбные пруды на горе, о которых я еще буду рассказывать, были высмеяны.

— Как вообще на горе можно построить рыбные пруды?

— Где он будет рыбу продавать? — было заботой людей.

Когда возникли мои вольеры с дикими животными и закусовая, соседи вновь начали покачивать головами, люди в деревне спрашивали:

— Кто полезет на эту гору?

Для других пересудов послужила следующая причина — я распродал весь крупнорогатый скот, чтобы высвободить время для спекультур.

У нас шли большие строительные работы, дом наш на то время был без всяких удобств. Строители советовали мне не заниматься усовершенствованием дома, потому что фундамент был старым, а местами его вообще не было. Каменные стены метровой толщины имели трещины, но мне нравился этот дом, а не новые дома, что строились теперь по соседству, которые ни о чем не напоминали.

Под все стены был подведён фундамент и высушен по моей технологии. Так как в магазине не было подходящих вентиляционных труб для особенно массивных каменных стен, а прямые просверливания стен лишь частично выполняли функцию вентиляции, я решился на альтернативный метод: встроил в стены обожжённые глиняные трубы. Внешние стены были обиты сеткой и оштукатурены. Этот метод прекрасно оправдал себя, с тех пор дом стал сухим. Насколько утомительным стал этот ремонт, я заметил намного позже, в ходе строительства водопровода и центрального отопления. Когда слесарь отметил места для отверстий, всё выглядело безобидным, и только когда мы взялись за работу и разворотили стены, стало понятно, сколько ещё труда впереди.

В стенах были метровые камни, одни твёрдые, другие помягче, они с трудом вытаскивались или пробивались. Часто это приводило к опасности, что стена обрушится, поэтому её приходилось подпирать.

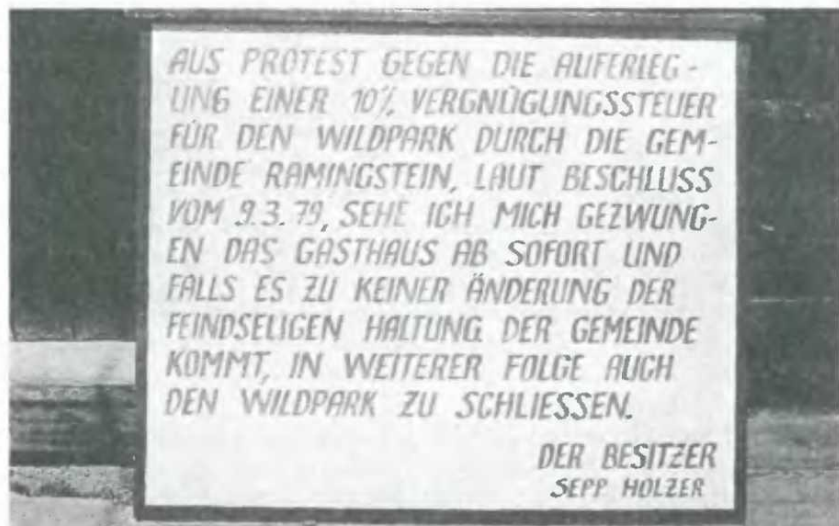
Недостатки старого дома дали о себе знать при ремонте пола, стен и потолков. Всё было косо, не в уровень, не имело прямых углов и было непосиль-

Alpenwildpark Ramingstein

Альпийский дикий парк Рамингштайн.

Многие годы этот парк был основным источником дохода. Тогда в Краметерхофе нашли свою родину такие редкие животные, как медведь, рысь, альпийский горный козел, альпийский сурок и филин. Вольеры были так хорошо сконструированы мной, что звери приносили много потомства.

В протест 10-процентному налогообложению Сельсоветом Рамингштайна (от 09.03.1979 г.) парк я вынужден закрыть, и закусочную тоже. Этой вывеской я информировал посетителей, почему парк закрылся.

ным трудом. Я часто сомневался, нужно ли было вообще затевать весь этот ремонт, к тому же, это выливалось в кучу затрат.

Теперь, оглядываясь назад, я очень рад тому, что сделал свой дом уютным, не сравнимым с современными домами. Дома, которые строились в 60-х годах, возводились по шаблону, имели плохую тепло- и звукоизоляцию, по-моему, они не так комфортны и непривлекательны. Я чувствую себя в своем отремонтированном старом крестьянском доме, как в сказочной стране.

Во время стройки я придумал приспособить большие комнаты под закусную, а позже под гостиницу. Весь верхний этаж был обустроен под гостевые комнаты. И всё же я допустил одну ошибку с отоплением. При открытии гостиницы и парка с животными было столько людей, что у нас не хватало времени подбрасывать ежечасно дрова в печку, находящуюся в подвале, к тому же, лестница, ведущая в подвал, была длинной, а печка не такой хорошей. Позже, проконсультировавшись, я перешел на отопление жидким газом. Заменял печь также и на кухне, что потребовало больших материальных затрат. Помню год, когда я за газ отдал 120 000 шиллингов (8.721 евро). К тому же, появились проблемы у персонала кухни, они стали жаловаться на головную боль и жжение в глазах. Это заставило меня еще раз перестроить всё отопление — газовый котёл, ёмкость для газа и всю газовую кухню, система стала теперь образцовой, но не пригодной для продажи. Частично я оплачивал переработку отходов. В других гостиницах нашего региона тоже стали переходить на газ; позже я понял — газовые системы были большой ошибкой. Я вернулся к отоплению дровами, на кухне теперь стояла электроплита и печка; подогрев воды в доме и отопление с тех пор тоже комбинированные. Потрескивание дров зимой на кухне вновь создало атмосферу уюта. В доме была построена также большая кафельная печка, все это создаёт прекрасный живой климат. Я рад, что вновь вернулся к использованию натурального материала для отопления.

То, что в 1972 году начиналось с закусной, со временем расширялось — разведение грибов, садоводческая школа, спортивная ловля рыбы, парк диких зверей, гостиница. Бывало, гостям приходилось спать на сеновале в спальнях мешках в ожидании свободной комнаты. Почти всегда дом был полон людей, поэтому внешние сооружения должны были быть соответствующими — парковочные места, скамейки, детская площадка, то есть то, что здесь, на крутом склоне, сделать сложнее, чем в долине. В сумме было завезено более тысячи грузовиков со стройматериалами.

В то время о личной жизни не было и речи, мы заразились так называемым трудоголизмом. С одной стороны, это было в радость — иметь такой большой наплыв людей, но, с другой стороны, не было времени для себя и семьи. День за днём, с раннего утра до поздней ночи была только работа, особенно напряжёнными были праздничные дни. И то, что моя жена родила на свет пятерых детей, когда мы должны были спать на чердаке, чтобы гости не спали на

сеновале... Без нянечки моя жена кормила всех гостей, при этом качая коляску, и управлялась по хозяйству. В то время, если кто-то из нас шел, а не бежал, возникал вопрос: может быть, он заболел?

С сегодняшней точки зрения, мы подрывали свое здоровье, но тогда — это было так здорово: быть преуспевающими, считать вечером деньги, если вообще хватало на это времени.

Наш успех, конечно, не остался незамеченным для некоторых завистников из деревни. Политика Сельсовета тогда была сильно зависима от завсегдаев трактира, а следствием стало — 10-процентное налогообложение (с оборота) со зрелищных и увеселительных предприятий. Дополнительно мне предписывались налоговые проверки (налога на напитки, налога на оборот, налога на зарплату и налога на доход).

В условиях разнообразия нашего предприятия и разносторонности источников дохода не все досконально было учтено, и не каждая мелочь была по порядку внесена в кассовую книгу. При различных налоговых проверках были найдены такие маленькие недостатки, поэтому было решено сделать сумму оборота приблизительной, и, как следствие, я должен был выплатить налог почти 1 млн. шиллингов (73.000 евро), что, на мой взгляд, было чересчур завышенным. Я сразу же решил закрыть гостиницу.

Так как Сельсовет не шёл навстречу моим попыткам убрать этот 10-процентный налог, то я со временем закрыл и мой парк с вольерами диких животных. Закрытие закуской и парка вызвало резкую реакцию общественности, ведь это было одно из любимых мест, известное далеко за пределами нашей округи. После закрытия парка Сельсовет сделал мне предложение, на основании моего заявления, о возвращении 10 процентов (вносимых моим предприятием за «увеселительные и зрелищные мероприятия») на финансирование моего предприятия. Но для меня — «поезд уже ушел», основываясь на своём опыте, я не хотел иметь ничего общего с этим.

Теперь я мог более интенсивно заняться спекультурами и разведением садов. У нас снова появилось больше времени. Парк с дикими животными с территорией примерно в 30 га я превратил в хозяйство по разведению горных козлов, серны, благородных оленей, лани и т. д.

Тогда в моём ведении было более 1.000 га охотничьих угодий. Вскоре мои спекультуры, охотничьи угодья и хозяйство по разведению животных, а также гостиница стали приносить доход не меньший, чем закусовая и парк с дикими животными.

Зависть — ужасный груз

Это что-то особенное: сначала высмеивают и ругают, а потом завидуют. Из зависти один сосед однажды на подъезде к нам высыпал на дорогу обломки напильников для бензопилы и гвозди. Почти 20 автомобилей из-за этого пострада-

ли, среди них также и машины техпомощи. Параллельно с этим постоянно приходили анонимные жалобы на нас, в большинстве случаев — из-за превышения тоннажности на подъездной дороге. В итоге виновник был обличен, осуждён и наказан. Во всей этой истории он сам себя наказал больше всех. Он должен был попросить прощение у каждого пострадавшего и возместить убытки.

За его безобразное поведение я его давно простил и ничего не потребовал для себя за убытки. Он должен был сам понять, по совести, как с этим справиться в себе.

Покупка новых участков

Для расширения террас и садов мне была необходима покупка новых земель и обмен. Так я, к примеру, купил в Тамсвеге поляну и обменял ее на прилегающий к моим землям участок. Правда, при этом мне пришлось заплатить налог за покупку земли дважды, а не один раз, как это было принято при обмене, а все потому, что моя идея выглядела спекулятивно.

Так же я приобрел и родники, тогда еще дешево, и обустроил водяную сеть общей протяженностью 10 км, которая обеспечила весь мой водяной ландшафт и две электростанции, используемые мной и сегодня.

Разведение нутрии

Я очень рано понял, что для меня нет будущего в традиционном ведении сельского хозяйства. Поэтому, несмотря на все удары и негативный опыт, я всегда снова и снова занимался поиском новых возможностей производства в сельском хозяйстве. Однажды я прочитал в сельхозгазете статью Университета почвенных культур в Вене о возможности выгодного разведения нутрии. Этих зверьков можно разводить для мяса и меха.

Это звучало заманчиво. В скором времени я запустил опытный проект. Эти животные были поселены в большие помещения с проточной водой и, частично, на свободе, в садах у водоёмов. Разведение шло без проблем, и сбыт вначале выглядел гарантированно. Только намного позже, когда скорняки, после «мехового протеста» защитников животных, столкнулись с проблемами, это отразилось и на моем деле. Несмотря на то, что защитники природы всегда подтверждали моё примерное содержание животных, меховой рынок развалился. Мои заказчики-скорняки разорились, и я потерпел неудачу. Нутриевый проект закончился.

Пчеловодство

Много лет более или менее интенсивно я занимался пчелами. Этот вид деятельности прекрасно уравнивал часто очень напряжённую остальную работу. К тому же, у пчел можно многому научиться. Для моего ведения сельского хозяйства пчелы незаменимы. Они играют очень важную роль в опыле-

нии множества растений, плодовых деревьев, лекарственных трав и т. п. Главное, что собранный из всего этого мед является эликсиром жизни.

Похожая ситуация происходит и с другими биопродуктами, так же, как и с мёдом: взятки из всего этого разнообразия растений, к сожалению, недостаточно оценены, находятся в так называемой конкуренции с традиционными хозяйствами. Поэтому со временем производство мёда я сократил и оставил его лишь в небольшом количестве. От пчёл же, имеющих огромное значение для экологии, во много раз превышающего ценность мёда, я не могу отказаться.

Разведение редких птиц

Я всегда интересовался кекликами, рябчиками, тенёрками, тетеревами, а также перепелами, куропатками и фазанами. Всех этих птиц я разводил в собственноручно сконструированных вольерах, и они успешно размножались, даже такие ночные охотники, как совы и филины.

В настоящее время я размножаю в теплицах синелобого амазона и больших попугаев. На парочку одного из этих видов я наткнулся случайно и взял их на временное содержание у одного селекционера. Они хорошо прижились у меня, и приносили от 2 до 3 птенцов ежегодно. Самое важное в содержании этих птиц — создать максимально приближённый к природным условиям биотоп.

Проект «Рысь»

На протяжении многих лет я с большим успехом занимался содержанием европейской рыси. Много детёнышей появилось на свет у меня, некоторых из них я и сегодня встречаю время от времени в своих угодьях.

Здесь рысь обеспечивает самый лучший уход. Она охотится на больных животных, исправляет ошибки охотников. Кто хотя бы раз наблюдал рысь при охоте всё равно на кого: на мышшь, зайца или больную косулю, будет восхищён этой благородной хищной кошкой.

В связи с этим хотелось бы рассказать один интересный случай. В газете «Зальцбургский крестьянин» я прочитал о продаже старых кур несушек в большом количестве, по цене всего 10 шиллингов (73 цента) за штуку. Я поехал к этому человеку, желая купить 100 штук, но, к моему разочарованию, я увидел полуголых, содержащихся в клетках, кур. Так как я был здесь, я всё же купил 100 штук. Этими курами я хотел кормить пару рысей с четырьмя детёнышами.

Приехав домой, я сразу же забросил в вольер к рысям трёх кур, которые молниеносно были задавлены. С кормёжкой в этот день для меня было покончено. Следующий день я планировал как разгрузочный для животных — в природе они не каждый день имеют добычу. Через день проверил, всё ли съедено (ничего не должно было пропасть, остатки всегда мной убирались). Однако пара с детёнышами своим поведением показывала, что они были чересчур голодны. Осмотрев вольер, ища остатки кур, как минимум, перья, я обнаружил

В разведении зубров, бизонов и яков я имел большой успех и зарабатывал хорошие деньги, но с открытием восточных границ рынок развалился, цены упали, и я перестал этим заниматься.

Разведение лесных птиц, таких, как тетерев, тенерки, рябчики, доставляло мне много радости, но и хлопот, потому что не всегда можно было легко найти для этих требовательных животных подходящий корм.

всех трех кур в одном месте, прикрытых землей, листвой и травой. Причина мне стала сразу же ясна: из-за питания и содержания в клетках, где куры напичкивались всевозможной химией, они были настолько безвкусными, что по своему природному инстинкту рысь признала их не пригодными в пищу.

Я сразу же поехал за едой к мяснику в Тамсвег, на которую рысь с жадностью набросилась. Оставшихся кур много недель я выкармливал в больших вольерах своими, не отягощенными химией, зерновыми остатками с кухни и травой. Каждую неделю я приносил рысьям по одной курице на пробу, поначалу происходило то же самое. И только спустя пять недель впервые рысь съела курицу.

Выяснилось, что не только рысь, но и лисы и куницы отказываются есть инкубаторских кур. Животные, имея сильный природный инстинкт, сами выбирают себе пропитание, избегая всего, что могло бы подвергнуть опасности их здоровье. Они скорее подохнут с голоду, чем будут такое жрать. И мы, люди, через наблюдение за животными можем многому у них научиться, потому что мы свои природные инстинкты давным-давно потеряли. Мы проверяем то, что едим, все равно что не проверяем вовсе.

Мой опыт с сурками, дикими зайцами и косулями показал, что животные не жрут, к примеру, салат из традиционного овощеводства, они также пренебрегают свеклой, морковью и капустой до тех пор, пока имеют хотя бы малейшую возможность избежать такого питания. Однако отходы от салата и других биопродуктов съедаются даже в состоянии начала разложения, вместе со стеблями и корнями, без остатка. Прежде чем притронуться к овощам из супермаркета, они будут кушать отходы салата и других биологических продуктов вместе с корнями и стеблями.

Дикое животное, которое имеет возможность питаться натуральной пищей, приложит все усилия, чтобы питаться максимально здоровой пищей. Когда животное не имеет такой возможности, сразу видны последствия. У птиц, к примеру, становится матовым, без блеска, оперение. Хищники едят слабых или больных, но никогда — отягощенных химией животных. Если заставлять их есть ненатуральную пищу, то они болеют, что наблюдается в зоопарках и парках для зверей, и это приводит к длительному их выхаживанию.

Ядовитые растения очень важны для животных

Животные могут обойтись и без человеческих медикаментов. Когда у зверей корм становится бедным, а ядовитые растения, используемые животными как природные медикаменты, недоступны, то их желудочно-кишечная система поражается паразитами. Следствием являются поносы, шерсть теряет блеск, становится матовой, животное выглядит больным.

Если в загоне у одной косули понос, это знак поражения паразитами. В большинстве случаев это происходит со слабыми особями, если животное на-

долго перевести в новый загон, то при наблюдении видно, что они первым едят — горький люпин, щитовник, ракиту и такие особо ядовитые растения, как аконит. Проходит совсем немного времени, и животные становятся снова здоровыми. В абсолютно здоровом состоянии животные пренебрегают этими травами.

Из их естественного поведения видно, что природная аптека работает и без рецептов. Но что делает человек?! Он идёт к врачу за рецептом, а потом в аптеку, и глотает таблетки.

Разница между домашним и диким крупнорогатым скотом

Между домашним и диким крупнорогатым скотом, зубрами и бизонами, я обнаружил разницу в питании, о которой стоит рассказать. Домашние коровы с удовольствием едят клевер, сено отавы, тогда как дикие с удовольствием едят структурированное сено с обеднённых полей, маленькие веточки, лишайники с деревьев. Поведение обезроженных домашних животных при наблюдении показалось мне особенно неестественным. Я думаю, что рога имеют влияние на поведение животного, служат, наверное, своего рода передатчиками. Я могу себе представить, что в рогах и копытах откладываются вредные вещества, которые не могут быть выведены другим способом из организма, кроме как через естественное снашивание. Между тем обрезание рогов, а также кастрация свиней равны калечению животных. Маркирование ушей, по моему разумению, воздействует, похоже, также негативно. Чрезмерно большие ушные марки Евросоюза в обоих ушах не только некрасивы, но и негативно влияют на среднее ухо — из-за мешающего шума ветра, разницы температур летом на солнце и зимой в мороз, к тому же они вызывают опасность травмирования через цепляния и, как следствие, вырывание. То, что Профсоюз проголосовал за ушные марки, мне непонятно, я боюсь, что крестьянам когда-нибудь также повесят такие ушные бирки. Альтернативу я вижу в татуировках животных.

Успешное разведение и здоровье животных лежат в наблюдении и распознавании взаимовоздействий и взаимосвязей. После того, как меня все время спрашивают: как я точно определяю взаимодействия животных и растений, я могу только повторить — поставь себя на их место! Ты являешься животным, ты являешься растением. Ты — противоположное. Исходя из этой точки зрения, попробуй понять, что тебе нравится, а что нет, и что бы ты изменил.

В основе своей это очень просто, потому что в природе нет ничего сложного, а если и есть, то это только то, что делает сложным сам человек, теряя таким образом доступ к этому. Такой способ наблюдения действенен как для дождевого червя, так и для попугая, зубра или рыси, а также для цветка или яблони.

Горечавка: удачное разведение

Многие животные и растения занесены в Красную книгу, это значит, что они на грани исчезновения. Почему? По моему мнению, мы разучились жить, следуя круговороту природы, и полноценно использовать его. Ведь, в конечном итоге, всё растёт для человека и животных. Человек стоит на высшей ступени цепи питания.

На примере точечной горечавки, занесённой в Красную книгу, я хочу показать, на каком ложном пути находятся защитники природы и наука.

Пять лет я старался развести это растение в теплице, различные инструкции по разведению не принесли никаких результатов. Злясь, я выбросил из теплицы на улицу деревянные ящики с землей и семенами. Несколько месяцев пролежали они на улице, пока я не собрался их сжечь. И тут я увидел в одном из ящиков маленькие росточки. Я стал скрупулёзно исследовать их и увидел, что это росла горечавка. Что же произошло?

Земля в ящиках оставалась долгое время под открытым небом, много раз замерзала и оттаивала, снег и дождь вымыли часть земли, по-моему, всё это и вызвало прорастание.

Благодаря этому случаю я должен был более тщательно пронаблюдать круговорот в природе.

Точечная горечавка растёт в нашем регионе выше границы лесов, примерно от 2 тыс. метров над уровнем моря. Когда там созревает семя, я знал — в сентябре. Как делится семя, когда опадает? Я определил, что семена эти не летают, а достаточно плотно опадают вокруг материнского растения. Копытами коров, коз и баранов, а также на шкуре животных и ветром разносится семя в форме листочка по округе. Скот втаптыкает семена в землю, где они прорастают, или, когда животные съедают их вместе с травой, то через навоз горечавка высевается в разных местах.

Погода высокогорья очень изменчива осенью. Утром — мороз, днём — сухо и тепло, иногда дождь, сухость, снег и опять сухо, и так до тех пор, пока зима не укроет всё снегом. Весной такая изменчивая погода продолжается вплоть до июня, когда на короткое время бывает по-настоящему тепло. Семя горечавки, таким образом, много раз вымачивается и снова высыхает, замерзает и оттаивает. Это семя может прорасти только тёплым летом, чтобы увидеть его росточки, нужна лупа.

Если все эти факторы воздействуют на горечавку, то она прорастает в большом количестве. Важную роль при этом также играют сопровождающие этот процесс грибки (микробиоты), живущие вокруг материнского растения. Вместе с семенами животные и ветер будут разносить и грибки. Если логически поразмыслить, то напрашивается вывод: семя горечавки прорастает за счёт света и мороза. Так, благодаря природным воздействиям, происходит стратификация (стимуляция семени к прорастанию), и к тому же, оно получает необходимый сопровождающий грибок.

Желтая горечавка произрастает только на известковых почвах — это мнение так называемых экспертов. Мною высеянная горечавка, между прочим, даже на первичной породе будет выше человеческого роста.

Как же я должен привести к прорастанию семени, если я уже в сентябре собираю горечавку? В спецлитературе рекомендуется держать семена до весны, мои же эксперименты показали, что тогда оно теряет способность к прорастанию. Если же хранить семена горечавки с водой и землей с места произрастания, при температуре $-10-15^{\circ}\text{C}$, в морозильнике, в пластиковом пакете, то, разморозив его и высевая семена в скудную землю, она будет расти как трава. Это результат моего наблюдения.

Многие участники моих семинаров и посетители испытали с успехом мой метод на практике. Таким способом можно размножить и многие другие виды растений и грибов.

Это свидетельство бедности науки, когда она не может преподать нашим детям, как сохранить растения и животных в природе, как создать необходимый биотоп, привести многообразие в природу. А что делает наука и органы власти? Они организуют органы защиты природы, которые, в свою очередь, уполномочены охранять. Эти охранительные органы проверяют крестьян, чтобы они не пересаживали к себе на участки и не использовали даже части растущих на своих землях альпийских растений. На примере точечной горечавки я могу доказать, что этот запрет не только не защищает это растение, а, напротив, вредит.

Горечавка в природе растет примерно 30-40 лет, а потом отмирает. Собиратели кореньев в старину всегда использовали самые большие корни горечавки в лечебных целях или для выгонки шнапса. Выкапывая старый, большой корень, они глубоко рыхлят землю, тем самым давая возможность молодой поросли разрастись, так омолаживается семейство горечавки. К тому же, на следующий год семена опадают и идеально приживаются в пораненной почве. Этим методом, где каждый получил свое, и завершается круговорот в природе.

Тотальная защита природы, на мой взгляд, противодействует этому, горечавка теперь собирается нелегально. Есть опасность, что ее или всю повывернут, или, не прикасаясь, не помогут ей размножиться. Корень уплотнится, и растение умрет само. Это не только никому не помогает, но может произойти процесс, обратный желаемому.

Разведение ценнейшей ивы серебристой

На примере редчайшей серебристой ивы я хотел бы показать, каким простым может быть размножение. Серебристая ива — экологически ценнейшее дерево. Сережки весной являются питанием для пчел, шмелей и бабочек, к тому же, это прекрасное, красивейшее декоративное дерево. Его пальмовые сережки являются традиционным украшением в различных народных обрядах. При распускании молодых сережек ветки деревьев вместе с почками представляют ценнейший корм для птиц, в первую очередь, тетеревиных. Мои голубые амазоны также едят их с большой охотой.

Серебристая ива «потеет» через листья, отдавая таким образом сок. В листочках из сока забирается белок, а чистый сахар выделяется на поверхность. Этот сахар собирают пчёлы и делают ценнейший лиственный мёд.

Дерево ивы прекрасно используется, после повала, для разведения грибов — через вращивание в ствол грибниц. Произрастающие на этом стволе грибы: вешенка, опенок зимний и шиитаке, вбирают сладковатый привкус дерева. Корни ивы, выделяя в почву вещества, способствуют росту растений. Наряду с этим ива отвлекает зверей на себя, являясь для них лакомством, звери ею с удовольствием питаются, обкусывая ветки и объедая кору. Таким образом могут быть защищены другие деревья, такие, как яблоня, сосна кедровая, дуб, каштан. Даже сильно поеденная, она прекрасно растёт.

Ива серебристая очень хорошо размножается черенками. В нашем регионе для этого используют черенки от 8 до 10 см толщиной и до 2 м длиной, вбивая их на 50 см в мокрую, болотистую землю. В первый же год они прекрасно разрастаются, потом внезапно становятся большими, чахнут и обламываются. Раньше люди думали, что это потому, что дереву не подошла земля или что-то другое, причину никто не искал.

У меня же принято в случае неудачи, как уже упоминалось, обязательно найти причину. Для этого я исследовал одно из брёвнышек, раскопав нижнюю часть. Кора в глубину до 45 см была чёрно-синего цвета и отмершая. Только 5 см от поверхности были ещё зелёными, и спящие глазки образовали в этом месте корешки.

Я думаю, причина — плотность мокрой земли: внизу нет доступа кислорода, поэтому нижние глазки не могут дать корешков, кора в этом месте «задыхается» и отмирает. Оставшаяся в дереве влага и образовавшиеся на поверхности корешки дают возможность деревцу расти пару лет, а после того, как нижняя часть сгнивает, оно теряет опору и падает.

Таким образом, я выяснил причину опрокидывания стволов и стал разрабатывать свой метод. Сначала я посадил иву на различных биотопах: на сухой, каменистой, влажной и мокрой почвах. Отверстия для посадки я делал немного больше, а черенки короче обычного. В каждое отверстие я посадил по два черенка: один толстый и подлиннее, другой — тоненький, поменьше, чтобы они не болтались, я притоптал землю ногой.

Теперь в отверстие поступает достаточно кислорода для того, чтобы спящие глазки могли пустить корешки. Маленький черенок предотвращает полное закрытие отверстия и выполняет функцию подсаженного резерва. Результат: после 4 недель все глазки выпустили корешки. Черенки стремительно стали расти вверх, маленькие росли сильнее, стараясь догнать своего старшего брата. Уже после 5-7 лет их нельзя было отличить.

Этот метод зарекомендовал себя на всех видах почв одинаково. Нельзя не упомянуть, что лучшее время для среза черенков — это вегетативная пауза, в декабре. При этом у дерева могут быть обрезаны все ветки и оставлены лежать.

Лучший срок посадки — в марте или апреле, когда закончились морозы, на нарождающейся луне. Черенки примерно от 50 см до 2 м в длину, и толстые, и тоненькие, каждый кусочек пригоден для посадки. Стоит только обратить внимание на то, чтобы не засунуть черенок в землю не той стороной. Глубина лунок варьируется в зависимости от длины веток и твердости почвы и составляет от 20 до 50 см.

Существует более 400 видов ивы, для которых этот метод размножения оказался наилучшим. Но к иве козьей (*Salix caprea*) это способ вообще не подходит.

Встречи с людьми, утеревшими связь с природой

Отчуждение человека от природы принимает такие масштабы, что волосы встают дыбом. Нередко у посетителей парка бывали такие выходы из-за отсутствия знаний, что я никогда не думал, что такое возможно. Если бы некоторые вещи я не пережил сам, мне было бы тяжело в это поверить.

Вот случай с женщиной из Берлина с двумя детьми. Это было сразу же после открытия нашего Альпийского дикого парка. Напротив дома, у кормушки, стоял олень «Егль» с большими рогами, рядом самец косули «Ханси». Я оказался случайно рядом, когда женщина стала объяснять детям:

— Посмотрите, дети, это олень, и у него уже есть малыш, такой чудесный!

Мгновение я был озадачен, что она приняла косулю за молодого олененка, но решил подыграть. Она спросила меня:

— Сколько лет малышу?

— 14 дней назад он родился.

— Ах, и у него уже такие большие рога?

— Да, вы знаете, они им нужны уже при рождении, чтобы защищаться от хищников.

— Как вы узнаете, когда родятся малыши?

— Очень просто, слышно, когда они выходят с треском, олениха кричит.

— Да, я представляю, как это жестоко...

Или другой веселый случай с нашим соседом и хорошим человеком Полдлем, который мог, неделями выпивая, кочевать от одного трактира к другому на своём грузовичке. Однажды вечером он приземлился на нашей террасе для гостей и сидел, пока все не разошлись. Заказав под конец ящик пива и бутылку шнапса, он исчез, а я закрыл заведение. Утром везде стояли ополовиненные бутылки пива, но Полдль нигде не было. Среди первых посетителей была женщина из Гамбурга с подростками, сыном и дочерью; заплатив за вход, они пошли по парку. На одной из тропинок они обнаружили пьяного спящего Полдля. Ниже находился загон с кабанами, а выше тропинки — вольер с сурками. Все выглядело так, будто он упал.

Объятые ужасом, гамбургцы вернулись ко мне с требованием вызвать пожарников для работника парка, у которого случился сердечный удар.

Я удивился, почему пожарников, ведь нигде не горит? Только позже мне объяснили, что в Германии в таких случаях вызывают для спасения пожарников.

В то время у нас был работник, который ухаживал за зверьями, — Эрих, я тут же позвал его, он сразу ответил:

— Слава Богу, с ним все в порядке, — думал я.

«Что же еще могло случиться?» — спрашивал я себя.

Из предосторожности я решил проверить, и вскоре на тропинке обнаружил спящего Полддя, он, выпив ящик пива и шнапс, не осилил дорогу до следующего трактира.

— Что же делать? — спрашивали гамбургцы.

— Сейчас, — сказал я и принес полный чан с кукурузой и сталсыпать на храпящего Полддя. Ниже тропинки из загона я позвал большого кабана «Макси» из вольера, и всё стадо с поросятами сразу же прибежало к нам. Поросята проскользнули через отверстие в сетке и тут же стали с удовольствием лопать кукурузу с его одежды. Наблюдавшие все это с безопасного расстояния, гамбургцы с ужасом заметили:

— Что он делает? Он же скармливает работника кабанам! Он же ещё живой!

В истерике они исчезли.

Вскорости появился патруль жандармов из Тамсвега, они хотели знать, что здесь случилось. Я объяснил, что маленькие, хорошенькие поросята, помассировав, пробудили Полддя и не съели его, опасности никакой нет. Проснувшись от звонких и смачных поцелуев, со словами: «Что происходит?», Полддь пришел в себя, отряхнулся и продолжил путь к следующему трактиру в Томаталь. Один из жандармов сказал:

— Я так и думал, что будет что-то подобное.

Он попросил меня пройти с ним в участок, потому что женщина с детьми ещё не успокоилась, но у меня не было времени для этого. Больше я о них ничего не слышал.

Разведение змей

Несмотря на мою привязанность к природе змей я боялся с детства. Раньше большинство людей, наткнувшись, к примеру, на покосе на змею, ужасно пугались, и обычно этих бедных животных забивали.

Во время поездки в Африку, в 1978 году, у меня появилась возможность познакомиться с рептилиями поближе. Фермер содержал такую ядовитую змею, как мамба, в своем саду. Ящерицы и другие рептилии ползали по стенам и забирались даже в спальню. Вечером, когда становилось чувствительно холоднее, животные искали теплое местечко. Перед тем, как идти спать, мы должны были

проконтролировать, не заползла ли змея в постель. Для моей жены Врони и меня эта ситуация была не очень приятной. Это заметили и наши хозяева. Мы пытались овладеть собой, но пугались снова и снова, когда большая змея пересекала перед нами дорогу. Мне было неловко за свой страх, ведь я знал, что змеи — полезные и красивые.

Этот страх перед змеями со временем я нашел постыдным и решил у себя дома, в теплице, завести змей. Я хотел, чтобы и у детей не было страха перед этими рептилиями.

После поездки в Африку я отправился к ветеринару, доктору Францу Розиан, в Мурау (который тоже разводил змей), чтобы купить четырех молодых тигровых питонов. Я был удивлен, когда увидел размеры взрослых животных. Молодые понравились мне больше. Тут наступил решающий момент. Когда я попросил выбрать четверку молодых и положить мне в мешок, Франц ответил:

— Нет, сам выбирай.

Мне было стыдно признаться, что я не хотел прикасаться к ним, до сих пор я убежал от змей. Тогда я сказал моей дочери Клаудии, которая сопровождала меня в этой поездке:

— Они будут принадлежать тебе, выбирай, каких хочешь.

— Нет, — ответила она, имея в виду, что возьмет их только после меня. Каково мне было с этим справиться, может представить каждый. Назад дороги не было. Впервые я должен был голой рукой залезть в гнездо и вытащить семидесятисантиметровой длины молодых змей. С большим трудом, двумя руками я справился с этим, думаю, волосы в этот момент стояли у меня дыбом! Несмотря на всё это я не должен был подать и виду. Я даже не успел уследить, как моя дочка достала остальных трех. После того, как она увидела, что я вытащил одну змею, у неё не осталось страха.

С тех пор змеи стали её любимыми животными. Она даже брала их из теплиц в комнату, чтобы была возможность показать их бабушке. Бабушка всегда спасалась бегством, когда видела змей. Дети всегда радовались, видя этих прекрасных животных в теплице. И даже Врони потеряла страх перед ними. Этот пример показывает, как может быть просто преодолен страх у детей перед змеями.

Мы держали питонов в теплице многие годы, они великолепно развились и выросли. Однажды весной у меня были покупатели во дворе. Эти люди властно, без спроса, вошли в теплицу, чтобы посмотреть, и потом я услышал оттуда ужасный крик и шум рушащейся теплицы. Они так испугались, увидев под кустами лежащих змей, что в панике не смогли открыть дверь, а стали выбивать её ногами. И, спасаясь бегством, добавили, что никогда больше не придут ко мне, признавшись, что никогда раньше не испытывали такого смертельного страха.

Причем питоны не ядовиты, и при правильном содержании безобидные животные. После того, как змеи стали причиной такой паники, а дети к тому времени выросли, я продал питонов.

Опытный проект «Компостирование отстоя»

Я вспоминаю ещё то время, когда в Тамсвеге с очистительных сооружений поставляли крестьянам и владельцам участков жидкий отстой. Тогда он пропагандировался как хорошее органическое удобрение.

Я тоже хотел попробовать сам компостировать отстой, и начал проводить опыты в теплице, где в ящиках смешивал отстой с землей, листвой, соломой и добавлял туда дождевых червей. Растения так же, как и черви, в этом субстрате росли хорошо. Позже я насыпал сухой отстой из Тамсвега и Мурау пирамидально, под открытое небо. Отстои имели различный состав: в Тамсвеге его размешивали и прессовали с известью, в Мурау — с мучнистой породой. Прежде чем высыпать материал, его смешивали в соотношении 1:8 с землей, щепками, соломой, листвой, а также с дождевыми червями. На гребнях этих насыпей могут быть высеяны корнеплоды всех видов. Этот опытный проект продолжался больше трех лет. С округа Тамсвег были взяты пробы на почвенно-биологическую проверку и посланы в Зальцбург. Заключение инженера Виндиша об этом методе были более чем позитивны, он заключил, что оземлённый отстой подходит даже для выращивания биопродуктов. Этот радостный результат подвигнул меня начать проект «Компостирование отстоя» на ещё одном моем участке в Тамсвеге.

Однако я приобрёл горький опыт в этом деле, потому что правительство земли Зальцбург тут же обязало меня выстроить крытое помещение для этих целей с бетонированным и изолированным от земли покрытием. Я имел право заниматься компостированием исключительно в таком ангаре.

Это было ударом, который за один раз разрушил всё. В крытом, изолированном от естественных погодных условий и вегетации, помещении компостирование отстоя невозможно! Это мне было ясно, но власти, ссылались на всевозможные действующие предписания и законы. В конечном итоге, мне достались все расходы за проектирование и исследования, этим всё и закончилось. Является ли сегодняшняя практика транспортировки и централизованной механической переработки отстоя лучшим способом, я оставляю под вопросом.

Но во всем этом был и положительный момент: мой метод был передан многим биологам-аграрникам. Из Индии я получил сообщение, что этот проект внедрен с большим успехом. Там не только отстой, но и отходы с бойни таким образом компостируют. В полученный субстрат вносят дождевых червей и их яйца. Этот субстрат продают по всему миру для регенерации мёртвой или отягощенной земли. Почему это невозможно в Австрии?

Директор лесного хозяйства без охотничьего билета — случаи с охотниками и охотвластями

Начало охотаренды

С детских лет моё сердце жаждало охоты. Каждый охотник с ружьём и убитая дичь притягивали меня, особенно, когда я с друзьями, идя по дороге в школу, видел, как доставлялась дичь князю Шварценбергу.

В 1960 году я сдал экзамен по охоте. Восхищённый, я сразу вступил в местное общество охотников. Уже в 1963 году я получил разрешение пользоваться угодьями в Койшинге и Винкле площадью в 500 га — для единовластного хозяйствования. Причиной был ущерб, наносимый арендаторам этих земель оленями, объедавшими кору деревьев.

Я должен был за два года выровнять убыток, и стал единственным охотником на всей этой территории. Чтобы достичь успеха, я опросил пострадавших владельцев земли. И то, что я был единственным владельцем таких угодий в сообществе охотников, многих не устраивало, появилась зависть.

Директор лесничества приглашает себя сам на охоту

Летом 1964 года, когда я был короткое время охотником-арендатором, не приглашённым появился директор лесничества Сельскохозяйственной Палаты Зальцбурга.

Этого человека лично я не знал, но имя его мне было знакомо. Он сказал:

— Привет Бога, г-н Хольцер! Извините, что я на вас так внезапно свалился, но мне сказали, что у вас можно хорошо поохотиться. Не дадите ли разрешение на отстрел одной косули?

Посещение такого высокопоставленного гостя было для меня сюрпризом и честью. Я дал согласие, и мы пошли на охоту. В заключение он у нас переночевал. Чтобы у него было место, мама приготовила ему мою комнату, а я спал на чердаке. На следующий день он подстрелил двухлетнего самца косули, весом 16 кг.

— Можно я ещё одну дичь возьму с собой? — попросил он.

Я подарил ему ещё одного козла. Он поблагодарил и спросил, что он должен за ночлег и за мясо. Из предосторожности я отказался что-либо брать с него. На прощание он рассказал о приглашениях поохотиться из многих мест Австрии, но отметил, что здесь очень красиво, и он хотел бы снова побывать у нас и поохотиться на оленя. Он уехал, а я этот отстрел внёс в отчёт, по закону.

Приговор Общественного Охотничьего Суда Чести

Примерно через 6 недель я получил письмо из суда Зальцбурга. Меня обвиняли в том, что я пригласил на охоту и разрешил отстрелить косулю человеку, не имеющему охотничьего билета. По параграфу 48 Зальцбургского Охотничьего Закона я был признан виновным, и должен был представить письменную объяснительную в течение 14 дней. Я думал, что это заблуждение, ведь я никого не приглашал поохотиться. С этим письмом я поехал в Тамсвег к руководителю Окружного Лесного Совета, дипломированному инженеру Арно Ваттеку, который одарил меня взглядом и спросил:

— Вы проверяли, имеет ли директор охотничьи документы при себе?

Я был этому замечанию очень удивлен, ведь для меня было само собой разумеющимся наличие такого документа у директора лесного хозяйства, руководителя отдела в Сельскохозяйственной Палате Зальцбурга, к тому же, он рассказывал, что был приглашён в другие охотугодия, и охотился там. Этой информации мне было достаточно, чтобы не настаивать на проверке его документов. Нужно же иметь доверие к человеку, который занимает такой высокий пост! Мне посоветовали всё это написать в объяснительной, что я и сделал, и полагал, что этим всё и закончится, но вышло по-другому. К моему удивлению, поздней осенью меня вызвали на слушание дела. Я вновь обратился в Окружной Совет, где ещё раз рассказал о своей проблеме, и попросил контакта с директором. В длительном разговоре директор сказал, что это всё смешно, и пообещал предоставить хорошего адвоката из Зальцбурга, чтобы при первом же слушании закрыть это дело. Я поехал к адвокату, он успокоил меня, что ничего не случится, в крайнем случае, получу предупреждение. Но я был с этим не согласен, потому что не считал себя виновным. Он же сказал, что не сможет опротестовать выговор, и мне придётся принять это во внимание. Я был примерным зрителем угодий и охотником, а этот выговор мог всё мне испортить.

Заседание в Зальцбурге возглавлял председатель министерства финансов Тамсвега. Я сразу заметил, что господин директор, побывавший у меня в гостях, отсутствовал. Это было делом чести — присутствовать здесь, отсутствие означало бы мою виновность. Мои обвинения в адрес директора вызвали скандал, за это меня выпроводили из зала и пригласили лишь на чтение приговора. В итоге меня лишили охотничьего билета на 5 лет, к тому же, я должен был оплатить все судебные издержки и адвоката, что обошлось мне продажей четырёх коров. Также мне разрешили прочесть письмо-жалобу от завистников, которые сочли не нормальным, что такой молодой парень один имеет столько охотугодий. Мне всё сразу стало понятно.

Полный злости и досады, я после такой несправедливости сжёг всё охотничье обмундирование в костре.

Теперь арендаторами в этих угодьях стали главный врач больницы, директор школы и двое соседей, с которыми я не хотел иметь ничего общего из-за афёры с моим отцом. Я, не откладывая, стал искать законные пути, как вытянуть с них штрафы, показывая, какие убытки нанесли зайцы, косули и олени моей пермакультуре, и начал учить этому других соседей. Очень скоро я уже прекрасно знал весь «Охотничий закон».

Часто меня старались задеть тем, что стреляли поблизости ворон и зайцев или специально проходили с дичью возле моего дома. Тогда я стал стрелять время от времени в воздух, а вскоре обнаружил несколько лежанок, с которых за мной подсматривали. Посланные ко мне жандармы не нашли доказательств моей вины, ведь никто не запрещает стрелять в воздух.

Однажды, когда мы встретились с бургомистром Рамингштайна, моим бывшим учителем, он расспросил меня подробно обо всем, что произошло, и сказал:

— Да, парень, это настоящее свинство, что они в Охотпалате с тобой сделали! Ты же настоящий охотник!

Мне было очень приятно слышать это от охотника и бургомистра.

Возвращение прав на охоту

По прошествии пяти лет ко мне обратились арендаторы с просьбой перенять охотугодия. Сначала я был не в восторге от их предложения, но заметил существенные изменения в их взглядах. Ко мне подходили именитые персоны с просьбой забыть об этой нехорошей истории. Я последовал их совету и в 1970 году перенял охотугодия, которые остаются за мной и до сегодняшнего дня.

Этот случай научил меня легче переносить несправедливость, видя при встрече с ней, какие рычаги могут быть включены. Наглядно стало понятно, как дороги мне мои спецкультуры, а убытки, нанесённые зверьём кормовым угодьям или зерновым, для богатых чужих охотарендаторов проблемой не являются. При спецкультурах, как моя пермакультура, показать и доказать урон оказалось очень трудоёмким процессом, с непредвиденно высокими расходами на восстановление.

Всё это, конечно, сдерживает каждого чужого, а также богатого охотарендатора. Что является проблемой некоторых регионов, где только богатые иностранцы арендуют охотугодия.

Негативные последствия монокультур

К началу 90-х в моих охотугодиях у нескольких крестьян в ёлочной монокультуре выявился ущерб от зверей, по оценкам комиссии, на 13 500 шиллингов (981 евро). На основании этого областная администрация предписала мне провести мероприятия по защите культур. Я должен был более чем для 5 000 ёлок, которые находились на экстремальном северном склоне, установить ин-

дивидуальное защитное ограждение, что для меня выливалось в 1,2 млн. шиллингов (87 209 евро).

Эта ситуация заставила меня задуматься: почему животные объедают деревья?

В этом мне помог случай. Я начал искать причину, для чего стал ходить в лес, и однажды, уснув там, увидел сон, как я бензопилой спиливаю все обкусанные стволы деревьев, а вниз падают тощие олени. Даже проснувшись, я видел перед собой эту картину, при этом хочу отметить, что многие идеи пришли ко мне во сне, и я реализовал их. Этот же сон я не мог сразу понять, но попробовал своим способом объяснить: я — дерево, я — животное, может быть, таким образом смогу найти причину. Сначала я подумал о дереве: это всего лишь длинная палка с несколькими зелёными ветками на макушке; склон крутой, сухой, такой, что даже трава там не растёт; свет сквозь листья почти не проходит на засеянную иголками почву. И я понял, что дерево здесь не может чувствовать себя хорошо: почва кислая, и жизнь в почве бедная. Ёлки, к тому же, имеют плоские поверхностные корни и для защиты леса мало что могут дать. Ёлочная монокультура очень чувствительна к снегу и ветрам, эти деревья содержатся и размножаются, как инкубаторские куры. Теперь, на стороне дерева, мне стало ясно — оно чувствует себя плохо.

Теперь я встал на место оленей: как они чувствуют себя в ельнике, где нет травы и листвы — зелени? Я окружён сухими ветками, а малое количество зелени находится высоко надо мной. Чувства мои расширились, как будто я нахожусь в ужасной тюрьме, где вокруг только решётка из стволов. Животные обладают удивительным чувством — природным инстинктом, они сами ищут себе пропитание в природе, не нуждаются в ветеринаре, сами прекрасно со всем справляются. Кто постоит в таком монокультурном ельнике, должен испытать страх — как же выжить? Животные, имея природный инстинкт, начинают действовать, неосознанно реорганизуя среду обитания. Они обгрызают кору, и деревья засыхают, гниют и в конечном итоге обламываются, образуя прогалины в лесу, так что природная вегетация вновь пробуждается, благодаря проникновению солнечных лучей. Получалось, по моему мнению, что животные объедают ель не из голода, а потому, что ельник не подходит к их среде обитания. Как человек разрушил среду обитания животных, так и животные стремятся восстановить разрушенное.

Следствием объедания деревьев является развитие благоприятной среды обитания для животных, где они снова выполняют своё важное предназначение в круговороте природы. Мой сон означал — люди, допуская создание ёлочных пустынь, действительно могут обречь животных на голодную смерть. Стало понятно, почему мне снились иссохшие животные. Я понял также, что короеды, долгоносики и пилильщики еловые по такой же причине наносят ущерб на площадях монокультурного леса, по аналогии действуют

Разнообразие пермакультуры чувствительно отличается от ёлочной монокультуры, растущей на противоположном склоне.

Старые сорта зерновых в смешанных культурах вызревают в Краметерхофе и на высоте 1460 м над уровнем моря.

снег и ветер! Я осознал, что природа пытается выправить наши ошибки, когда мы их допускаем.

Поэтому мы должны бороться не с короедом, долгоносиком или копытными животными, а с чиновниками лесного хозяйства и с учителями, которые внедрили нам монокультуру.

Относительно моего случая в охотугодиях я решил, что это делает старый благородный олень, но разрешения на его отстрел мне не дали, а разрешили отстрелить некоторых других животных. Но здравый смысл говорил мне, что так проблему не разрешить. После того, как виновника определили по следам, то отстрелили несколько штук того же вида животных, до тех пор, пока мой инспектирующий охотник не подстрелил оленя, который действительно наносил вред. С тех пор объедание деревьев прекратилось, и 1,2 млн. шиллингов остались просто не истраченными.

Насколько сильно могут расходиться мнения специалистов и экспертов, видно по заявлению от Округа Тамсвега от 9.09.1991 года — мне было предписано безоговорочно обеспечить индивидуальной защитой 5080 стволов елей или огородить всю территорию.

Тогда я пригласил независимого эксперта Кирха Бергера из Цель ам Зее установить причину ущерба. Он пришёл к такому же выводу, как и я, что это делает одно животное, а не несколько животных с молодняком. 2 марта 1992 года этому эксперту ответили, что его мнение не профессионально. Он попал в точку, когда ответил 1 июня 1992 года, что административные предписания на фоне напряжённой ситуации с крестьянскими хозяйствами просто безответственны.

Создавалось впечатление, что это в меньшей степени, — нехватка профессиональной квалификации, а больше — злое намерение продемонстрировать власть. Как можно на этом скалистом склоне предписывать защитные мероприятия на сумму 1,2 млн. шиллингов, когда себестоимость этого участка вместе с деревьями составляет лишь часть этих денег? Речь же идёт не о заповеднике или защищающем лесе, где, понятно, необходимы предписания к строгой защите!

Ещё одно пагубное последствие выращивания монокультурного ельника. Однажды я сообщил отцу, что ниже выпаса телят иссяк источник. На что он ответил:

— Этого не может быть, он был там всегда. Тогда нужно перевести телят в другое место, а после дождя вода опять появится.

Однако после сильного дождя вода в источнике так и не появилась, а расположенное рядом поле с картофелем было начисто смыто, так что с урожаем картошки в этом году было покончено.

Я задумался, и стал наблюдать за потоками воды. Скоро я определил, что вода вместо того, чтобы впитываться в землю в молодом двадцатилетнем ельнике, ручьями сходит вниз, смывая все на своём пути. Если раньше вода впитывалась на зерновом поле, находившемся здесь когда-то, то сейчас она со свистом проходила сквозь монокультурный лес. Теперь стало понятно, куда девался родник.

Случаи с гостями-охотниками и браконьерами

Наряду с позитивными случаями с охотниками я пережил и много негативного.

Однажды я пережил чудо с горе-охотниками, у которых я был проводником, не умеющими обращаться с оружием. Больше двух раз выстрелили они в меня неумышленно. Один выстрел пробил насквозь мою шляпу, другой просвистел мимо уха. То, почему я этих друзей, которые чуть не отправили меня на тот свет, сразу же отправил домой, думаю, поймёт каждый.

Для других собирателей трофеев я не только должен был быть проводником, но и стрелком. Мне всегда было очень неприятно вознаграждать «охотника» дичью, добытую мной, да ещё желать ему при этом «охотничьего здоровья».

Вспоминаю одного академика из Германии, с которым мы отправились охотиться на горного козла. Как только мы увидели его, он шепнул:

— Стреляйте за меня, г-н Хольцер, лес промолчит, я заплачу.

Сказано — сделано. Когда козёл лежал на земле, возле меня дважды прогремел выстрел.

— Зачем вы стреляете, ведь козёл уже лежит?

— Ах, знаете, г-н Хольцер, моя жена всегда заглядывает в ствол.

Когда мы вернулись, его жена действительно взяла ружьё и стала досконально проверять, задавая мне неприятные вопросы, действительно ли её муж застрелил козла?

Часто бывало, что я сразу же отправлял гостей-охотников домой. Однажды ко мне приехал кровельщик из Дюссельдорфа — на джипе, с двумя охотничьими терьерами. Как только первая собака выскочила из машины, она тут же загрызла ежа. Хозяин вознаградил её вкусеньким и похвалил. Я, заметив это, провёл инструктаж и попросил взять собак на поводок, чтобы больше ничего подобного не случилось. Мой гость сильно разочаровался моим поведением.

— Знаете ли вы что-то о дрессировке собак?! Да вы даже не имеете представления, ведь поймать и задавить ежа — это результат, который показывают особенно хорошие собаки.

Я был хорошо знаком с охотничьими собаками, потому что сам имел баварскую горную легавую, поэтому результат терьера меня мало впечатлил. Ежи — мои любимые животные, к тому же, они приносят существенную пользу, регулируя популяцию улиток и слизней.

И всё же этот хороший человек не внял мне — второй терьер за домом задушил кошку. Это было для меня уже чересчур. У нас много таких животных, как сурки, ежи, кошки, фазаны, утки, нутрии, которые живут свободно. Была опасность, что собаки нанесут ещё больший урон.

Я потребовал от гостя сейчас же вернуться в машину и отправиться домой. После короткой и бурной дискуссии он уехал к ближайшей гостинице, переночевал там, а утром вернулся, предложил заплатить за тупых зверей и отправиться охотиться на оленя.

Но я оставался твёрд в своём решении, тогда он пригрозил, что заставит меня оплатить дорогу в оба конца, 1800 км. С тех пор он больше не появлялся.

Другой случай, который возмутил меня, произошёл из-за муравьёв. Однажды мы отправились охотиться на козла в горы. Мы сидели на стволе лиственницы, около тропы, через которую проходила муравьиная дорожка. (Хочу заметить, лесных муравьёв, которые строят муравейники, я развожу уже более 30 лет, они очень хитроумно выстраивают сеть дорог).

Гость растоптал всех муравьёв на этой дорожке. Я обратил его внимание, что выращиваю мурашей многие годы, и что они крайне необходимы. В ответ он только ухмылялся и продолжал дальше.

Я повторил предупреждение не делать этого, но он не воспринял меня всерьёз. Тогда я решил поменять место. Было уже темно. Гость возмутился и спросил:

— Почему мы должны оставить это место?

Я ещё раз рассказал ему о муравьях.

— Вы что, здесь все ненормальные? — спросил он. — Что вы хотите с этими тварями?

Мы разругались, и охотник уехал в тот же день с пустыми руками.

О случаях с охотниками можно было бы написать отдельную книгу. Стоит упомянуть ещё о непогашенных чеках — не принёсших дохода. Многие годы бывало, что люди рассчитывались со мной чеками, в которых, по прошествии ряда лет, собралась приличная сумма. Снова и снова появлялись такие люди, которые, кроме не покрытых чеков и «не лезшие за словом в карман», ничего больше не имели.

Как и у рыбаков, похожая проблема, о которой я буду рассказывать в следующей главе, была и у охотников. К сожалению, «в семье не без урода»; мно-

гие браконьеры были пойманы мной и позже осуждены, моё пространство, очевидно, магически притягивало любителей пострелять и парней, жадных до трофеев. Аппогеем этого стало воровство животных препаратов и охотничьих трофеев из дома. При этом преступники в большинстве случаев были пойманы и осуждены по закону. Я также находил зверей, обстрелянных или убитых из мелкашки, в вольерах. Было мучительно больно, когда был пойман на моей территории мужчина из Мура в Лунгау, он с прожектором и мелкашкой с глушителем браконьерничал на оленя. Один немецкий отпускник, из Нойсса, также с прожектором браконьерничал, за что впоследствии был осуждён немецким судом.

В 1984 году я импортировал из Санкт Галлен в Швейцарии 10 горных козлов. Животные (под присмотром ветеринара) должны были пройти тридцатидневный карантин в специально построенном для этой цели загоне. В последний день ветеринар из министерства должен был проверить состояние животных. Утром предпоследнего дня при кормёжке перед моим взором предстала картина ужасов — трупы убитых и обезглавленных животных лежали, разбросанные, в вольере. Только один альпийский козёл спасся, но был тяжело ранен. Мы накачали его обезболивающими, а врач из министерства тут же оказал ему первую помощь. Через несколько месяцев животное поправилось. Была подключена полиция, предлагалось даже высокое вознаграждение за поимку преступника, но это происшествие так и осталось нераскрытым. Финансовый убыток составил более 300 000 шиллингов (21 802 евро). После этого ЧП я стал узнавать о страховке на такой случай, но взносы были такими высокими, что я решил прекратить содержание диких животных в загонах. Разведение же бизонов, яков и т. п. я прекратил к началу 90-х, когда открылись восточные границы, из-за резкого падения цен на них.

Разведение рыбы, прудохозяйствование Глава рыбного хозяйства в медвежьих владениях.

Разведение рыбы: начало

Я уже говорил о разведении рыбы. Со временем спрятанные лужи превратились в пруды, водяные сады и водяные рвы. Из моей первой лужи в 1 м кв. — сегодня в моих владениях более 3 га водяной поверхности. Вначале я разводил форель, красную форель, хариуса, карпа, щуку, судака, сома, а также семейство бело-серебристых карпов. Раки, моллюски и водяные улитки прекрасно размножались у меня. Эта работа была очень интересна. Многие люди, имевшие неиспользованную воду в горах — пруды, рвы и речушки, стали интересоваться моим способом хозяйствования. Часто они не могли поверить в то, что скромный ручеек или пруд может развиваться во впечатляющую своим многообразием жизнь в воде. Благодаря этому они захотели и у себя сделать такое же.

В самом начале разведения рыб я должен был сам научиться этому, а также платить деньги за учёбу. Сначала я строил пруды по книжке «Ведение прудохозяйства», чтобы по возможности сделать всё рационально и точно. Поэтому пруды были квадратными, прямоугольными и с крутыми берегами. Их можно было слить и продезинфицировать жженой известью. В них не было камней и кореньев, которые могли бы препятствовать вылавливанию рыбы сетью.

На берегах не должно было быть деревьев и кустарников, в которых могли бы спрятаться враги рыб: цапля, голубой зимородок и другие. Плотины и дамбы прокладывались частично трудоёмким способом, с плёночной изоляцией.

Все эти ошибки я делал сам. Вначале также выкармливал рыб отходами из мясной лавки, потом перешёл на сухие корма, которые появились в торговле. Это приносило большие расходы, к тому же, потребовались различные, необходимые для лечения рыб средства. Препараты, которые сегодня запрещены (такие, как «малахит»), применялись тогда.

Всё, чему я учился, я тут же применял на практике и был даже убеждён, что делаю правильно, и у меня всё получится. Рыб, раков и мальюсков я мог продавать за хорошие деньги. И если вначале в нашем регионе я был вне конкуренции, то вскоре возникли большие и маленькие рыбные хозяйства.

Вначале мной, как пионером этого дела, восторгались, но со временем я должен был понять, что другие находятся в более выгодных условиях. Князь Шварценберг в Мурау построил рыбное хозяйство и был в несравнимо лучших условиях в долине, чем я на горе. Имея такого конкурента, нужно было просто признать, что только одна реклама имени — «Рыболовное хозяйство Князя

После первых вручную выкопанных луж постепенно возникли водяные сады общей площадью водной поверхности более 3 га.

При моей системе строительства прудов ковшом экскаватора дно пруда взрыхляется, утрамбовывается и разглаживается как бетонное покрытие. Перед этой работой необходимо наполнить его водой на 30 см.

Шварценберга» — будет выигрышнее. Эта ситуация заставила меня искать новые возможности хозяйствования. Что же сделать?

Расположенные здесь, в экстремальных горных условиях, озёра и речушки и точное представление развития этих биотопов, а также рыб в них показали мне, что большая площадь берега и зон мелководья или растительного покрова берега, а также поваленные деревья, камни или осыпи — всё это может стать прекрасным местом для развивающейся, самообеспечивающейся системы круговорота воды в природе. И я понял, что в подходящих биотопах можно запустить хозяйственный круговорот с различными водными формами жизни, которые впоследствии смогут сами себя обеспечивать.

Я начал перестраивать водоёмы, соединил пруды с маленькими водоёмами и рвами, заполненными водой. Так получились водоёмы с глубокой и мелководной зоной. В эти глубоководные, мелководные и растительные зоны были положены камни, корни деревьев, ветки, благодаря чему могла появиться защищённая зона для кладки яиц, икры, для каждого вида живности.

В длинных береговых зонах падают насекомые и семена растений, а также разлагается растительный материал — всё это хороший корм, к примеру, водяным улиткам, моллюскам, которые, в свою очередь, являются питанием для рыб. Таким образом осуществляется круговорот в природе, при котором искусственное питание становится излишним. Лягушки, которые сильно размножаются в таких природных биотопах, регулируют популяцию насекомых на суше и служат, если они возвращаются в воду, питанием для хищных рыб.

Это древняя система ещё эффективна и имеет много преимуществ. Чрезмерную популяцию улиток любого вида, а также испанской коричневой или нехруща июньского регулируют природными способами лягушки, жабы, саламандры. Размножение этих амфибий возможно через систему подходящих биотопов, одновременно с этим они сами являются необходимым живым кормом для рыб.

Альтернативные возможности кормления рыб

Для поддержания питания рыб можно использовать источник света. К примеру, 12 Вт лампочку, с наступлением сумерек включающуюся автоматически, почти над самой поверхностью воды. К этому свету слетаются различные насекомые, которые являются лучшим кормом для молодняка. Рыбы хватают их, выпрыгивая из воды. Ещё можно смазать мёдом или чем-то другим ароматным плоскую посуду, запах тоже будет привлекать насекомых, которые станут питанием для мальков.

Также мясо и неполноценные внутренности от вынужденного убоя скота подходят для скармливания. Эти кусочки или кладутся на сетку над водой, привлекая мух, мошек, которые так же, как и личинки, являются высококачественным кормом для рыб, или скармливаются свежими.

Разнообразные задачи водяного сада

При разведении водных растений различных сортов, раков, декоративной рыбы, моллюсков — чтобы на такой высоте все это прекрасно росло и размножалось — необходимо учитывать следующее

- водоем должен быть сооружен по отношению к склону так, чтобы создать ловушку для ветра и солнечных лучей,
- внесение камней и стволов деревьев в пруд служит для облегчения работ. Камни, к тому же, выполняют роль накопителя тепла (излучение солнечного тепла в воду отражается и соединяется с отраженным теплом воздушного потока от склона — так функционирует тепловой накопитель). Кроме того, камни и стволы деревьев служат убежищем для различных водных животных и способствуют пышному росту водных растений

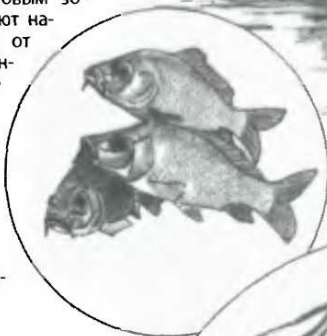
Сообщество животных

Водоплавающая птица (разведение ее и диких животных) находит в береговых зонах достаточно места для гнездования, она регулирует насекомых, рыбную, моллюсковую и раковую популяцию, так что дегенерации не происходит

Аквакультура – разведение рыб

Подготовкой места обитания и созданием биотопов для различных водных форм жизни достигается круговоротное хозяйство, которое само себя обеспечивает. Большие пруды — это соединенные между собой рвами маленькие пруды с мелководной и глубоководной зонами. В этих так называемых глубоко- и мелкоотравающихся зонах с песчаными рвами и проточной водой, с внесенными камнями, корнями, ветками и стволами деревьев для молодняка каждого вида животных создается защищенное место. Благодаря длинным береговым зонам в воду попадают насекомые и семена от растений, поломанные и истлевшие веточки — так создается кормовая поверхность, к примеру, для водяных улиток. Такой природный круговорот делает ненужными кормление, а также искусственные корма.

Лягушки, которые в этих натуральных биотопах сильно размножаются, регулируют на суше популяцию насекомых и сами служат кормом в воде.

Этим природным и дешёвым методом кормёжки разводятся все виды рыб и даже такие хищные, как щука, судак, сом или осётр. К тому же, предложенные сухие готовые корма из магазинов они не берут. Этот корм изготавливается, между прочим, и из кровяной рыбной и мясной муки. Я лично не хотел бы, чтобы моя рыба потребляла это. На мой взгляд, это несёт с собой опасность заражения таким заболеванием, как ящур.

Многообразие рыб в одном водоёме

Природная конструкция водяных садов позволяет разводить и содержать хищных и мирных рыб вместе. Для каждого вида при этом должен быть создан подходящий биотоп для размножения и дальнейшего развития.

Для форели и гольца нужны чистая холодная проточная вода и песочные мелководные береговые зоны или рвы для икрометания, а также для развития мальков. С этой целью я подвёл рвы с проточной водой, наполнив их песком и гравием.

Для карпа, щуки, сома, линя и уклейки я заложил множество мелководных береговых зон с буйно разросшимися водными растениями. Эти рыбы мечут икру в травянистых зонах. Для судака я заложил корни и множество мелких корневищ на глубину, где эта рыба может метать икру. Эти зоны икрометания разбросаны в большом количестве во многих местах пруда.

Благодаря дополнительному внесению камней, корней и целых деревьев я создал множество защищённых зон, которые отображают естественные условия. Так становится возможным для мальков вырасти в защищённых от хищников местах.

Для уравнивания температуры в пруду нужно, чтобы были глубоководные зоны, где форель и голец имеют возможность летом охладиться после тёплой поверхностной воды. В холодное же время года рыбы, любящие тепло, находят такие зоны для себя, так как там, на глубине, самая тёплая вода для перезимовки. Так можно наилучшим образом привести в соответствие требования различных видов рыб в одном водоёме.

Благодаря строительству так называемых рыбных «детских садов» я достиг следующего:

- рыба легко достигает этого места через ров; здесь оптимальные условия для икрометания для всех видов рыб — дебри корней и растений, а также глубоководие и мелководие с песочными отмелями;

- рыба, которая от природы мигрирует к местам нереста, с удовольствием использует эту возможность, путешествуя в «детский сад», однако из-за стеснённых условий чувствует себя здесь неуютно и сразу же после нереста возвращается назад, в большую воду;

- мальки здесь хорошо развиваются, получают достаточно пищи, поступающей с различными притоками воды, и могут позже с течением выплыть в пруд

или озеро, где благодаря корням и стволам деревьев не становятся легкой добычей для больших рыб.

Камни для тёплой воды

Следующий позитивный эффект от камней в прудах, наряду с функцией биотопа для живых существ, — это регулирование температуры воды. Камни, торчащие из воды, сильно нагреваются от солнечных лучей и отдают это тепло в воду. Интенсивность нагревания камня можно увеличивать с помощью вогнутых зеркал, при этом нужно учесть, чтобы камень не лежал на берегу во избежание возникновения пожара. Нагреваемый несколькими рефлекторами, камень может раскалиться докрасна.

Через регуляцию притока воды и достаточное количество камней можно достичь желаемой температуры воды. Так становится возможным выращивание в горах кувшинок и редкого, требовательного к теплу, японского карпа кои. Эти познания открывают много альтернативных возможностей в аквакультуре.

Так мною создан абсолютно новый круговорот системы прудов, которая после заселения регулируется самостоятельно. Мне хватает рыбы с избытком для продажи, а то, что остаётся, становится кормом для хищных рыб. Так что у меня практически нет работы — система содержится и регулируется сама.

Важно, конечно, чтобы заселение соответствовало площади воды. Моя задача состоит только в том, чтобы регулировать численность рыб, вылавливать крупных хищных рыб и мирных для еды. Этот способ хозяйствования привёл меня к идее организовать спортивный лов крупной рыбы.

Клуб спортивной ловли рыбы

На протяжении многих лет из-за постоянного строительства и расширения в Краметерхофе ни я, ни мой персонал не имели времени для контроля и присмотра за спортивной ловлей рыбы. Следствием явилось нелегальное вылавливание и вывоз в больших количествах рыбы, которую продавали в гостиницах дешевле, чем я. После того, как мне сообщили об этом из многих гостиниц, органы присмотра залегли в засады. Через несколько недель был пойман десяток воров, среди которых были гости, местные жители, а также коллеги по школе. В некоторых тяжёлых случаях я заявлял в полицию. Масштабы были настолько значительны, что некоторые воры должны были годами расплачиваться за нанесённый ущерб. Особенно кровавый случай произошёл с незнакомцами-браконьерами, всыпавшими в пруд моющий порошок и захваченными с поличным. Убыток был колоссальный. На основании этих случаев в конечном итоге я закрыл спортивную ловлю рыбы. И получил урок, что в этой области никому не могу доверять, и что это было бы возможно и имело бы смысл только под тотальным контролем.

Сегодня я использую пруды для собственных нужд и гостей экодережни.

Пруды и водяные сады использовались всегда также для разведения водных растений, таких, как кувшинки, моллюсков, раков и улиток семейства прудовиков. В то время я закладывал влажные биотопы и пруды для клиентов, которым я мог продавать выращенный у меня растительный и животный материал.

Восстановление прудов

В ходе экологической перестройки водных площадей мной была убрана ранее заложённая плёнка. Благодаря разработанной мной системе строительства прудов, с перетряхиванием дна, получаются пруды с естественной изоляцией.

Это происходит следующим образом: в выкопанный пруд запускается вода так, что экскаватор стоит на 30-40 см в воде. Затем по возможности узким ковшом дно перетряхивается, в зависимости от геологического расположения пруда экскаватор втыкает ковш на глубину от полуметра до 1 метра и перетрясает её, за счёт чего мелкие частички опускаются на дно и уплотняют его, а грубые остаются на поверхности. Воздействие примерно такое же, как в бетономешалке.

Мой способ является полной противоположностью того, что изложено в учебных книгах по прудоводству, где рекомендуется покрывать дно плёнкой или глиной. Эти, с моей точки зрения, колоссальные трудозатраты не дают гарантии изоляции дна. Плёнка может порваться, а глина, даже через маленькое отверстие, может быть вымыта, и вода размягчит нижние слои почвы, воронкообразно размывая себе дорогу. Что может привести к оползням. Такой негативный опыт мне пришлось пережить самому.

Правовые проблемы строительных проектов

Здесь я хотел бы немного забежать вперёд. Являясь владельцем земли, нужно иметь цель и точно знать, что ты хочешь. Необходимо иметь ясный план в голове, знать, какие ждут тебя ограничения и предписания госструктур. А также ясно представлять экономическую цель. Я должен знать, что я хочу!

В начале моих строительных работ я сделал ошибку: ещё в фазе планировки досконально изложил госструктурам мои намерения и был наивно уверен, что они проконсультируют меня наилучшим образом. По правде говоря, это был донос на самого себя тогда, когда работы были уже начаты. Позже я понял, что все мои проекты требовали не только разрешений, но и, во многих случаях, специальных разрешений, планов, проектирования и геологических исследований. Весь этот процесс, мягко говоря, было просто невозможно профинансировать. Вышло намного дороже, чем запланированные расходы на строительство. Нижеприведённый пример, один из множества, поясняет это.

В конце 60-х годов я хлопотал о разрешении на строительство маленькой электростанции, в Тамсвеге, а в правительство Земли Зальцбург я подал ходатайство на финансирование проекта. Моей целью было провести воду с верхних

Центральный элемент — вода, влетает мною в круговорот.

Мелководье и растительные зоны, а также длинная береговая полоса являются хорошими кормовыми площадями для натурального разведения рыб.

прудов, с высоты 1500 м над уровнем моря, к нижним прудам, на высоту 1300 м над уровнем моря. «Пелтон»-турбиной я хотел вырабатывать электричество, а после направлять воду в нижние пруды.

Сначала меня обязали предоставить проектные документы, оценочная стоимость которых составила 68 000 шиллингов (4 942 евро). К тому же, пришлось посетить всевозможные правовые слушания в Водных Ресурсах и т. д. Я должен был только за так называемую «бумажную войну» заплатить 100 000 шиллингов (7 267 евро), но это не гарантировало, что я получу разрешение от компании по электрификации.

Только за монтаж и запуск турбины мне полагалось заплатить 150 000 шиллингов (11 483 евро) согласно справки из этой компании, чтобы вообще иметь возможность запустить электроэнергию в сеть. Зимой я должен был получать 0,26 шиллинга за 1 киловатт/час, летом, соответственно, меньше. При ожидавшихся 7,4 киловатта такие инвестиции не имели смысла. Это был официальный путь.

После коротких раздумий я распрощался с этим проектом, забрал документы назад и тут же начал строительство. На вопросы, что я здесь делаю и начал ли я строительство электростанции, я отвечал — нет, для меня это очень дорого, я этого делать не буду, я работаю над срочно необходимыми мне сооружениями, обогащающими кислородом пруды для разведения рыб. Так я, удовлетворив любопытство интересующихся, смог спокойно работать дальше.

Для этой «системы обогащения кислородом воды» я купил бывшую в употреблении «Пелтон»-турбину у крестьянина из Лессаха за 250 шиллингов (18 евро), отремонтировал и встроил её. А подключение генератора я аргументировал так:

— Турбина без подключения к генератору шумит так, что её слышно возле дома, очень неприятный звук. Я «вынужден» был подключить генератор, шумовая проблема была решена, теперь я мог спать спокойно.

Такой аргументации ничего нельзя было возразить. Так я начал вырабатывать электроэнергию, которой пользуюсь и сегодня. «Я убил двух мух одним ударом» — обеспечил кислородом рыб и имел собственное электричество. Я сэкономил много денег, а органам власти — много работы. Так всегда было и будет — крестьянин может работать, быть экономически независимым и не загружать правительство. Закон позволяет, слава Богу!, не требовать помощи. Часто это, между прочим, читается между строк.

Намного тяжелее была ситуация при строительстве прудов. Проекты рыбных прудов с самого начала были геологически не совсем правильно запланированы, мне приходилось прямо на ходу вносить изменения и дополнения. Расходы на планы и разрешения были значительно выше, чем само строительство прудов. А все вместе документы составили 5 больших папок, которые я перелистывал при написании этой книги, воспоминания административного террора так заделали меня, что я, закрыв папки, отправил их на чердак.

Представители интересов Федерального Союза Рыбных Хозяйств против членов Союза

Ухудшило ситуацию с получением разрешений обязательное членство в Федеральном Союзе Рыбных Хозяйств Зальцбурга. Это псевдопредставительство интересов, как я его называю, вмешивалось и навязывало мне различные предписания. «Рыбное право» оказалось отнюдь не тем, что ожидалось, в нём до сих пор действует правообладание со времен монархии. Тогда — государство, сейчас — Лесное Хозяйство, или князь Шварценберг и его потомки, которые имели права на большинство водоемов в регионе. По моему мнению, этот закон давно нужно было отрегулировать, и права на ловлю рыбы должны были перейти к владельцам земли, как произошло с «Охотничьим правом».

Если владелец земли несет ответственность за оползни, наводнения, укрепление берегов водоемов и т. д., то он должен иметь право и на использование воды с выгодой для себя. По закону же, если крестьянин после наводнения найдёт рыбу, то он не имеет право взять её домой, это будет называться воровством.

В моем случае подключился Земельный Союз Рыбных Хозяйств, представляя интересы Австрийского Лесного Хозяйства, мне предписывалось построить в озёра гидравлический монах и другие дорогостоящие сливные приспособления.

Только с годами я понял, какая ответственность легла на мои плечи с этим обязательным членством. Однажды, в день моего рождения, 24 июля, произошел следующий инцидент: один из гостей нашего парка, из Штайреша, оказав услугу повару, выловил из пруда несколько рыб для кухни, за что тут же должен был выложить 1000 шиллингов (73 евро) штрафа, который ему предъявил оказавшийся также среди посетителей нашего дикого парка один из руководителей Союза Рыболовов. Вмешавшись, я тоже получил такой же штраф, а за отказ платить он схватил меня за плечи и потащил в сторону своего автомобиля.

— Сейчас мы проедем в жандармерию! — сказал он.

Для меня это было уже чересчур, схватив его за грудки, я потащил его к вольере с медведями:

— Сейчас мы пройдем не к жандармам, а к медведям.

Нужно отметить, что я тогда имел большой вольер с парой бурых медведей, которых знал настолько хорошо, что мог гулять с ними на поводке. Гости кормили их и с удовольствием фотографировались с ними в вольере. Я знал, что с этим человеком ничего не случится, потому что я сам был рядом с ним. Он так напугался, что, вырвавшись, убежал, оставив в моих руках несколько пуговиц. Больше я его никогда не видел.

Многие посетители были возмущены поведением этого человека и оставались до поздней ночи, желая в случае появления жандармов дать свидетельские показания. Мы все опасались появления чиновников, но в этот раз ничего не случилось.

На основании Закона Рыбных Хозяйств от меня потребовалась выплата высоких членских взносов, высчитывавшихся ежегодно с общей площади водной поверхности. Позже я должен был каждый год покупать разрешение на ловлю рыбы в собственных прудах. Собственным детям и посетителям я был обязан выписывать однодневные «карточки рыбака». Должен был вести учёт рыбы в прудах и выловленной рыбы, предоставляя ежегодно цифры Союзу Рыбных Хозяйств. Это было уже вторжением в мои личные права, ведь я и без того уже был обязательным членом Крестьянского Союза, а также членом Зальцбургского Союза Охотников. Я увидел проблему в том, что такие представительства интересов с законным характером могут теоретически распространиться и на другие области хозяйствования — садоводство, плодоводство, разведение птиц или кроликов. На общественных началах это приемлемо, но когда они обретают исполнительский характер и обязательное членство, по-моему, это незаконно.

На годовом собрании Союза Рыбных Хозяйств я хотел выступить в разделе «разное» по этому вопросу. Заседание было мне чужим уже потому, что руководство стало награждать друг друга медалями из бронзы, серебра и золота. Напрасивался вопрос: за что, и как за такой короткий срок, всего несколько месяцев с момента образования Союза, они заслужили это? Мне было непонятно.

Мне были известны жалобы на крестьян, соорудивших у себя маленькие пруды. Двенадцать владельцев земли попросили меня представить их интересы. Большинство из них присутствовало на собрании, чтобы поддержать меня.

Когда вместо пункта «разное» включили фильм о разведении лососевых в Ирландии, я был против и желал озвучить перед полным залом проблему. Однако господа из президиума отклонили моё предложение, догадавшись о критике в свой адрес.

К моему столу подошёл вскорости один из заместителей руководства, попросил меня следовать за ним в президиум для решения вопроса, пока все смотрят фильм. Я был не согласен и хотел обсудить наши вопросы перед всеми. Он, обхватив рукой меня за плечи, сказал:

— Не говорите так опрометчиво, пройдёте со мной.

Для меня это было уже слишком, я оттолкнул его другой рукой от себя, споткнувшись, он полетел на сидящих. Я думал, на меня нападут его приближённые, но этого не случилось, наверное, потому, что со мной за столом сидело очень много моих коллег. Этот случай продолжился в суде, по заявлению четырёх человек из руководства. Меня обвиняли в поношении, оскорблении

чести и нанесении телесных повреждений. Каждый из четырёх имел личного адвоката, которых, в свою очередь, представлял один адвокат. Правда, на основании моих показаний обвинение в нанесении телесных повреждений с меня было снято.

— Его объятия для меня были неприятны, из-за своего волнения я чересчур резко оттолкнул его. Я же не вlepил ему пощёчину. Я только не с руки оттолкнул его.

Мне долго не хотели верить, пока я не продемонстрировал судье, как всё было.

— Когда так много свидетелей, тяжело опровергнуть, — сказал судья.

В заключение, выслушав наставления судьи, я должен был выплатить 10 000 шиллингов (727 евро) четырём адвокатам.

— На этом, я надеюсь, «рыбная война» закончится, — сказал судья.

Но я опроверг его:

— Сейчас она только начнётся.

Пожать руку моим преследователям для меня на тот момент не представлялось возможным.

Ещё в тот же день, из дома, я написал письмо в редакцию ORF, на передачу «В собственном деле». Я хотел теперь на ещё большей публике обсудить те вопросы, что мне не дали высказать. Ведущим этой передачи был Хельмут Цильк. Вскоре меня пригласили на собеседование в Инсбрук. Моё напряжение возрастало, ведь это было моё первое выступление на телевидении в прямом эфире. Мне предоставляли слово на 3 минуты. Моё выступление вызвало большую реакцию, я получил много писем, мне звонили и благодарили за мужество. За этим последовала ещё одна передача, в Вене. Положительным было то, что я получил много советов от высокопоставленных чиновников и политиков. Моё недовольство Союзом Рыболовов теперь я мог открыто высказать, и искал возможность выйти из него.

Однажды мне пришла мысль подать заявление о выходе. После этого я попробовал представить себя на их месте — я бы принял предложение, чтобы избавиться от такого революционера и спасти таким способом пошатнувшееся «Рыбное право» (оно, между прочим, до сих пор действует).

30 сентября 1980 года я написал письмо об исключении меня и послал в Земельный Союз Рыбных Хозяйств. А 5 марта 1981 года получил сообщение о принятии моего заявления. Моё чувство меня не обмануло, так я избавился от членства в Союзе.

Заявления, справки и издевательства: опыт с властями

Рибернская дорога — проект через все инстанции

В 80-х годах я приобрел у соседей и австрийского лесничества прилегающий к моему участок земли 18,5 га, в основном, с ёлочной монокультурой и лесоповалами. 10,7 га — крутой каменистый склон, непригодный для сельского хозяйства.

Этот участок растянулся от 1100 м над уровнем моря до альпийских лугов почти 1500 м над уровнем моря.

Как только участок стал моим, я начал восстанавливать его, пробуя непродуктивную почву переделать на продуктивную в агролесном хозяйстве. Я планировал высадить смешанную культуру с различными древесными, плодовыми и ягодными видами, своего рода съедобный лес.

До сих пор в своих работах я не подключал власти. Но так как этот участок был большим, необходимо было финансирование. Я подал заявление о строительстве Рибернской дороги — по названию моего нового участка. Она планировалась впоследствии стать учебной ботанической тропой шириной в 3,5 м, с наклоном в долину, без сточной канавки вдоль склона (к тому времени я имел уже большой опыт строительства таких дорог).

По поводу строительства дороги наши с властями мнения разошлись. В Лесничестве мне объяснили, что дорогу нужно строить в соответствии с «Лесным Законодательством» — наклоном 8 градусов, минимально 5 м шириной, и сточной канавой 1 м шириной и 60 см глубиной вдоль склона, каждые 40–50 м должны быть проложены бетонные трубы — сливы для воды, с намеченным планом дороги и под руководством властей, которые будут финансировать этот проект.

Когда стали видны масштабы срезов террас, я попробовал отговорить власти от их чрезмерных требований. Из-за большого объема смещаемой земли и нагрузки на склон, который имел много скалистых мест и мокрых ольховников, я засомневался. Этот район сам по себе был трудным для строительства дороги.

Ни мой проект, ни моё предложение о сокращении финансирования на 30% не прошли.

— Или вы строите по предписаниям, или вообще этой дороги не будет! — коротко ответил мне дипломированный инженер Бонимайер.

Мне ничего не оставалось, как согласиться, иначе я не смог бы подключить Риберн к своей земле. Осенью 1988-го началось строительство дороги. Уже через неделю произошёл первый маленький оползень, который устранил

При строительстве террас и дорог на склонах я обращал особое внимание на равномерный уклон в долину.

При работе над фильмом «Секрет рая», который снимался на моей земле, японские телевизионщики не скупились на расходы и труды. Они даже арендовали экскаватор и вертолет.

вернувшийся назад экскаватор, и это было ещё на относительно ровном месте. Впоследствии потребовались взрывные работы, которые привели к многочисленным оползням и убыткам. Дошло до того, что проект должны были закрыть.

Построенную в эту ширину дорогу уже невозможно было удержать. Размытые рвы вдоль склона пропускали дождевую и талую воду, и даже кустарники не выдерживали и сползали вместе с землёй. Я попробовал в этой ситуации дозвониться в областную инспекцию строительного надзора, чтобы мне разрешили засыпать сточную канаву выбранной землёй. На мой взгляд, она была главной причиной оползней, пропуская воду насквозь, которая не доходила до бетонных сливов. Все мои усилия не увенчались успехом, и даже подключенный мной адвокат ничего не смог сделать.

Убытки увеличивались, мне пришлось подключить селевую комиссию, которая должна была проверить эту дорогу. Областной инспектор лесного хозяйства предписал мне, как владельцу этого участка, предпринять срочные меры для предотвращения селей, которые грозили смыть расположенную внизу, в долине, асфальтированную дорогу. Эти срочные действия оценивались примерно в 1,3 млн. шиллингов (почти 94 000 евро).

Это означало — убрать дорогу и нести все расходы за её строительство и демонтаж. Я не мог принять это.

Ситуация была очень тяжёлой. Были подключены многие эксперты, которые сошлись во мнении, что при проектировании была допущена грубейшая ошибка. Вырисовывалась безвыходная ситуация. Я был вынужден потребовать возмещения убытков в округе Зальцбург, только так я мог оттянуть время и избежать этих мероприятий.

Разбирательство с Землёй Зальцбург прошло через все инстанции и растянулось на многие годы. В конце концов, моё заявление отклонили, утверждая, что с этим иском я должен обратиться в министерство. Только Высший Венский суд встал на мою сторону.

Сколько это потребовало от меня энергии, нервов и времени, описать невозможно. Сколько встреч с экспертами, судебных собеседований, высокий финансовый риск — всё это для меня, горного крестьянина, было напряжением сверх всякой нормы. Особенно сильно я чувствовал протест чиновников против меня независимо от их уровня на лестнице власти, ведь мой процесс был против государственных структур.

Высший Венский суд постановил: дорогу перестроить так, как я хотел в самом начале. Расходы в размере 3 млн. шиллингов (218 тыс. евро) должна была выплатить Земля Зальцбург.

Все эти годы я должен был нести ответственность за оползни. При помощи экскаватора-паука я протянул по всему этому крутому склону рвы-ловушки, которые я позже мог перестроить в террасы и тротуары, но сначала эти рвы могли защитить долину от падающих камней. Все эти действия, как выяснилось

позже, оправдали себя наилучшим образом. Но даже против этих защитных мероприятий снова выступил геолог доктор Браун-Штингель, предложив построить в долине огромный улавливающий бассейн, который нанёс бы ущерб всему ландшафту долины и был бы по затратам для меня не приемлемым.

Чиновники не знакомы с практикой

Из своего опыта я понял — чиновники очень мало обращают внимания на практический опыт. Моё впечатление, что эти господа, напичканные теоретическими знаниями в университетах, хотят нам свою «школьную мудрость» навязать независимо от затрат.

Это абсолютно неправильное отношение к природе. Часто их решения с экологической точки зрения не продуманы, а с экономической бессмысленны. Мои же мероприятия, напротив, очень эффективны, и до сегодняшнего дня доказывают, что были абсолютно правильными. Однако лесничество объявило эти эффективные мероприятия опустошением лесных массивов и завело процесс против меня. Они обвиняли меня в использовании лесной почвы, на которую я не имел права, и заставили меня платить штраф в размере 30 000 шиллингов (2180 евро), плюс судебные издержки. Я опротестовал такое решение и опять пошёл по инстанциям. Административный суд меня оправдал и нашёл грубые процессуальные ошибки властей. После завершения суда я получил назад весь выплаченный мной штраф.

Позже против меня ещё много раз заводились штрафные процессы касательно переделки докупленных земельных участков, выкорчёвывания.

Пройдя через всё это, я смог всё же добиться признания моего способа ведения агролесного хозяйства как — пермакультура Хольцера.

Бессмысленные предписания, как вести хозяйство с загонами для диких животных

Реванш властей с этим случаем был далеко не закончен. Мне предстояло пройти целый ряд различных проверок. Проверяли, к примеру, пруды и загоны.

Во время судебного процесса касательно загонов Земля Зальцбург не скупилась на расходы — эксперты, юристы и даже целая комиссия выступали против меня. Для меня это было просто издевательством. Даже мои подростковые дети обратили внимание на доктора «лакированный башмак», так они его называли, — юриста от Земельного правительства, когда он появлялся. Выходя из машины, он всегда переобувал свои шикарные лакированные башмаки и надевал сапоги. А когда мы сходили с насыпной дороги, он обувал горные ботинки. Это процедура с переобуванием всякий раз длилась до получаса.

Какими далёкими от практики и чуждыми являются чиновничьи требования, показывают предписания экспертов в отношении вольеров и ухода за жи-

вотными: я должен был построить места, дающие тень; бросать ветки для игры; места для кормления забетонировать или, как минимум, регулярно дезинфицировать формалином.

Но когда загон составляет 30 га и почти на 2/3 густо зарос кустарником и деревьями так, что животных редко можно увидеть, тогда сразу видна бессмысленность таких требований. Места кормёжки я и без того менял постоянно, что естественным способом уменьшает риск переноса паразитов. Эксперт обязал меня два раза в год при помощи медикаментов лечить животных от паразитов. В связи с тем, что я регулярно перевожу животных в новые загоны, мне удается содержать животных без паразитов — это подтверждает ежегодный контроль ветеринаров.

Применение высокоядовитого формалина, вызывающего развитие рака, для меня теперь не вопрос. Я так удивлялся мероприятиям, которые налагали на меня чиновники, что спрашивал себя, не карнавальная ли это шутка? Однако мне ответили, что я должен следовать предписаниям. Эти бессмысленные теоретические советы я, конечно же, не принимал всерьёз и не думал следовать им.

Из приведённого ниже отрывка экспертизы ветеринарно-экологической охотничьей комиссии из министерства Земли Зальцбург, от 7 декабря 1995 года, видно, как далеко зашли требования. «[...] 9. Зимой звери должны быть обеспечены в достаточном количестве водой гигиенически хорошего качества (природный источник или поилка) и необходимым этому виду животных питанием. Животные должны иметь возможность в любое время подойти к соленым камням. Кормежка должна происходить ежедневно, по возможности в одно и то же время. Избегать резкой смены состава корма, ширина кормушки для косуль 35 см, для оленей 60 см. Одиночные места кормёжки, стог сена и соленые камни должны находиться на расстоянии не менее 6 метров друг от друга и быть защищенными от солнца, снега и дождя. Земля вокруг кормушек должна быть из влагопропускающего гравия или легко очищающегося бетона. Чистка и дезинфекция кормушек минимум 2 раза в год через две недели после лечения животных от паразитов.

10. Лечение от паразитов производится два раза в год (весной и осенью) после лабораторного обследования кала на содержание паразитов.

11. Во время зимних месяцев в различных местах загона для обгладывания коры, игры и почёсывания должны быть выложены деревья».

Последний неоконченный процесс

В конце 90-х я арендовал на 30 лет у соседей, Гюнтера и Мариэллы Ангерманн, 5 га земли, граничащие с Риберном. Эти пахотные земли использовались в последнее время для выпаса баранов и свиней. Так как соседи тянутся к природе и поддерживают мою работу, впечатленные тем, что за короткий срок у меня всё так хорошо выросло, они сами предложили свой участок под перма-

культуру на долгие годы. Сразу же после подписания договора я начал обустройство, нужно было исправить разрытое свиньями и восстановить дренажную систему. С помощью двух экскаваторов эту работу можно было сделать за несколько дней.

После всего, пережитого мной, и всех «хороших» предписаний властей я уже не любопытствовал и, опасаясь оползней, сделал эту работу за выходные. Шустрые экскаваторщики работали даже ночью с прожекторами.

Утром в понедельник, в 9.00, когда я загружал саженцами и семенами трактор, меня начала штурмовать группа представителей власти вместе с бургомистром. Как только они появились на моем участке, я сразу понял, что они настроены против меня. Геолог опять потребовал от меня построить селезащитный бассейн из речных тяжёлых камней на этих 5 га, где было достаточно места для него.

Мы стояли на вершине участка, на улучшенной топи размером 12 м кв. и до 60 см глубиной. Когда руководитель переговоров Герхардт Ортнер увидел это, он закричал на меня:

— Теперь вам не сносить головы, вы еще и пруд здесь построили! Это же бомба замедленного действия, я буду звонить в прокуратуру!

Достал мобильный телефон и начал звонить, присутствующие эксперты стали поддерживать его.

Переговоры были перенесены в Тамсверг. На следующий день появились жандармы с экспертом Вальтером Рорингером. Целый день эти незваные гости ходили по участку, записывая нарушения. Вертолёт из министерства дополнительно делал фотографии с воздуха. Они решили массированно, всеми возможными средствами напасть на меня.

Какую выбрать дорогу? Я знал одного эксперта в звании дворового советника, дипломированного инженера доктора Кинбергера. Он обладал настоящим пониманием вещей. Было общеизвестно, что он работал по миру там, где другим не хватало опыта, и был признанным экспертом по механике грунтов. Я попросил его сделать заключение и высказать своё мнение. После своей оценки он сказал мне дословно следующее:

— Г-н Хольцер, оставьте всё как есть, ничего не случится. Я был бы рад, если бы все обходились с землёй, как вы. Моё мнение: к сожалению, власти посылают всегда некомпетентных оценщиков. Опытный эксперт определит с первого же взгляда, произойдёт что-нибудь или нет. Государственный геолог, не изучивший этого на практике, не должен привлекаться к данному делу.

Так как власти не вернулись ко мне с первоначальными обвинениями, был заведён штрафной процесс властями заповедника. Они рассматривали мою работу как изменение культуры из луговой в пермакультуру, для этого по Зальцбургскому Закону «Защиты природы», имея 5 000 м кв., необходимо было иметь разрешение, и требовали от меня вернуть всё на свои места. Мне было

непонятно, как Зальцбургская адвокатура заповедника, не видя проведённых работ, подключилась к этому?

Ответственному за все эти процессы областному лесному инспектору Тамсвега Бонимайеру я говорил о том, что его интерпретация закона сомнительна и далека от практики. На что он сухо отвечал, чтобы я жаловался политикам, а он лишь — исполнитель. Между тем прошло много лет, а на участке никаких ЧП не произошло, даже, наоборот, уже в первые годы овощная страна пышно разрослась и пермакультура хорошо развилась.

Этот проект много раз был снят на пленку; немцы, итальянцы, англичане и даже японцы посылали съёмочные группы и снимали фильмы. Есть собственное видео под названием «Террасы, гряды и ведение агролесного хозяйства», которое можно приобрести у нас на сайте.

Три заведённых против меня штрафных процесса, а также и этот случай были, к моему удивлению, 28 февраля 2002 года так называемым Независимым Сенатом Земли Зальцбург благополучно закрыты. Это было сюрпризом для меня, потому что раньше меня оправдывали только в Высшем Суде. И всё же заведённые на меня дела, с огромными материальными затратами на жандармов, аэросъёмку и т. д., были закрыты из-за срока давности.

Моя стратегия защиты

Из огромного опыта взаимодействия с властями я сделал для себя вывод: обходить эти места — вместо того, чтобы с ними кооперироваться. Я хочу обосновать своё решение. Идеально, если бы граждане и власти смогли кооперироваться. По моему мнению, Закон служит гражданам, при этом чиновники должны осуществлять консультирующую и служащую функции. Правда, это редко происходит, и для меня лучше — чиновникам не доверять и дать им первыми сделать ошибку. Пример: во время одного судебного процесса ко мне пришёл чиновник, чтобы осмотреть со мной вместе участки леса. Я предполагал, что он пришёл с целью только подтвердить заключения коллег и друзей из первой инстанции, и не пошёл с ним. Он спросил, когда и что я высадил на участке. Я перечислил ему целый перечень лиственных и хвойных деревьев, а также кустарников, в том числе и их ботанические названия. Господин всё в точности записал. Целый день он ходил один по участку, делал множество фотографий и в своём заключении пришёл к выводу, что достаточно ограниченного количества конкретных лесных пород деревьев, чтобы признать этот участок по закону — лесом. Причина же этой заварушки была в том, что по «Лесному Закону» я не имел права вносить изменения в участок леса, при этом мне запрещалось хозяйствование с целью возделывания пермакультуры.

Выражая своё мнение по поводу решения комиссии, на слушании этого дела я сказал, что эксперт ошибается, когда говорит, что у меня встречаются *Sorbus aucuparia* (рябина обыкновенная), *Sorbus domestica* (рябина домашняя)

или *Juglans nigra* (черный грецкий орех) и т. д. Я также сообщил властям, что эксперт, возможно, заблудился и зашёл на участок к соседу, где и провёл осмотр, ведь на моём участке все эти сорта не растут. По правде говоря, у меня имеются в лесу плодовые деревья, а по закону высадка плодовых деревьев в лесу запрещена, считается, что это опустошение леса, соответственно — использование угодий не по назначению. На некоторых деревьях ещё находились сортовые этикетки, и эксперт при обходе аккуратно их переписал. Он утверждал, что я действую против закона и использую эти территории в садовых целях.

Я выступил против этого аргумента и сказал, что эти флажки-этикетки служат для отпугивания дичи. На некоторых деревьях висит даже множество этикеток с надписями различных сортов плодовых культур. Я высказал опасение, что эксперт не только не может читать план, но и распознать сорта деревьев. Таким образом я мог растянуть процесс во времени.

Так в трёх случаях штрафные преследования против меня были закрыты уже во второй инстанции, и преследования Окружного суда Тамсвега не принесли плодов, так как вышестоящая инстанция — Сенат, закрыла все три случая за давностью лет.

Между тем надоедливого чиновника перевели, а с его преемником мы нашли общую основу для разговора, и этот процесс закончился для меня благополучно.

Проблема с налогами

До того дня, как я выкупил Рибернский участок у государства, он был большей частью непродуктивный, каменистый, и только часть его была лесным заповедником. Для хозяйствования на таких участках заповедника обычно предоставляются общественные средства. Благодаря моей перестройке — озеленению и террасированию, камни больше не скатываются в долину, что раньше часто происходило. И я не ставлю заявлений на премию за содержание заповедного леса.

Культуры на новом участке развились особенно хорошо, не нужные раньше камни и скалы я смог использовать как «кафельную печь» — так называемые накопители тепла для особенно теплолюбивых растений и деревьев, таких, как каштаны, абрикосы, персики и грецкий орех. Это пышное цветение министерство финансов не оставило незамеченным. Журналисты, которые подключались к экскурсиям, парили в своих репортажах над райским ландшафтом здесь, в Краметерхофе, что также привлекло внимание финансовых органов. В 1998 году пришёл внеочередной перерасчёт единого показателя, по которому вычислялись сдача сельхозпродукции, налоги, а также социальная страховка.

Эксперты из налоговой службы взяли под скрупулёзный осмотр мой способ хозяйствования и оценивали его по продуктивности. Они определили, что участок, благодаря террасам и дорогам, намного легче обрабатывается, и, к

тому же, урожайность здесь намного выше. Теперь этот участок из непродуктивного стал садоводческим. Поэтому единый показатель повысился с 24 000 (1 744 евро), со всего хозяйства, до 247 000 шиллингов (17 950 евро) — больше чем в десять раз. Так как я провожу семинары, доклады и консультации — это род моей деятельности, и он облагается налогом как предприятие сферы услуг. Так, будучи горным крестьянином и предпринимателем сферы услуг, я должен в полной мере оплачивать предпринимательские налоги.

Наложённая на меня налоговая нагрузка, по-моему, завышена. Не оставляет сомнений, что мой способ хозяйствования — Хольцеровская пермакультура, в действительности экологичен и экономически более выгоден, чем традиционный вид хозяйствования.

Взгляд чиновника

Арно Ваттек долгое время был шефом Областной Лесной Комиссии Тамсвега. Из-за него мне приходилось преодолевать много проблем. Одна из них — судебный процесс, описанный мной раньше, по делу директора, который, не имея охотничьего билета, охотился у меня на косулю.

На одном из собраний по поводу повышения Ваттека и присвоения ему титула придворного советника (в то время я представлял интересы крестьян в Областной Крестьянской Палате Тамсвега) зачитывались все заслуги новоиспечённого придворного советника. Во мне поднялась горечь, которую я не хотел скрывать. Этот господин не раз делал мою жизнь тяжёлой. Я уже ждал, когда подойдёт моя очередь выступать, чтобы открыто высказать свою точку зрения о его работе.

Сидящий напротив меня, он, я думаю, прочитал по моему лицу, что сейчас будет, и попросил слова. Я был вынужден отложить своё нападение. К моему удивлению, он рассказал, что в ходе своей службы был часто несправедлив ко мне, и просит за это прощение, а в заключение спросил, хочу ли я высказаться? Я был ошеломлён. Своим выступлением Арно Ваттек в самый последний момент забрал весь ветер из моих парусов. Мы пожали друг другу руку, и на этом тёмная страница истории была закрыта. Его высказывание, что на него оказывали большое давление, долго не давало мне покоя.

В 2001 году Ваттек вместе с сыном и шурином записался на однодневную экскурсию, на которой также присутствовало 58 человек. Стоя перед изменённым участком леса, я подробно рассказывал, как и что переделывал. Арно попросил разрешение сказать пару слов. Он объяснил присутствующим, что был тем чиновником, который преследовал и несправедливо ко мне относился. Он хорошо знал мой участок и удивлялся, как всё развилось. Он высказал надежду, что моя работа будет лучше понята и поддержана, и поздравил меня с большим успехом. Участники экскурсии были озадачены, и спрашивали, как он справился с несправедливостью в себе.

Перед Арно Ваттеком сегодня я снимаю шляпу, потому что он через свой благородный поступок показал мужество, признав свои ошибки, и открыто выступил в радиопередаче в апреле 2002 года, еще раз извиняясь передо мной. Многие могут взять это себе в пример, так из врагов могут появиться друзья. Другие, оказывавшие давление на власти, а значит, и на меня, не имеют этой человеческой высоты, им не хватает мужества извиниться, но я замечаю, как они, окольными путями, при моих докладах радостно и восторженно хлопают мне в ладоши. Так могут изменяться время и люди. Из-за большого интереса к этой радиопередаче был выпущен CD, который можно приобрести у меня.

Мой опыт работы в Палате Советов и Сельсовете

Мой хороший знакомый, депутат Парламента, вице-бургомистр Отмар Бруннер часто посещал Краметерхоф, когда были ещё парк с дикими зверьями и гостиница. Он был тем, кто в длинных вечерних беседах уговорил меня записаться в кандидаты в Сельскохозяйственную Палату и областную Крестьянскую Палату. Тогда я не воспринимал это всерьез. Ещё не было Палаты Советов в районе. В тайне мне это дело не было неприятным, я чувствовал, что есть шанс в нашем профессиональном представительстве сделать что-то, чтобы восторжествовала справедливость.

Бывшее тогда «красное правительство» и «красный» министр сельского хозяйства внушали веру, что мои шансы не безнадёжны.

Для меня было большим сюрпризом то, что на выборах я получил мандат. Такого никто не ожидал, а насколько это будет тяжело, я тогда даже не предполагал, но было понятно одно: крестьяне из Лунгау очень хорошо приняли меня. Теперь я мог широко применять свой опыт: от одного человека до аграрного товарищества, всюду, где просили меня о помощи, в основном, это были крестьяне, просившие представить их интересы в администрации или в гражданских делах. Эта деятельность, на общественных началах, стала постепенно занимать у меня всё больше времени, так, что уже не хватало времени на собственное хозяйство.

Неприятный случай произошёл на одном собрании, когда в повестке дня «возможное» я сообщал о своём успехе в разведении лесных грибов. После того, как мне впервые удалось культивировать на моих опытных участках лисички обыкновенные, мне захотелось рассказать об этом на собрании. Я сам был несказанно счастлив успешностью разведения, однако реакцией на моё выступление было покачивание головами моих коллег, а секретарь Палаты, дипломированный инженер Ёханн Бруннауэр спросил, не собирал ли я эти грибы в лесу, и кто их будет у меня покупать? После чего послышался иронический смех в зале. Для меня разведение лисичек было большим достижением, я был удивлён, что меня не понимали. Тогда я подумал, что пока узколюбые и удалившиеся от природы, имеющие право голоса, находящиеся под давлением аграр-

ной индустрии и товариществ, будут консультантами и представителями интересов крестьян, до тех пор не будут продвинуты экологические новшества в сельском хозяйстве. Послушав интервью с господином Бруннауэром, сидящим теперь в Зальцбурге членом Высшего Совета Народнохозяйственной Палаты, где ему задавали вопросы обо мне, я понял, что он и до сегодняшнего дня ничему не научился.

Многие процессы и дела с моей помощью заканчивались для крестьян успешно. Очень скоро я перестал быть «белой вороной», а стал уважаемым представителем. Крестьяне быстро осознали преимущества, когда на заседаниях сидят их представители от всех партий. Моя работа сводилась к представлению интересов крестьян и никогда — интересов партии. Многим коллегам, находящимся в финансовых затруднениях, я смог помочь через министра сельского хозяйства. Крестьяне были благодарны мне за это, только так я могу объяснить свой успех в последующих двух выборах.

Через 15 лет я закончил свою работу в Палате, сдал мандат члена партии. Одновременно с этим я 10 лет был представителем в Сельсовете Рамингштайна, где решалось не меньше проблем, чем в Палате.

Сегодня меня уже ничто не может так легко вывести из спокойствия, после всего, что мне пришлось пережить, пока я был представителем от крестьян.

Различные интерпретации «Лесного Закона»

Насколько по-разному можно трактовать закон, видно из моего опыта в Тироле. При консультации в Куфштайне я предложил перестроить тридцатилетний ёлочный лес. Для этого было необходимо вырубить небольшие участки леса и на освободившейся территории высадить редкие ценные породы лиственных или диких плодовых деревьев. Так как ёлки были уже достаточно большими, потребовался экскаватор, чтобы выкопать корни. Для обхода участка хозяин пригласил инспекторов леса. Эти господа были абсолютно согласны со мной и сказали хозяину, чтобы он выставил счёт за выкорчеванные деревья областной инспекции — такие мероприятия финансируются местным правительством, ведь речь идёт о Тироле — лесной жемчужине. Я не мог поверить своим ушам, как благосклонно к крестьянам применяют тирольцы «Лесной Закон».

У меня, в Зальцбурге, ситуация совершенно иная. За высадку растений и восстановление природы власти преследуют меня как за опустошение леса, что влечёт за собой длительные судебные тяжбы.

Даже самое простое — высевание первородных зерновых в лесную почву, по словам Бонимайера из высшего Лесного Совета Зальцбурга, чуждо лесу, и по закону это факт опустошения.

Должен заметить, что лесная почва для высевания первородных злаков не должна быть вспахана. Где здесь опустошение, мне не совсем ясно,

с моей точки зрения, почва только улучшается из-за высева первородного зерна в смешанной культуре, и никогда не подвергается опасности опустошения. Жизнь в почве активизируется, и часто лесные кислые почвы оздоравливаются, увеличивается способность накапливать воду, следовательно — обмен и выработка питательных веществ, все это для хвойного леса будет только полезным. Дополнительно позитивный аспект — в лесу появляется избыток корма.

Благодаря таким мероприятиям увеличивается содержание влаги в лесной почве, что для меня является основным в здоровом хозяйствовании в лесу. Здоровая почва имеет большую способность к накоплению воды, чем дегенеративная. Это балансируется выбросом воды из источников, так можно предотвратить такие катастрофы, как сель и наводнения, ведь здоровые деревья с сильными корнями мешают этому. Соответственно, разнообразие растительности и смешанные виды деревьев страхуют склоны, накапливают воду и держат почву лучше, чем елочная монокультура. И то, что лесничество в этом случае все равно говорит об опустошении леса, где воздействие является как раз противоположным, мне просто непонятно.

Судебный процесс из-за мельницы

Другой пример показывает общую проблематику с ведением лесного хозяйства, здесь особенно чётко видно, как «Лесной Закон», в 1975 году, интерпретировался против частной собственности.

С годами я постоянно расширял Краметерхоф, покупая различные участки. У соседа Изидора Лёкера я купил два участка с прудом и развалившейся мельницей. Я хотел отремонтировать и запустить её. Чтобы сооружение могло лучше функционировать, я купил у другого соседа, Леонхарда Ценера, участок 400 м кв., прилегающий к пруду и заросший кустарником, на который и вывалил весь ил со дна пруда экскаватором. Таким образом я сразу же отремонтировал мельничный пруд. Кустарники я засадил ивой и ольхой, принёс сюда корни с внесёнными спорами — для разведения столовых грибов.

Санация мельничного пруда для властей была достаточной причиной, чтобы — из-за 400 м кв. кустарника — задавать мне снова бесконечные вопросы об опустошении леса. Последовали комиссия за комиссией и судебный процесс без конца. Расходы, которые в связи с этим мне пришлось оплатить, многократно превысили стоимость приобретения участка и санации пруда. Из-за высаженных мной здесь черенков разных сортов ивы г-да Бонимайер и Хаупольтер признали это место лесом, по закону. Это противоречило моей методике хозяйствования, я мог использовать также и этот, удобренный питательным илом, маленький кусочек земли в садовых целях. Когда я обрезал саженцы ивы, меня обвинили в опустошении леса, несмотря на то, что я высаживал их как раз с обратной целью.

Было ещё много чего предпринято властями против моей практики и против моей собственности. Только годы спустя благодаря разрешению так называемого корчевания этот процесс был закончен.

Я сегодня удивляюсь, где я нашел столько энергии и выдержки, чтобы выстоять все эти раздутые процессы. Описанные мной в этой книге случаи показывают всего лишь кусочек пережитого мной. У меня на чердаке коробками хранятся акты, папки с документами проектов и планов, которых хватило бы на много книг.

Склад

Товариществом был построен склад, который должен был служить для членов товарищества и крестьян. По моему же мнению, он развился в конкурента для крестьян: к примеру, склад продавал готовые к употреблению дрова, метровые поленья из Чехии и других стран, саженцы плодовых деревьев, ягодных кустарников, а также декоративных растений. А члены товарищества остались при этом сидеть на своих дровах.

С ценообразованием на этом складе я, как крестьянин и как их профессиональный представитель, собрал негативный опыт. Маленькие частные предприятия предлагали товар намного дешевле, при этом — с прекрасной профессиональной консультацией. Из-за твердолобости и узкого взгляда некоторых менеджеров товарищества мне приходилось обращаться за правовой помощью. Которая, справедливости ради нужно сказать, всегда разрешалась для меня благополучно. Я хотел бы подробнее рассказать один пример.

Разработанное мной средство от поедания животными плодовых культур многие годы служило прекрасной защитой. Спрос разрастался, и мне не стало хватать времени для производства этого средства. В то время на складе тоже пропагандировали средство вместе с опрыскивателем для отпугивания животных. После консультации я купил большое количество этого средства и нанёс его по инструкции.

Вернувшись весной из-за границы, я сразу же отправился осматривать свои культуры и с ужасом обнаружил, что все обработанные средством деревья были объедены, всё выглядело так, будто препарат притягивал к себе животных, вместо того, чтобы отпугивать. Я, разгневанный, обратился на склад с требованием проверки и возмещения убытка. Они не хотели соглашаться и высказали мне, что это я сам виноват, применяя этот препарат для лиственных деревьев на этой высоте.

Мне не оставалось ничего другого, как обратиться к эксперту и за правовой помощью. Во второй инстанции, в Высшем Суде Линца, я получил требуемые мной 230 000 шиллингов (16 715 евро).

Проверяя это дело дальше, я пришел к выводу, что склад в Лунгау не принял во внимание предложенные производителем этого препарата курсы по обучению, так что вся ответственность ложилась не на продавцов, а на руководство склада.

Опыт с людьми

Горькое разочарование я пережил в одном банке, когда передал сотруднику банка 200 000 шиллингов (14 535 евро) наличными и ожидал квитанции. Чиновник, в это время болтая, видимо, со знакомым, сказал, что вышлет квитанцию вместе с выпиской из счета. Такие денежные операции были для меня обычным делом, я согласился и попрощался с ним.

Проверяя мои счета за год, я заметил, что эта сумма нигде не фигурирует, я тут же позвонил в банк, чтобы узнать, где мои деньги. Первым ответом было требование предоставить квитанцию. При дальнейшей проверке я выяснил, что её никто мне не выписывал и не присылал. Несмотря на тщательные поиски ни у меня дома, ни в банке её не обнаружили, а без нее я до сегодняшнего дня так и не смог получить свои деньги. Я был наказан за слепое доверие. Моя философия говорит мне, что в природе присутствует 100-процентная справедливость, которая дает мне надежду, что это разгильдяйство в один прекрасный день само раскроется.

В жизни мне пришлось столкнуться со многими проблемными случаями, моя стратегия — перемещать себя в положение пострадавшего и с этой точки зрения находить причину — подтвердила себя наилучшим образом.

Один дружелюбный крестьянин, готовый всегда прийти на помощь, мастеровой, с которым пересеклись наши пути на моём участке, рассказал мне о неразрешимых проблемах. Он поддержал своего соседа на переговорах о строительстве, при этом вызвал недовольство бургомистра и представителей властей. В дальнейшем ему пришлось сражаться по вопросу дороги с Сельсоветом, а также его давила финансовая нагрузка из-за строительства канала и дороги.

Эти разногласия дошли до того, что он в своем отчаянии дошёл до угроз, что тут же использовали против него представители властей и бургомистр. Мой друг был членом охоттоварищества Рамингштайна, заядлым охотником и лесником. Для него в одночасье рухнул мир, когда появились жандармы, прибывшие по приказу властей, чтобы конфисковать оружие. Ему грозили за его резкие высказывания обыск и препровождение в исправительное учреждение. Его уже лишили охотничьего билета, теперь ему грозило исключение из товарищества, к тому же, финансовые проблемы с Сельсоветом были непосильны. Эта кризисная ситуация отразилась, конечно же, и на семье, что было вполне естественным. Слушая его, я вспомнил о собственном горьком опыте с охот-властями. Я сразу почувствовал, что эта настоящая проблема может сломит

его. Мне было ясно, что я использую все возможности, чтобы помочь ему. Но чем мог я помочь ему?

Ситуация была тяжелой. Сначала я попросил сейчас же принести все оставшееся оружие и взрывчатку ко мне, так как он имел разрешение на проведение взрывных работ. И посоветовал обратиться с этой щекотливой ситуацией к одному человеческому адвокату, доктору Родериху Зантнеру из Тамсвега. Все принесенное моим другом я передал адвокату. Суд отнесся к нему позитивно, и, кажущаяся неразрешимой, ситуация улучшилась.

Самое важное при этом — он не должен был быть изолирован от охоты, я успокоил его и предложил ему охотиться у меня до тех пор, пока все разрешится. Мы оба понимали, что это нелегально, я сильно рисковал, разрешая охотиться человеку, лишенному оружия и охотничьего билета, но я очень хорошо знал его. Этим предложением я «выпустил пар» моему другу, ситуация стала сносной.

Спустя несколько лет всё стало хорошо, ему вернули охотничий билет и приняли в охоттоварищество. Сегодня он уже пенсионер и любим всеми, как никогда.

Наше правовое государство дает представителям власти много возможностей к действию и ограничениям, но насколько они необходимы, проверяется в редких случаях. К сожалению, слышишь или читаешь почти ежедневно о человеческих трагедиях, когда люди не видят больше света. Последствия знает каждый, затем следуют вопли. Главное — увидеть проблему заранее и вовремя ее разрешить.

Сады разнообразия: Крамтерхоф сегодня

Пермакультура — дорога для всех

На многие вопросы крестьян, занимающихся традиционным хозяйством, и констатацию: «Это можешь только ты сделать!», «Здесь на машине не проедешь», «Как ты хочешь опрыскивать и удобрять?» — я хочу сказать, во-первых, что применять машины на склонах можно только ограниченно, или вообще нельзя — это стоит дорого и не окупается; во-вторых, ни удобрение, ни опрыскивание при таком способе хозяйствования вообще не нужны — я произвожу полноценные продукты питания, а не питательные средства.

Пермакультура необходима каждому, тогда человек будет чувствовать себя, как в раю. Разнообразие даёт возможность природе, как крестьянину, работать на меня. Она везде предоставляет различные возможности, которые нужно только познать и использовать.

В традиционном сельском хозяйстве каждый является конкурентом для другого: если один имеет 100 свиней, то другой хочет иметь 200; один имеет 10 быков, другой хочет — 15; у одного трактор в 100 лошадиных сил, другому хочется — мощнее. Такая конкуренция повышает продуктивность, но продукт становится дешевле. Становится совсем плохо, когда дополнительно применяется химия, раскручивая это колесо дальше — цена на продукт ещё уменьшается. Так продукт питания деградирует в питательное средство, часто — с потерей вкусовых качеств из-за большого количества нитратов и тяжёлых металлов.

Мой способ хозяйствования — это экстенсивная работа. Собирают урожай клиенты. Людям предоставляется возможность наладить снова связь с природой и продуктом, и если они не могут производить его сами, то, как минимум, могут собрать. Люди при вкушении этих продуктов чувствуют, что они вкуснее, и ощущают себя лучше и здоровее.

Относительно шансов производства я хочу ещё сказать — важно оптимально использовать природные возможности и особенности местности. Если эскимосы на севере и негры в Африке будут сажать одни и те же растения, то они помрут с голоду. Большую ошибку в этом отношении делает сегодня европейская аграрная система, предписывая в горных районах тот же объём и те же цены, что и в благоприятных для выращивания условиях низин.

На мой взгляд, в городах имеется большой потенциал людей, ищущих дорогу обратно к природе. Им необходимо только показать, как можно простейшим способом выращивать самим овощи, фрукты и зерновые.

Благодаря селекции в Краметерхофе возникают разнообразнейшие краски и формы растений, например, у наперстянки.

Например — «Страна урожая»

В непосредственной близости к городу находчивый земледелец, к примеру, соорудит Страну урожая с высокими плоскими грядами следующим способом: с внешней стороны сооружение закрыто большим земляным валом, который служит зрительной и ветровой защитой, а также сдерживает побочные вредные вещества. Он может быть от 3 до 4 метров высотой, с одной или двумя террасами — с этих ступеней легко собирать урожай. Следуя наверх, вал может быть засажен плодовыми деревьями, ягодными кустарниками, что ещё дополнительно служит видовой и ветровой защитой. Между кустарниками и деревьями высевается смесь семян овощей вместе с другими растениями, которые способствуют их развитию. Под деревьями можно высевать плетущиеся — фасоль и горох, они обеспечивают азотом почву и, соответственно, дерево тоже, а дерево служит опорой для них. Таким образом, площадь за счёт насыпи можно увеличить.

Теперь о внутреннем содержании сооружения: здесь могут быть заложены грядки различной высоты, от 1 до 1,5 метров, и, в зависимости от материала, под углом от 40 до 70 градусов. Вверху должно быть плато примерно в 1 м шириной, между такими грядками проходят дорожки или тропинки, где с обеих сторон посетители могут собирать урожай. В нижней части дети, не наклоняясь, могут собирать редиску, а в верхней части гряды и на плато — взрослые, свои овощи и ягоды. Различные по высоте расположения грядки обеспечивают удобный сбор урожая для разных по высоте посетителей. Урожай с высокой гряды, таким образом, легко убирается сразу с двух сторон.

Люди получают необходимые указания по сборке урожая. То, что растёт на земле в проходах, не должно собираться, и может быть даже затоптано, так как в круговороте природы ничего не пропадает. Благодаря сбору урожая пораненная почва может быть без дальнейшей обработки вновь засеяна. Осенью можно свиньям дать возможность собрать остатки, а подпорченные животными грядки подправить специально переделанным инструментом и снова засеять.

Овощи, картошка, множество ягод и всевозможные плоды, а также цветы могут быть предложены посетителям.

Свиньи также могут и ровные поверхности вспахивать, к этому их можно приучить, разбрасывая зёрна кукурузы. Животные ищут зёрнышки и вспахивают землю рылом, при этом попутно убирая не любимые щавель, лебеду и чертополох. На местах, где свиньи поели травы, любящие азот, для восстановления баланса необходимо высевать вновь азотопоглощающие растения.

Есть ещё много примеров, подобно этому, пермакультура вблизи города является интересной альтернативой, в этом я убеждён.

Люпины — не только красивые растения, они переносят много азота из воздуха в землю. Это растение хорошо разрастается на плохих почвах, образует гумус и составляет ценнейшие пыльцу и нектар.

Рододендроны, азалии, черника и брусника растут с лещиной и розами в симбиозе. Растения отказываются при этом от специальной земли, удобрений (для рододендронов или роз), которые рекомендует специлитература

Пермакультура в городе

Когда мои посетители экскурсий говорят, что только я могу с успехом заниматься пермакультурой, это, на мой взгляд, не соответствует истине. Напротив, каждый житель города может так же, как я мальчишкой, благодаря высаживанию растений на балконе, во дворе и на террасе большей частью обеспечить себя плодами и овощами. Например, пара из Вены очень интересовалась на экскурсии методом нашего хозяйствования и очень сожалела, что без участка земли, только с квартирой во многоэтажке, они не могут это претворить. Кроме террасы с тремя большими бетонными корытами под открытым небом, по рассказам людей, ничего другого у них не было. Каждое корыто было 3 м длиной и 1 м шириной, а также 80 см высотой, в которых, по принятому в доме порядку, должны были расти декоративная канадская ель, можжевельник и кизильник. У стен серо-бетонной террасы ничего не росло.

Я ответил интересующимся венцам, что они имеют большие возможности для разведения в корытах овощей, ягод, также фруктов и даже грибов. Это задержало моих посетителей, и мы до позднего вечера разговаривали о возможностях засадки террасы. Я порекомендовал им старые растения и купленную для цветов землю, которую я называю европейским мусором, убрать, поднять корыта на высоту 15 см, просверлить в каждом по 3 дырки диаметром 10 см, под корыта поставить пластиковые ванны для улавливания воды.

Для разведения грибов я посоветовал моим гостям взять у меня инфицированные спорами корявые сучковатые стволы лиственных деревьев и вставить через просверленные отверстия в ванну. Стволы должны быть обложены камнями, глиняными осколками или обожжённой черепицей, чтобы вода могла лучше стекать. Теперь корыто необходимо заполнить не купленной цветочной землёй, а обычной землёй на 2/3. В эту землю я посоветовал выкидывать домашние пищевые отходы, для этого необходимо в подходящем месте иметь траву, солому или листву для прикрывания биоотходов. Ежедневно собирающаяся биологическая субстанция свежей вносится в корыто, для которой выкапываются маленькие ямки, всё смешивается с землёй и снова закапывается. Важно при засыпке земли в корыто вносить дождевых и земляных червей.

Таким способом могут быть высажены, к примеру, карликовые фруктовые деревья, плетущиеся растения, киви и виноград. Деревянные столбы служат для этих растений подпорками. Позже потребуются деревянные реечки, проволока или верёвка для поддержки плетущихся растений. Если всё хорошо развилось, то дальше можно высевать огурцы, кабачки, редиску, салат и т. д.

Мои гости приняли мои советы с восторгом и захотели сразу же претворить их в жизнь. Некоторое время я об этой семье ничего не слышал.

Однажды зазвонил телефон, и женщина взволнованно начала говорить. Она вернулась из отпуска из Италии и увидела, что её кабачки на террасе больше чем на метр выросли к соседу.

Кто использует много возможностей природы, может сам в «Австрийской Сибири», как еще моя родина Лунгау называется, собирать каштаны (съедобные).

У скалистого склона лучше всего растут тыква, кабачки и огурцы. Камни накапливают тепло, как кафельная печка.

Она хотела знать, что делать дальше. С соседом она находилась в состоянии войны и уже имела с ним дело в суде, потому что он курит сигары ежедневно на террасе, заполняя дымом при этом ее спальню и зал. Она опасалась, что сосед из-за кабачков подаст на неё в суд. Сначала я только смеялся, но она объяснила, что все достаточно серьезно. Спонтанно я ей ответил:

- У вас, как я погляжу, растения грамотнее, чем люди!
- Что вы имеете в виду, г-н Хольцер?
- Растения объединяют, и только люди, наверное, могут ругаться.

Бедная женщина не знала, что делать с частью, которая выросла к соседу. Вытащить её к себе, или обрезать, чтобы избежать скандала?

Я посоветовал ей оставить все как есть, на мой взгляд, не было причины для судебного разбирательства. Я надеялся на большее: что соседу растения понравились, иначе он их давно бы обрезал. Раз до сих пор он их не обрезал, это сигнализировало о готовности к дружбе. Я рекомендовал женщине, когда завтра утром сосед снова будет стоять с толстой сигарой на террасе, случайно выйти, с намерением поухаживать за растением, очень свободно и непринуждённо пожелать ему доброго утра и тут же снова исчезнуть в квартире. Это точно удивит соседа и заставит задуматься. Её муж должен сделать то же самое на следующий день.

Сказано — сделано. Уже на следующий день сосед поприветствовал её в ответ, сообщила мне женщина с облегчением. Стена была разрушена, и соседская дружба благодаря балконным растениям была восстановлена. Вскорости в этом блочном доме такая террасо-садовая идея была перенята многими жильцами.

В городе есть ещё много возможностей выращивать растения, стены домов служат хорошим накопителем тепла и местом для шпалер, одновременно они служат температурным регулятором для здания. Зелёная шпалеровочная стена, к тому же, создаёт микроклимат, одновременно созревают виноград или киви, один только вид такой стены притягивает. Засаженные террасы, палисадники и балконы действуют как резервуары с кислородом. Дети в городах таким образом смогут намного лучше познать природу и многому научиться.

Содержание свиней в природе

Хороших успехов я достиг в содержании выносливой расы свиней в лесу при моей форме хозяйствования. Эти животные обрабатывают рылом лесную почву, рыхлят её, когда ищут насекомых, жучков и улиток. Полевыми работами этих животных легко управлять, как уже говорилось выше, рассыпанием гороха, кукурузы, зерновых. Они обрабатывают землю в поисках пищи.

Позитивный эффект этого метода многосторонен. С одной стороны, подготавливается почва для высевания первородных зерновых, смешанных семян или для высевания лесного картофеля. С другой стороны, свиньи чувствуют себя превосходно. К тому же, животные проводят весь год под открытым небом. Таким спо-

собом можно содержать венгерскую породу свиней мангалица, хорватскую — туropolье, швабско-галийскую домашнюю свинью. Убежищем для свиней может служить большая раскидистая ель, каменный или деревянный, хорошо проветриваемый бункер, выкопанный в земле. Важно при этом, чтобы три стороны были закрыты, а открытая слегка развернута на восток. Для перекрытия достаточно плотного слоя еловых веток.

Важно, чтобы это пристанище было построено там, где свиньи с удовольствием находятся. Местами ночевки они показывают, где благоприятно себя чувствуют. Когда я был ещё молодым крестьянином, я увидел, почему это так важно. Во время перенятия мной хозяйства свиноматки стояли у нас в сарае в 12-ти разных боксах. В первом слева, сразу за дверью, свинья доставляла нам много проблем, которых мы не знали с другими. Мы обратили внимание, что эта свинья во время опороса была особенно беспокойна и постоянно изменяла гнездо, из-за этого гнездо ее было грязней, чем у других. Она наступала на своих поросят, кусала их и даже ранила. Моя мама хотела кастрировать эту свинью, откормить и зарезать.

Это не давало мне покоя, я хотел обязательно найти объяснение, почему эта красивая большая свинья вела себя так беспокойно. После некоторого раздумья я решил очень порядочное животное из последнего бокса перевести вперед, а эту «стерву», как называла её мама, вместе с поросятами на её место. Мне было интересно, как будут себя вести обе свиньи с поросятами.

К моему удивлению, с этого дня беспокойная свинья утихомирилась и стала особенно заботлива к поросётам. Гнездо больше не изменялось, было видно, что животное чувствует себя хорошо. А первоначально славная свинья теперь, в первом боксе, стала беспокойной, как прежнее животное до неё.

Чтобы избавиться от этой проблемы, я перевёл свинью с поросётами в новый сарай, после чего все свиньи были довольны и воспитывали своих поросят с большим вниманием. А передний бокс я стал использовать как складское помещение.

Я понял, что свиньи — очень чувствительные существа, особенно реагирующие на излучения земли. Наблюдения очень важны, чтобы правильно выбрать место для животных и растений. Так можно улучшить не только их самочувствие, но и повысить доход, избежать болезней и расходов на ветеринара.

Поэтому было бы здорово земляной бункер для лесных свиней устроить в том месте, где они сами выбрали место для лежанки. У нас в Лунгау, «Австрийской Сибири», зимой температура опускается до -25, -30 градусов, а правильно построенный земляной бункер и, как правило, большой слой снега дают столько тепла, что поросята даже зимой растут без проблем.

Свиньи могут использоваться для регулирования нелюбимых трав в различных культурах и садах: к примеру, популяции конского щавеля, крапивы или полыни.

Мангалица, свиньи, живущие под открытым небом, охотно принимают сооруженные укрытия.

Крепкую расу Турополье я называю обычно — мои труженики, потому что они в моих садах удобряют, пропалывают, вспахивают и боронят. Благодаря разбрасыванию гороха, фасоли я могу управлять этими работами.

Этот принцип работает следующим образом: крестьянин рассыпает горох, фасоль или кукурузу, свиньи ищут зёрна, руют землю и выкапывают при этом нежелательные растения. Если в первый раз воздействие слабое, при повторном рассыпании корма эффект может быть усилен, к тому же, свиньи поедают листья и лежащие на поверхности корешки в большинстве случаев уже пропавших растений. На эти пораненные места высеиваются семена овощей. Овощи очень хорошо разрастаются здесь, так как почва, на которой росли крапива, конский щавель, полынь, интенсивно обеспечена питательными веществами.

Я лично применяю свиней для вспашки больших территорий. Подходящим и для этих целей является фруктовый сад или огород с уже большими деревьями. У животных на таких участках появляется возможность полакомиться падалицей. В этом методе хозяйствования посредством постоянной смены загонов на освободившихся площадях высеиваются овощи и зерновые. То, что остаётся после сбора урожая, съедают свиньи, вскрывая при этом почву — так вновь начинается круговорот.

Массивное наступление коричневых слизней можно легко остановить при помощи свиней. Для этого вдоль кукурузного, овощного или тыквенного поля огораживается участок для свиней. Для надёжного огораживания животных подходит пастбищная сетка под напряжением или проволочная сетка метровой высоты.

Загороженные полосы должны быть от 8 до 10 метров шириной и любой длины. Укрытием от дождя, солнца или сильного ветра для свиней может служить старый прицеп с корытом для воды. Если свиньи ещё не знакомы со слизнями, необходимо добавить их в зерновой корм, к которому они привыкли. Так, познакомившись со слизнями, они начнут сами выискивать их в загоне. Слизни являются высококачественным белковым кормом, а чтобы не возникало проблем при кормлении, необходимо обеспечить свободный доступ к воде. Слизни же, которых привлекает в загон урина и фекалии свиней, преодолевают за ночь расстояние от 50 до 80 метров. Ранним утром свиньи начинают собирать свой завтрак.

Если такая полоска расположена между овощным и кукурузным полем, свиньям в достатке хватает корма на некоторое время. Когда закончатся слизни, животных можно целенаправленно, при помощи зерновых, использовать на вспашке земли или выгнать их в следующий загон, где их работа начинается снова, оставшийся же загон можно опять культивировать под овощи и зерновые.

Регулирование свиньями популяции слизней, по-моему, является идеальным дополнительным куском хлеба для пенсионеров или безработных. К тому же, получаешь первоклассную свинину, потом — овощи из бывших загонов для свиней, всё натуральное, и содержание животных соответствует данному виду.

Старые культурные и дикие растения

Раньше в каждой земле и каждом регионе были специфические сорта зерновых, овощных и картофеля. К сожалению, из-за интенсивного ведения сельского хозяйства с селекционными сортами и гибридными семенами многие культуры исчезли. Разнообразие сортов потеряно, снизился ассортимент растений.

В 1957 году я случайно обнаружил в охотничьем журнале объявление, в котором рекламировался русский первородный злак как корм для животных. Семенной материал был очень дорогим, и я купил тогда только 1 кг. Высеял, размножил и скрестил его.

У меня всё отлично получилось. К примеру, солома, до двух с половиной метров высотой, была жёсткой и нашла многостороннее применение: на плетение, для соломенных крыш, в технике строительства домов из глины, как материал для поделок, как наполнитель седел для лошадей, а недавно — как наполнитель для постелей. Эта длинная солома применяется даже как отвод излучений земли, когда кладётся под кровать. Более того, из этого зерна получается отличный хлеб. Это первородное зерно является многолетним. В зависимости от высоты и почвы время посева меняется, на высоте 1000 м, к примеру, — в июле, в первый год вырастает от 20 до 50 см и может быть использовано под пастбищный выгон скоту, отчего его корневая система только укрепляется. Из одного зерна выстреливает на следующий год множество стебельков с колосками. Поэтому оно не должно высеваться плотно. На второй год, после поспевания, примерно в августе, когда зерновые скашивают, жизнь культуры заканчивается. Но если в этом году ещё не поспевшее его скосить как траву, то летом третьего года можно обмолотить достаточное количество зерна.

Первородное зерно ни в коем случае не должно удобряться ни навозом, ни жидкими удобрениями. В противном случае оно рано выстрелит в колоски и сгниёт на земле.

В то же время я занимаюсь размножением семян различных сортов старых зерновых, овощей и картофеля. Разведение старых культур в высшей степени интересно. Культивация этих сортов возможна без больших затрат почти до границы леса. Посев таких сортов в смешанных культурах оправдывает себя не только у нас в Альпах, но и также в моих проектах за границей, в тропических районах центральной и южной Америки.

Исследования показали, что старые культуры содержат существенно больше полезных веществ и потому имеют большую для здоровья ценность, чем растения, традиционно разводимые сегодня.

Наша семья в мае 1990 года, слева направо: дочь Мариэтта, супруга Врони, дочь Хайделинда, я, сын Езеф Андреас, дочка Клаудия и моя мама Мария Хольцер.

Врони и я с нашими детьми. Клаудия, совсем слева, и Езеф Андреас в 1995 году.

Семейная жизнь — это важно

Активная жизнь и работа в Крамертерхофе постоянно подгоняли мою жену Врони и меня, попутно наша семья разрасталась. После нашей первой дочери Мариэтты, которая родилась в 1968 году, последовала в декабре 1969-го вторая дочь — Сильвия Вероника, к сожалению, умершая маленьким ребенком, прожив всего несколько дней. В январе 1972-го увидела свет Хайделинда. В 1974-м наша семья стала больше благодаря рождению Клаудии.

В это время, с маленькими детьми, было очень напряженно, тогда у нас были закусовая, альпийский дикий парк, гостиница, а также сады и рыбные пруды.

Мои родители, особенно бабушка, когда мы оба переняли всю работу, занимались детьми.

Я не совру, если скажу, что отец был нянечкой. Моя мама работала и без того вовсю, с раннего утра и до позднего вечера. Когда наш дедушка в 1978 году умер, вся забота о детях свалилась на бабушкины руки. Она также примерно справлялась с этой работой. Врони и я беспокоились, чтобы ей не было скучно. С рождением нашего сына Ёзефа Андреаса в мае 1981 года снова началась нянечкина забота для бабушки.

Моя мама жертвовала себя для детей, вязала на всю семью, до своего последнего дня заботилась о нашем благополучии. Она умерла в октябре 1999 года, в возрасте 85 лет, дома.

Уход в последние месяцы за тяжело больной бабушкой был для моей жены большим уроком. Для всех нас было важно дойти с мамой до последних дней и быть вместе — это облегчает умирающему и остающимся эту тяжёлую фазу и придаёт силу и надежду друг другу. Я думаю, что тем людям, которые в этой жизненной фазе не остаются в кругу семьи, чего-то не хватает.

И в этой ситуации я также пережил и понял, как важно и правильно — встать в позицию умирающего (так, как я делал в других жизненных ситуациях с природой). Смерть перестаёт быть ужасной, чувствуешь, что умирающий как будто сам забирает у себя боль.

По-моему, умерший не мёртв, я твёрдо убеждён, что живущий может даже вступить с ним в контакт, к примеру, когда о нём думаешь, соединяешься с ним. Кто не в состоянии чувствовать такой способ общения, тот много теряет. Я даже дохожу в своей вере до утверждения, что с умершим необходимо вступить в духовный контакт, если при жизни это время было упущено.

Моя философия говорит, что нет ничего мёртвого, даже камень не является мёртвым. На мой взгляд, в природе происходит постоянная циркуляция, в которой — стопроцентная справедливость, безупречность и совершенство. Из этого следует (для меня — моральная установка), что человек ни от чего не может убежать и всю свою жизнь несёт ответственность за каждый свой шаг. Это относится к каждому человеку независимо от конфессий или положения.

Для меня является чудом, что отношения между моей женой и моими родителями, после того, как вначале мой отец преодолел свой скепсис, мы пронесли через многие годы совместной жизни добрыми. Десятилетия подряд мы разделяли один дом, не было ни одного раздора между моими родителями и моей женой. Это звучит невероятно, но это чистая правда. Немного тяжелее мне самому приходилось — в решении производственных вопросов с моими родителями.

То, с какой любовью моя жена Врони ухаживала, как окружала заботой нашу бабушку, показывает мне, какая в ней потеряна первоклассная медсестра. Тут я должен сказать, что большой успех на протяжении многих лет я имел благодаря моей жене, которая к этому имеет неописуемо огромное отношение. Все тонкости с властями, множество работы, большие инвестиции, а также большое внешнее давление, которое я испытал на себе, — всё вытерпела и вынесла она на себе. Я не могу даже представить себе другую жену.

В ходе развития нашего хозяйства в последнее время экстремально повысился поток писем. Моя Врони решила пройти компьютерный курс, который закончила успешно, и сегодня отлично управляет Интернет-страницей Краметерхофа.

В ходе моих консультаций и проектов мне приходится разъезжать по всему миру, почты приходит к нам все больше и на разных языках, это побудило мою жену в возрасте 55 лет освоить курс английского языка. Что я могу ещё к этому добавить, кроме: спасибо, Врони!

Мариэтта и Хайделинда после экзамена на аттестат зрелости начали профессиональную карьеру, имеют уже собственные семьи. Живут в Зальцбурге. Клаудия изучает биологию и зоологию в Граце, чтобы стать преподавателем. Езеф Андреас посещал школу егерей в Бруке на Муре, и сейчас закончил практику. Он следит за моей работой с интересом, ездил со мной с консультациями и докладами в Бразилию.

Я счастлив, что все мои дети выказывают свой интерес к хозяйству. Я думаю, Ёзеф однажды переймёт хозяйство.

Яснее ясного, что для моей жены и меня было бы здорово, чтобы рай пермакультуры Краметерхофа велся и дальше в похожей форме хозяйствования. Мой принцип звучит так: каждый человек имеет свои собственные мозги, чтобы свою жизненную дорогу найти самому. Поэтому я не могу и не хочу, собственно, ничего предписывать моим детям.

Передавать знания дальше

В 1978 году я поехал в юго-западную Африку (в Намибию), и собирал информацию на разных фермах о разведении диких животных, каракулевых баранов и быков. Я посещал австрийцев и немцев, которые приобрели там фермы. Тогда я игрался с мыслью — из-за множества проблем с властями и налоговых

Профессор доктор Рудольф Хабисон (слева) — мой постоянный гость, охотник и рыбак, который интересовался моими спекультурами и познакомил с учеными Венского университета.

Всемирно признанный биолог, профессор Бернд Леч из Вены в рамках университетского семинара в Крамтерхофе выказал большой интерес к моей работе. По его просьбе я начал детально документировать свою работу и проводить экскурсии, семинары и доклады.

предписаний — переселиться туда. Намибия мне очень понравилась, однако политическая ситуация на тот момент была небезопасна. К тому же, я не мог уговорить моих родителей поехать со мной.

В этой первой поездке я научился очень многому благодаря обмену опытом с немецкими и австрийскими крестьянами. Возвратившись назад, я, воодушевленный, принялся за дальнейшее расширение моего хозяйства. Я интенсивно занимался различными альтернативными культурами для сельского хозяйства, аквакультурой, фруктовыми и другими спецкультурами, разведением грибов и т. д. Многие люди и, прежде всего, наши гости становились все любопытнее, и интерес к моей работе возрастал. Я был счастлив, что моя продукция всегда хорошо продавалась.

В начале 90-х годов наш постоянный гость, профессор доктор Рудольф Хабисон из Вены, особенно заинтересовался моей работой. Его бесконечные вопросы вообще-то были уже для меня почти тяжелы. В регионе же за мой способ хозяйствования меня окрестили чекнутым. В его интересе тогда я видел чистое любопытство. Я не мог до конца поверить, чтобы кто-то мог всерьез этим заинтересоваться.

Однажды Рудольф спросил, может ли он со своими знакомыми и друзьями прийти понаблюдать мою работу и подискутировать? Это будет интересно, считал он. По правде сказать, я не знал, что ответить. Рудольф назвал международно известного биолога, профессора доктора Бернда Лёча. Он тоже должен прийти. Как только я услышал эту фамилию, я уже не мог отказать.

В июне 1995 года к нам приехала группа венских профессоров и ассистентов с профессором Хабисоном. Я в стиле телеграммы рассказывал и показывал посетителям мою работу. Это вызвало большой интерес у господ. При презентации моего метода хозяйствования я заметил, что профессор Леч что-то записывает, это удивило меня.

Часто я замечал, что люди смеются за моей спиной над моими познаниями. Профессор же Лёч, напротив, выказывал большой интерес, и сразу спросил о возможности провести у нас гуманитарно-экологический семинар. Это был сюрприз, и я тут же согласился. При этом я думал, что смогу сам чему-то поучиться.

В августе того же года у нас прошёл этот семинар, на котором интенсивно обучались сотрудники университета, основательно исследуя растения и почву. В это время автобус-лаборатория стоял на нашем дворе. При первом посещении профессора Леча был также его коллега профессор Урл. Я рассказывал ему о хозяйственном круговороте в разведения рыб, где я работаю, как уже было сказано, с водяными рвами, с «детскими садами», с мелководной и глубоководной зонами и т. д., чтобы хищные и мирные рыбы могли жить вместе, и не было необходимости в искусственном кормлении. Когда я все это рассказал, профессор Урл возразил мне:

— Нет, г-н Хольцер, этого не может быть. Щука сожрет форель, а сом щуку, тогда останется один только большой сом в пруду, который потом сам помрет с голоду.

Он усмехнулся немного и не принял мои слова всерьёз — у меня было, как минимум, такое впечатление. Я же говорил всерьёз.

— Когда вы летом или осенью еще раз приедете, я смогу показать, что в действительности это может быть.

В августе, по причине семинара, профессор Урл приехал вновь. После того, как учёные стали досконально исследовать мое производство, я спросил его снова — считает ли он возможным теперь то, о чем я рассказывал в июне? Он спонтанно ответил, стоя рядом со студентами:

— Да, г-н Хольцер, это невероятно, что за жизнь существует здесь, на горе! Мы на одном квадратном метре земли насчитали 50 лягушат и тритонов, жизнь кишит. Когда они выходят, наедаются насекомыми и снова идут в воду, тогда это действительно постоянный круговорот. Такое я никогда не считал возможным.

Профессор Лёч остался с женой и дочерью после семинара ещё на один день. Он уговорил меня и мою жену задокументировать свою работу, чтобы сделать её доступной для широких слоёв населения, проводить экскурсии и семинары.

До этого момента я считал, что мои познания ничего нового для науки не несут, но он мне объяснил:

— Если вы в это верите, то имеете неверное представление о науке.

Я поверил сказанному профессором, его слово — бриллиант чистой воды, и его профессиональные знания были для меня убедительны, так что мы последовали его совету и начали предлагать экскурсии, а в дальнейшем последовали семинары и доклады, на которых и мы сегодня представляем наше хозяйство. Мои доклады и консультации с тех пор распространились на весь мир.

Высокие плоские и высокие холмистые гряды

Моя альтернативная форма ведения сельского хозяйства, которая для моего способа пермакультуры имеет большое значение, применима везде на земле, особенно в открытых, незащищенных местах, где можно связать террасирование с этажным хозяйством. Даже в тропиках оно очень хорошо себя рекомендовало.

Много лет я отводил от картофельных борозд низкие и высокие гряды, чисто по чувствам я закладывал в них листву, солому и ветки. Воздействие и успех были видны всегда, и я экспериментировал вновь. Я вторгался с грядами до

ельника и культивировал наихудшие почвы. На так называемых приграничных с лесом зонах я мог выращивать прекрасные культуры на высоких грядах.

Сначала я работал так: разрубал ветки и деревья, прежде чем их поместить под землю. В лесной почве экскаватор делал борозды примерно от 0,5 до 1 м глубиной, и перерубленные деревья вместе с луговым дерном помещались туда. В заключение грядка посыпалась мелкой землёй, если такая имелаась.

Имеющиеся камни кладутся сверху на гряды — они регулируют тепло и влагу. Именно под камнями образуется конденсат, и там же находятся дождевые черви. Черви помогают перерабатывать при этом разлагающийся внутри материал и переносить питательные вещества к растениям.

На протяжении многих лет я закладываю такие гряды и успешно использую их.

Благодаря случаю я изменил эту практику. Для того, чтобы заложить основу гряд, моя супруга и я разрубали при помощи трактора ветки кустарников и ёлок, которые должен был тут же закапывать экскаватор. Так как он работает быстрее, чем Врони и я, мы не успевали. В конце концов я сказал нетерпеливо ожидавшему нас экскаваторщику, чтобы он закапывал целиком кустарники и деревья, это не так уж плохо, если пара грядок будет немножко другой формы. Сказано — сделано!

Уже летом я заметил, что на полутораметровой по высоте гряде, где были закопаны целые кусты и еловые деревья с диаметром ствола 20-25 см, была более роскошная растительность, чем на других грядах.

При уборке урожая осенью я с высоких холмистых грядок смог собрать существенно больший урожай картофеля и овощей, чем с других. Почему это так, я скоро выяснил. На высоких грядах, с целыми деревьями, земля лежала более свободно, что и вызвало лучший рост.

При закладывании обычных грядок и сильном уплотнении порубленного материала из-за маленького доступа кислорода биосубстанция быстро скисает. При закапывании же целых стволов деревьев это происходит не так быстро. Целые деревья, вместе с ветками, в грядах более подвижны: из-за влаги и высыхания их ведёт. Из-за набухания и усадки ветки создают движение, что рыхлит землю.

В гряды я вношу субстрат с дождевыми червями собственного производства, он содержит землю, различные виды дождевых червей и их яйца.

С высокими грядами в террасовом хозяйстве можно создать маленькие климатические зоны. Однако гряды должны располагаться против ветра и использовать полное излучение солнца. Капилляры высоких гряд и террас уравнивают влагу. Так ничто не высохнет, но также и не захлебнётся. На равнинах, где существует опасность разлива или наводнения, гряды имеют большое преимущество.

По моему шоковому методу, высаженные плодовые деревья особенно хорошо растут между высокими грядками.

Эти заново заложенные грядки в бывшей еловой монокультуре будут использоваться для выращивания лесных зерновых и лесного картофеля

Высокие гряды зимой благодаря постоянному растительному покрову, симбиозу растений и микроклимату не промерзают, снег дополнительно изолирует, так что частично и зимой можно собирать овощи, например, редиску.

Между большими камнями...

.. растут большие овощи

Техника сбора воды

В моей пермакультуре вода играет главенствующую роль. Не везде есть в достаточном количестве родники и грунтовые воды, но благодаря специальным способам воду можно получить.

Простейший способ — это собрать осадковую воду с поверхности, или талые воды у подножья склона поймать и направить в пруд. Для этого существует много возможностей: к примеру, обратной стороной ковша делается широкое углубление в земле, в котором поверхностная вода ловится и открыто направляется к пруду. Также можно использовать каменный дренаж с вложенными трубами. Если лощина или дренаж будут заботливо выложены, то сельскохозяйственные культуры не будут страдать.

Ещё одна возможность — выложить террасы на склоне, которые слегка наклоняются друг к дружке. На таких площадях в Крамертерхофе дополнительно насыпаются высокие холмистые гряды. Так как террасы и гряды накапливают воду после осадков и сточные воды с необрабатываемого склона, то этот ареал действует как трёхгектарная губка. Буйный рост растений дополнительно регулирует содержание воды в почве. Таким образом сточные воды просачиваются и наполняют ниже лежащий пруд. Необходимым же условием является непроницающий пруд (как с этим справиться без плёнки, я уже писал выше).

Пройдёт год или два, пока наладится этот круговорот воды. Вода с крыш, если имеется такая возможность, может быть тоже включена в эту систему.

При подключении водяных садов к пруду с растениями, моллюсками и разными водяными улитками живности предоставляется возможность предварительно профильтровать богатую питательными веществами воду.

Отфильтрованная таким образом вода может быть использована в следующем пруду для купания.

Дождевые черви — ценнейшие сотрудники в пермакультуре

Дождевой червь является для меня важнейшим сотрудником. Он не только рыхлит и дренирует почву, но и вносит все питательные вещества, в которых нуждаются растения, в приемлемой форме, через выделения на корни. Червь питается перегнивающей органической субстанцией в почве, дополнительно поедает минеральные частички, выделяет и смешивает их с гумусом, превращая в хорошо усваиваемую растениями форму. Существуют различные виды дождевых червей: дождевой червь красноватый, наземный, или обыкновенный (выползок), дождевой червь зловонный, красный дождевой червь. Эти виды хорошо дополняют друг друга: дождевой червь красноватый выполняет тяжелейшую работу в каменистых районах и на обеднённых почвах. Красный дождевой червь, напротив, работает в очень богатых питательными вещества-

ми почвах, а также в биомассе, навозе и компосте. Другие виды червей дополняют эту работу.

Так как черви кормятся перегнивающим материалом, они заботятся о здоровье растений и почвы. Это их важное предназначение заставило меня заняться размножением дождевых червей в большом количестве. Я делаю это в теплицах, а также под открытым небом. В теплицах черви очень часто откладывают яйца, на улице — примерно 5-7 раз в году. Они очень легко размножаются, когда их помещают в большую ёмкость без дырок с гумусом и землей, листва и солома годятся как органический материал, прокладываемый между слоями земли и червями. Этот субстрат необходимо держать влажным. Появляющийся дома биомусор, к примеру, остатки нерастворимого кофе вместе с бумажным фильтром также можно внести. Важно, чтобы биомусор закапывался в землю всегда свежим, смешанным с соломой, землёй и листвой, чтобы кислород поступал в достаточном количестве. Иначе материал быстро скиснет.

Можно хорошо размножить дождевых червей, если две высокие плоские гряды будут расположены рядом друг с другом. Появляющийся биомусор ежедневно свежим выбрасывается в борозду между грядами и присыпается сверху землей, травой, соломой или листвой. В этот биомусор можно без проблем выкинуть старую шляпу, ботинки или старую рубашку из натуральных волокон, также газеты. Борозда, в зависимости от размеров домашнего хозяйства, заполняется от конца к началу.

На покрытый землей материал высеваются семена овощей. Уже в скорости здесь разрастаются красивые овощи. Дождевые черви сильно размножаются внизу, в борозде, и перекачывают в грядку. Когда борозда становится полной, гряды улучшаются этой землей, а в образовавшейся вновь борозде заново начинается компостирование и разведение червей. От обуви ничего не остаётся, кроме, быть может, резиновой подошвы, которую нужно убрать. Резиновые сапоги и не гниющий пластик для такого вида утилизации не подходят.

Преимущество такого компостирования перед обычным — оно не нуждается в поливе, а уравнивание влаги происходит благодаря высоким холмистым грядам, где плесень не может размножиться. Дождевые черви находят здесь идеальные условия, при этом сверху одновременно растут прекрасные овощи.

В противовес этому натуральному методу обычные компостные кучи — идеальное место для размножения улиток, мышей и крыс, часто образуется плесень, распространяющая неприятный запах. Даже визуально эти компостные кучи в саду не очень приятны для глаз.

Так как сейчас мы много говорим о почвах и удобрениях, я хотел бы здесь провести один маленький экскурс. В «Зальцбургских новостях» от 19 марта 2002 года было короткое сообщение под заголовком «Удобрения подожгли балкон».

Вследствие химической реакции между удобрением и землей загорелись два балкона в доме в городе Целль ам Зее, к счастью, никто не пострадал.

Если люди так далеко уходят от природы, что их участки, из-за передозировки удобрениями, становятся чистыми складами ядов, как в этом случае, когда земля уже взрывается, может там ещё что-то жить?! Как же должны себя чувствовать живущие там существа?!

В данном случае подкачала не только консультация в строительном магазине или на складе, где были куплены эти удобрения, но и хозяин, не выразивший чувств к окружающему миру.

Теперь здесь только пожарники спасут то, что еще можно спасти. Когда загорается земля — это самое подходящее время, чтобы изменить точку зрения.

Разведение муравьев — особый процесс

Будучи ещё школьником, я внимательно наблюдал за мурашами, которые строили муравейники в лесу. Прежде всего, меня очаровывали муравьиные кучи. Я часами сидел и наблюдал за их поведением. К примеру, бросалось в глаза, как семья сама образовывала маленькие отводки. Позже мне захотелось повторить это, я взял примерно от 50 до 60 литров муравьёв вместе с муравейником и перенёс на желаемое место. Не всегда у меня получалось образовать новую семью, бывало, что они переселялись с выбранного мной места и строили заново свою горку во многих метрах оттуда.

Спустя годы я нашёл причину такого поведения — муравьи выискивают место с определённым излучением от земли. Позже я пригласил специалиста, который при помощи лозы отыскивал эти места, чему со временем я научился и сам. С тех пор при разведении муравьёв у меня нет проблем.

Муравьи любят, когда в новом месте, по возможности, стоит гнилой пень. Если его там нет, то пень можно и вкопать. Идеально место для муравейника — сухое и в полутени.

Когда на высокогорье, поблизости от нас, строили лесную дорогу, на её пути стояло много муравейников. Я спросил у хозяина, могу ли я их взять, и сразу получил согласие, в противном случае они попали бы под бульдозер. Моя семья работала почти целую неделю, переносила муравейники в джутовых мешках. Мы должны были примерно полчаса нести муравьёв до трактора. Это было совсем не просто, они пролезали через мешок и расплзались по всему телу. В пластиковых мешках их нельзя было переносить, они бы задохнулись сразу. Мои дети помогали мне в этой работе, несмотря на то, что учились ещё в школе. Главное — я хотел, чтобы у них пропал страх перед этими насекомыми, и — показать, как правильно с ними обходиться. Я объяснил детям, чтобы они игнорировали щипания муравьёв, что их укусы полезны для здоровья. Дети успокоились, и прилежно помогали дальше.

Когда мы, груженные мешками, пришли к трактору, перед нами на дороге стоял человек — это был, уже хорошо известный, шеф Областной Лесной Инспекции из Тамсвега инженер Арно Ваттек. Он призвал меня к ответу, что я делаю с муравьями? Позвонили какие-то люди и сказали, что я тракторами вывожу мурашей из леса. Он спросил, буду ли я скармливать их рыбам.

Я в точности объяснил ему, что буду с ними делать. Он принял это к сведению и потребовал написать объяснительную. После того, как я доказал, что перевозил муравьев с целью разведения, убирая их с дороги, в дальнейшем не было никаких преследований.

Сегодня в моих владениях находится достаточное количество муравейников. В то время я продавал муравейники, к примеру, одному пчеловоду, для разведения в лесу.

В одном муравейнике может находиться множество маток — в нижней трети кучи, в большинстве случаев под землёй. Эти матки во время спаривания, весной, находятся в верхней трети кучи. В идеале берётся от 80 до 100 литров муравейника вместе с рабочими муравьями и маткой для отводка. Дальнейший уход за отводком очень важен, так как муравьи должны заново упорядочить и построить всю кучу, проложить сеть улиц в округе, чтобы добраться до корма. Рекомендуется поддержать их в течение примерно двух-трёх месяцев кормом (разведением сахара один к одному с водой, разбрызгивая его вокруг кучи). Кровь из бойни тоже подходит. Над муравейником я прилаживаю в основном густые сухие еловые ветки, которые втыкаю в землю, а сверху крепко связываю, чтобы дятел или другие животные не повредили его.

Красный маленький лесной муравей важен не только для здоровья леса, но и для древесных тлей (*Lachniden*, *Lecanien*) — насекомых, которые отдают излишек сока деревьев пчёлам.

Крамтерхоф сегодня

Бывшее горное крестьянское хозяйство благодаря моей радости экспериментирования постоянно расширялось и изменялось. Из первоначальных 20 га, которые я перенял от отца, сегодня — больше 40 га земли плюс арендуемые площади. То, что я начал ещё ребёнком, играючи, точнее, работа с растениями и моими маленькими садиками и прудиками, развилось сегодня в альтернативное сельскохозяйственное фермерство. Во всём этом особенно позитивным является то, что я все эти годы видел в этом хобби, а не тяжёлую работу, при этом я мог зарабатывать деньги. Получаешь удовольствие, когда имеешь радость и успех, да ещё зарабатываешь деньги. То, что не приносило радости и было бессмысленным, сразу же оставлялось мной. Прделанная при этом работа и полученный опыт всё же были важны.

Благодаря многим возможностям, которые предлагал мне Крамтерхоф, я имел постоянно много источников дохода, и у меня никогда не было достойной

конкуренции, которую можно было бы назвать. Я всегда пытался использовать актуальные разработки и приспособлять к ним управление предприятием.

Моя стратегия хозяйствования была, и есть, — вспомнить, насколько это возможно, и проанализировать прошлое, а также развитие и образование цен за последние десятилетия. Так я могу определить развитие на следующие пять, десять лет и соответственно отреагировать. Это стоящий и важный способ рассмотрения, который я каждому могу посоветовать.

Распространённый метод: в случае потери прибыли увеличить количество продукции, чтобы потери восстановить — это не верная дорога. На мой взгляд, так повышается конкуренция, а стоимость продукта уменьшается. В выигрыше остаются только торговцы, а крестьяне и природа — в проигрыше.

Сбор собственного практического опыта является большим преимуществом, на мой взгляд. Для крестьянина это лучший капитал, он даёт ему уверенность, возможность реагировать на рынок. Мой пример показывает: поднялась цена на скотину — я увеличиваю поголовье; на рыбную молодь — перемещаюсь больше на это и меньше на рыбный продукт. В растениеводстве было, и есть, точно так же. Увеличивается потребность в плодово-ягодных культурах, я расширяю мои сады; так же — с семенами и овощами. Таким образом я собрал большой опыт, и чувствую безопасность в хозяйствовании. Если какая-то отрасль не идёт, я закрываю её и одновременно «давлю на газ» в другом месте.

Оставленные производственные веточки — дикий парк и разведение диких зверей, спортивная ловля рыбы, охота, гостиница, разведение нутрии — я могу активизировать в любое время.

Я и моя семья не забыли этот опыт, и при необходимости знания можно оживить. Находящиеся в покое производственные веточки оставлены нами не из-за потери выгоды, а из-за налагаемых на нас налогов и из рабоче-экономических соображений.

Я сознательно отказываюсь от часто пропагандируемой сегодня узкой специализации, равной монокультурному хозяйствованию. Это чрезмерный предпринимательский риск, создающий только зависимость. Многосторонность, напротив, способствует несравнимо большей уверенности и жизнестойкости.

Следуя этим результатам, я сформировал своё хозяйство. От используемых в своё время лесов, полей и пашни всё равно ничего не осталось. Вместо этого — гора, покрытая террасами, с фруктовыми, ягодными, овощными культурами, целебными травами, зерновыми и цветами. Между ними — пруды, озёра и рвы с общей площадью водной поверхности — более 3 га. Вся площадь благодаря 25 км дорог, тропинок и террас может частично даже обрабатываться машинами.

То, что этот способ хозяйствования позитивно воздействует на флору и фауну на экстремальном и скудном горном ландшафте, смог научно доказать четыре года назад в своей дипломной работе Штэфан Роттер. В своем заключении он писал:

Данная работа исследует пермакультурное хозяйство Краметерхоф в Лунгау и его влияние на окружающую среду. Для этого были взяты, для сравнения, разведение свиней и садоводство в двух различных местах: террасированные площади и склоны в Краметерхофе и традиционное производство из литературы. Данные рассчитывались из расчета собранного урожая: 1000 кг плодов и 100 кг убойной свинины, учитывались и побочные продукты, насколько это было возможно. Результаты показывают, что при традиционном производстве трудозатраты значительно выше, и более высокие показатели отходов и вредных веществ. Продуктивность в плодоводстве на склонах оказалась меньшей, чем на террасированных площадях. Трудозатраты в свиноводстве в 17 раз выше, чем на свободном выгоне в Краметерхофе.

Дополнительно оценивалась производственная площадь по количеству птиц насаждений и амфибий. Многообразие птиц в Краметерхофе намного богаче, чем в богатых видами биотопах Центральной Европы. Амфибии, благодаря множеству водоёмов для метания икры, также очень многочисленны. На основе результатов исследования можно заключить, что способ производства в Краметерхофе по сравнению с традиционным намного благоприятней для окружающей среды.

Также и в других научно-исследовательских работах подтверждается высокая производительность Хольцерской пермакультуры. Похоже, время, когда меня осмеивали как чудака, осталось позади.

Сегодня люди со всего мира совершают паломничество в Краметерхоф, чтобы посмотреть нашу работу. Наш двор можно посетить с мая по октябрь, предварительно записавшись на экскурсию или семинар по телефону или через интернет — www.krameterhof.at

За последнее время наше хозяйство изменилось, из-за большого международного интереса, из производственного в учебное предприятие. Для меня сейчас не является важным продать как можно больше продукции, а по возможности сохранить как можно большее разнообразие старых диких и культурных растений. Краметерхоф должен стать своего рода живым генетическим банком для животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения.

Своей первоочередной задачей сегодня я считаю — передать мой способ хозяйствования и мою философию по возможности как можно большему количеству людей и, прежде всего, убедить тех, кто принимает решения, в необходимости передачи этого опыта.

Один из десяти срубов экологической деревни Крамтерхофа находится на Бэрэнзеельм.

Крамтерхоф сегодня.

Sehr geehrter Herr Holzer!

Ich habe die Sendung in Ö1 letzten Samstag zufällig gehört. Ich bin Biologe und in der Grundlagenforschung tätig und kann Ihre Aussagen und Konzepte aus meiner Sicht nur bestatigen. Ich freue mich, dass Sie mit solchem Elan Ihre Vorstellungen über Mischkulturmethoden vertreten, auch wenn diese nicht mit der gängigen Schulmeinung vieler Agrarwissenschaftler übereinstimmen. Es muß einfach Leute wie Sie geben, die in der Anwendung Alternativkonzepte zu unserem Monokultursystem vertreten. Sie können hier sicher mehr überzeugen als Wissenschaftler mit ihren Expertisen, die die Mehrheit der Bevölkerung sowieso nicht versteht.

Pflanzen, Tiere und Mikroorganismen konkurrieren um Ressourcen. Gerade die Vielfalt der Organismen führt aber dann zu stabilen Lebensgemeinschaften. Die Mechanismen, die dahinterstecken, sind heute noch weitgehend unbekannt. Eine bessere Kenntnis hätte enorme Bedeutung für die nachhaltige Sicherung der Ernährung. Das derzeitige Monokultursystem hat sicher zu kurzfristigen Ertragssteigerung geführt, die wir aber langfristb mit einer Vergiftung unserer Umwelt durch den immer nötiger werdenden Einsatz von Chemikalien zur Bekämpfung von Schädlingen bezahlen. Schädlinge sind Organismen, die ursprünglich aus stabilen Lebensgemeinschaften stammen und sich in landwirtschaftlichen Monokulturen erschreckend schnell vermehren können. Bereits jetzt geht weltweit ca. ein Drittel der Erträge verloren. Wo das hinführen wird, kann man heute noch kaum abschätzen. Dasselbe gilt für den hohen Mengen an Düngemitteln, die vor allem die Qualität unseres Grundwassers bedroht. In den Hochleistungsgebieten der Agrarwirtschaft wird das Geschehen aber vielfach durch internationale Konzerne bestimmt, die wie eine Mafia agieren und auch ihren Einfluss über staatliche Behörden ausüben.

Immerhin hat es in Brasilien vor dem zweiten Weltkrieg eine Landwirtschaft gegeben, in der ebenfalls Mischkulturen stark verbreitet waren. Die Produktivität konnte durch Hochleistungsmonokulturen nicht gesteigert werden, wie ein zuständiger Minister in einem Radiointerview zugegeben hat. Das Argument, das wir nur mit dem Monokultursystem überleben können, ist nicht wirklich bewiesen. Daher sind diesbezügliche Ansätze wie der Ihre enorm wichtig, die aufzeigen, dass man mit Mischkulturen auch Erfolg haben kann und dies auch eine Möglichkeit darstellt, die alte Kulturlandschaft der Alpen in ihrer Vielfalt nicht nur zu erhalten, sondern auch weiterentwickeln zu können. Mit ihren Kulturmethoden schaffen Sie Lebensräume für das Überleben einer Vielfalt von Organismen, die wir in Zukunft vielleicht einmal bitter brauchen werden. Daher hoffe ich, dass Sie viele Nachahmer finden.

In diesem Sinne wünsche ich Ihnen viel Erfolg bei Ihren Projekten!
Ihr Franz Hadaček
Institut für Botanik der Universität Wien

Бесчисленные письма, факсы и электронные сообщения со всего мира поступают к нам в Краматерхоф. Позитивные реакции радуют нас и дают силы, однако мы, к сожалению, не всегда можем ответить, по причине большого количества корреспонденции. Я хочу воспользоваться случаем и поблагодарить всех за большой интерес и признание.

Я чувствую эту задачу и охотно принимаю её. Я никогда, будучи молодым, даже в самых смелых мечтах не подумал бы, что стану заниматься деятельностью по всему миру и выступать с докладами даже в университетах.

Чтобы уделять должное внимание международному интересу, от моей супруги Врони и от меня требуется неутомимая готовность к действию. Мы выполняем нашу работу с большой радостью, это вызывает в нас приятное чувство успеха — после пережитых десятилетий борьбы и насмешек.

Мои познания пермакультуры невозможно передать за один день. Необходимо много времени для занятий. Люди могут знакомиться с нашим хозяйством и философией на протяжении всего года.

На территории Краметерхофа разбросано 10 объектов, среди которых — дом для семинаров, помещения для работы и для жилья, построенные из массивного дерева, частично в высоком стиле (с камином, сауной и подвалом). В этой так называемой экологической деревне участники семинара могут жить и работать. Возможна также самостоятельная обработка территории и прудов. Желающие могут познакомиться на практике с большим многообразием.

По моему мнению, эта модель может развиваться и дальше. Могут присоединиться крестьяне, живущие по соседству, и из других деревень. Этот первый шаг экологической деревни уже сделан.

Проект «Страна естественных природных ощущений в Лунгау»

Основная мысль этого проекта, которую я всегда стараюсь объяснить на своих консультациях, — объединение поколений.

В современном обществе я наблюдаю развитие, результатом которого является факт, что дети не имеют больше возможности жить вместе с бабушками, дедами и прадедами. Поэтому я хочу создать модели-проекты, где пожилые люди смогут объединить свои усилия с детьми. Речь идёт о том, чтобы до детей посредством игры донести старые способы труда и дать им возможность вновь вступить в контакт с природой и почвой.

Конкретный пример: в этих естественных условиях природы должна быть создана, между прочим, Детская Крестьянская Страна, где детвора, играя, будет знакомиться со всеми способами труда, а также и с опасностями в сельском хозяйстве. Никто не подходит на эту роль учителя лучше, чем собственная бабушка и прабабушка, дедушка и прадедушка. Можно задействовать также и других пожилых людей, готовых передать свой опыт дальше.

Несколько других идей: к пруду, специально сооружённому для этих целей, с островом посередине, можно сделать разные доступы, например, деревянный мост или тропинка по мелкой воде, где на расстоянии шага выкладываются камни. На острове должно быть специальное место, куда дети могут принести хворост, чтобы разжечь костёр. Так они могут изучать огонь

Садовые и полевые методы Хольцера

Основные принципы пермакультуры и агролесного хозяйства по Хольцеру не существуют сорняков, вредителей, неудобич, только люди, не способные понять мироздание и природу, борются с ней, чрезмерная популяция растений и животных, «сорняков» и вредителей происходит тогда, когда человек неверно управляет

Основное направление ветра и солнечных лучей

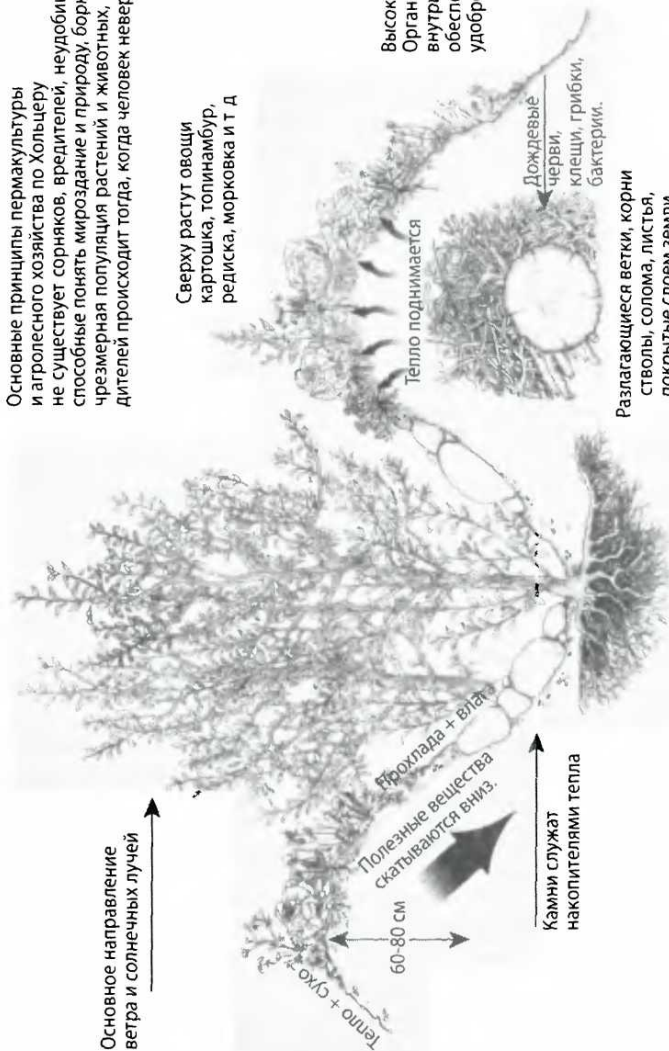
Сверху растут овощи картошка, топинамбур, редиска, морковка и т.д.

Высокая холмистая гряда
Организмы, живущие внутри гряды, обеспечивают почву удобрениями и теплом

Камни служат накопителями тепла

Разлагающиеся ветки, корни, стволы, солома, листья, покрытые слоем земли.

Влажная земля, скопление полезных веществ

и воду, под надзором бабушек и дедушек, в специально созданном для этого пространстве.

В этой Стране дети должны построить крепость, играть в песке, строить дома на деревьях, под ивами, построить туннель, заложить маленькие гряды, овощные огороды. Также можно было бы подключить и животных, чтобы молодые люди могли набираться с ними опыта. Так дети могут познавать природу позитивным способом.

Это соответствует закону сотворения — внести свой опыт в круговорот природы. Я думаю, что бабушки и дедушки чувствуют это, а имея такую возможность, они охотно передадут свой опыт.

Как это интересно, слушать или повторять что-либо, я часто испытывал в своем детстве.

— О, любопытный мальчик, он слушает глазами и ртом! — говорила моя мама.

Я сам с удовольствием слушал взрослых, и многому научился из их разговоров.

В этой Стране естественных природных ощущений, в уже подготовленных крестьянских домах или в других имеющихся зданиях, могла бы осуществляться полноценная жизнь. Своего рода жилой дом для детей и пожилых мог бы заменить одновременно детский сад и дом престарелых, причём бабушки и дедушки преподавали бы своим внукам теорию и практику обращения с жизнью и природой. Родители между тем могли бы обрабатывать в этом парке находящуюся в их распоряжении пермакультуру или выполнять другие работы.

Они могут принимать участие в воспитании детей столько, сколько хотят. Цель этого по возможности — не изолировать поколения. Для детей очень важны переживания успеха, а также «заземление» — через землю, контакт с природой и отношения с предками.

Это была бы полноценная система, которая функционирует и на практике. Люди, выросшие так, были бы самостоятельными, имеющими практический опыт и самодостаточными. Ясно одно — мир начинается с собственной семьи.

К сожалению, обращение с животными заставляет желать лучшего. Сельхозработников всячески направляют к специализации, а следовательно, на массовое содержание скота. Последствия достаточно известны: цена на продукт падает, животные страдают в тесных помещениях, из-за противоестественных условий содержания и кормления, человек грубеет и становится, массово, живодёром. Но, в конце концов, человек сам себя и наказывает. Это же не может быть содержанием и смыслом жизни! Продукты, производимые таким способом, не являются продуктами для жизни, в лучшем случае — неполноценные, от замученных творений.

Пермакультуре необходима многоплановость. Здесь существует симбиоз ореха, киви, винограда, хмеля, лаконоса, хрена и козельца.

Что такое хозяйствование не может являться для крестьянина радостным содержанием его жизни, должен почувствовать каждый, кто имеет в себе хотя бы еще искорку природной интуиции.

Только та работа, которая совершается с радостью и из внутреннего побуждения, приводит к успеху. По ощущениям — это и не работа вовсе, а, скорее, содержание и смысл жизни.

Человек, который заблудился, должен сам найти дорогу назад. Это было бы ошибкой: верить в то, что его заберут оттуда.

Также в Африке, в Южной и Центральной Америке в огромных количествах держат и откармливают скот. Для этого там, о чем еще будет сказано позже, выкорчевываются девственные и тропические леса, на месте которых, с огромными затратами, строятся оросительные сооружения для интенсивного животноводства. Животные, то есть их мясо, экспортируется большей частью в США и Европу, в то время, когда люди на окраинах больших городов голодают и прозябают. Эти безответственные, ошибочные действия, управляемые политикой и экономикой, невозможно так быстро убрать. Но мы можем на них реагировать.

С демпинговой регулировкой цен мы не можем тягаться. Кто это поймёт, может быть, вернётся к ответственной обработке земли и содержанию животных. Средства, которые выделяются Евросоюзом, должны, по моему мнению, применяться в этой области. Важно применять деньги не для специализации и интенсификации, а для консолидации, экстенсивности и экологичности. Это привело бы к оздоровлению нашей альпийской местности и к большей независимости крестьянских хозяйств.

Поэтому я хотел бы создать в Стране естественных природных ощущений своеобразный Ноев ковчег многообразия. Животные различных старых и находящихся под угрозой исчезновения домашних рас, а также старые культурные растения должны вновь обрести своё место в соответствующих биотопах. Параллельно этому можно было бы возродить потерянные знания о правильном применении продуктов и их целебных средств. Питание должно стать наконец-то лучшей медициной для человека.

Пока имеются соответствующие учителя — пожилые, опытные крестьяне, могли бы передаваться и таким образом сохраниться старые техники труда, например: как молоть муку на хлеб на водяной мельнице, мять и обрабатывать волокна льна, приготавливать костную мазь и многосторонне её применять, обрабатывать зерно, выпекать хлеб в печи, работать в копильне, а также старые способы консервирования и т. д. Для меня именно этот пункт является очень важным.

Для этого были созданы, в первой части экологической деревни Крамертерхофа, соответствующие сооружения. Копильня, приспособления для обработки льна, построена большая печь, а водяная мельница и сооружения для отжима льняного масла строятся.

Для того, чтобы произведённые старинными методами, облагороженные продукты, а также фрукты и овощи могли соответственно храниться, были построены к жилым помещениям земляные и каменные погреба.

В Стране естественных природных ощущений должна сохраниться и развиться пермакультура. Дети и старики должны иметь возможность питаться в этих садах разнообразия, собирать урожай и познавать природу. В этой форме сельского хозяйства могли бы и горожане учиться понимать природу и собирать продукты питания.

20 лет назад я бы посчитал эту мысль невозможной. Сейчас же я думаю иначе.

Это произошло, конечно же, не с сегодня на завтра, здесь тоже были необходимы рост и постепенное развитие. Где, кроме супермаркета, людям сегодня разрешено собирать плоды? Эта возможность, в лучшем случае, есть еще на плантациях монокультуры клубники или малины.

Даже в виноградниках Бургенланда или Южного Тироля самому нельзя собирать фрукты и виноград. Его там предлагают, но только в киосках. Почему не разрешить покупателю самому его собирать? Почему крестьянин должен входить в зависимость от товариществ, если он может найти другие возможности? Что управляется кооперативами, подпадает под постоянное давление цен и большую конкуренцию. Это, собственно говоря, противоречит положению свободного крестьянина.

Сад многообразия, в котором можно собирать урожай самому, от овощей до ягод и от целебных трав до цветов, напротив, предлагает многостороннюю возможность использования его на долгое время. Сажены и фрукты могли бы продаваться, дополнительно можно заложить сад для обучения и осмотра, приносящий постоянно доход, без химии и искусственных удобрений. Продукты из такого сада имеют более высокое качество для здоровья по сравнению с традиционными товарами.

С таким способом хозяйствования крестьянин имел бы несколько точек опоры. Монокультура, напротив, не может существовать без дотаций.

При закладке культур необходимо предусматривать различные биотопы и тип почвы. В Краметерхофе между самой низкой и высокой точкой разница в высоте — 400 м. Вишня и черешня в долине созревают в середине июня, а на высоте 1500 м — в конце сентября. Это даёт возможность на протяжении трёх месяцев иметь урожай вишни и черешни. Этот эффект можно еще усилить ранними и поздними сортами.

Везде, где предоставляются такие естественные возможности, необходимо ими пользоваться. Глупый человек не видит этих чудес природы, и самое большее, что он делает — жалуется.

Для природы Лунгау есть еще много дополнительных возможностей. Люди, которые тоскуют по земле, охотно согласятся взять в аренду маленькие

площади. Горожане могли бы на этих участках заложить маленькие сады или попробовать разводить полезных животных.

Если захватить дух у детей, то они и родителей потянут за собой. Поэтому стоит организовать такую деятельность для детей, чтобы их смотивировать. Важно, чтобы дети воспитывали родителей, и чтобы родители не избаловали своих детей.

Также отдельные деревья могли бы арендоваться на короткий или длительный промежуток времени. В таких, децентрализованных, садах люди могли бы восстановиться и по-новому жить друг с другом. Маленькие группы связанных с природой людей смогли бы здесь обмениваться мыслями и развивать новые идеи. Это привело бы к так называемому эффекту снежного кома.

В системе, где люди, растения и животные живут в согласии друг с другом, должно и обращение с животными становиться более дружелюбным. Чтобы животные чувствовали себя хорошо и имели надлежащий уход, я предлагаю платить ветеринару только за каждое здоровое животное. Больные животные должны приносить ему убыток. Чтобы эта система приносила пользу, необходимы интенсивная совместная работа между крестьянами и ветеринаром, а также, насколько это возможно, здоровый и надлежащий уход за животными. Ветеринар должен быть больше консультантом и меньше (только в критических случаях) выступать в роли врача. Система его гонорара должна устанавливаться дифференцированно.

При традиционной системе: корова больна — крестьянин в убытке, а врач — в прибыли. В новой системе, был бы крестьянин здоров, корова здорова, и врач мог бы гордиться своей здоровой общиной.

Ветеринар доктор Трокнер в Тамсвеге прореагировал на моё такое предложение удивлением, а после обсуждения во Врачебно-Ветеринарной Палате принял его позитивно.

Подобная система и в области обслуживания людей была бы достойна того, чтобы её добиваться.

Ухаживающие за участками могут на протяжении года заниматься следующими работами — зимой:

- * подъём на гору саночников и лыжников лошадьми;
- * скийоринг на лошадях по лесным дорогам;
- * использование воды для строительства скульптур из льда и скалолазание по льду;
- * финская сауна на дровах;
- * строительство иглу;
- * катание на санках с гор;

- * ходьба на лыжах;
- * катание на коньках, метание айсштоков по льду.

летом:

- * посещение семинаров, изучение старинных рабочих техник;
- * экскурсии в садах и в мир животных;
- * освоение непродуктивных площадей, к примеру, горных и болотистых местностей;
- * курсы гомеопатии, целительство, кинезиология, шаманство, лечение людей и животных растениями, аутогенная тренировка;
- * передача позитивных перспектив на будущее.

Я стараюсь интенсивно, на протяжении уже нескольких лет, развивать проект «Страна естественных природных ощущений в Лунгау». Первая часть — экодережня Краметерхофа, уже достаточно хорошо процветает, планируется обустройство соседних земель. Со стороны администрации требуются многочисленные необходимые разрешения, и налагаются обязательства, так что, пока всё уладится, пройдет много времени. В этом проекте должны будут участвовать около 20 фермерских хозяйств, связанных между собой окружной дорогой длиной примерно 30 км.

Проекты за границей

Проекты в Южной и Центральной Америке, в Боснии и Северной Америке

Врони и я объездили в январе и феврале 2000 года тропический лес австрийцев в Ла Гамбе и Голфито в Коста Рико. Мы посетили там курс, на котором познакомились с чудесным тропическим лесом, изучив низины (уровень моря) и высокогорный лес (до 3500 м над уровнем моря).

По поручению Католического Ордена Кларетинов я заложил в январе-феврале 2001 года пермакультурный ландшафт при детском и юношеском доме Хогарес Кларет около Меделлина (Колумбия). В этой поездке меня сопровождала съёмочная группа от ORF. Вопреки мнению экспертов, что посев во время засухи не имеет смысла, так как прорастание семян не произойдёт без полива, уже на седьмой день после высева семян эксперимент увенчался успехом. Этот чудесный результат был возможен, несмотря на засуху, отсутствие полива и в такой короткий срок, благодаря капиллярному воздействию высоких холмистых гряд.

В Рио Негро я помогал привести в исправность сооружение для водоснабжения, предназначенное для лечебницы молодых и взрослых наркоманов. В этой лечебнице живут 250 человек, на высоте 2000 м над уровнем моря.

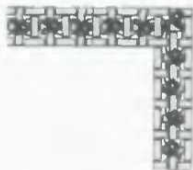
Ещё один пермакультурный ландшафт я заложил в Сан Педро де Ураба, помощниками были католические сёстры, индейцы, а также вдовы и сироты из пострадавшей после гражданской войны страны. Мне удалось найти источник воды, и мы смогли соорудить водяной сад. Последовали консультации в «горячей точке» Колумбии, там были большие проблемы с нематодами и грибковыми заболеваниями на интенсивных плантациях банановых монокультур. Позже я получил сообщение по электронной почте, что рекомендованные мной посевы смешанных культур оказали первоклассное влияние на оздоровление почвы.

От организации Защита Природы в Мюнхене меня пригласили в апреле 2001 года для консультаций в Боснию, в город Ценика. Мне поручили спланировать там маленькие пермакультурные сады для вдов и сирот.

В июне 2001 года я посетил со своей женой, по приглашению Хопи- и Чероке-индейцев, международный съезд и встречу шаманов в Монтане (США). Мы объездили Монт Хелена и Болдер. Я выступал с докладами и проводил се-

BOSNIEN UND HERZEGOWINA
ROTES KREUZ VON FEDERATION
BOSNIEN UND HERZEGOWINA
GEMEINDEORGANISATION
DES ROTEN KREUZES ZENICA

*Gemäß der Verordnung des Artikels 77 vom Statut
der Gemeindeorganisation des Roten Kreuzes
wird*

DANKESSCHREIBEN

SEPP HOLZER

RAMINGSTEIN
Keusching 13

*für die geleistete humanitäre Hilfe
den gefährdeten Bürgern der Stadt Zenica zugeteilt.
Sie haben durch Ihre Spende auf beste Weise
den Edelmut und die Humanität Ihrer Tätigkeiten gezeigt.
Den besten Dank im Namen aller jenen,
die die Hilfe erhalten haben.
In Zenica, den 08.04.2012...*

GENERALSEKRETÄR

Husein Muranović
Husein Muranović

PRÄSIDENT

dr. Mustafa Mehmedbašić
dr. Mustafa Mehmedbašić

За мою работу в Боснии и Герцеговине я получил эту благодарность от Красного Креста

По приглашению Чероке- и Хоппи-индейцев мы поехали на интернациональную встречу в Северную Америку. Я выступал с докладами, проводил семинары и консультации.

У коренных жителей Бразилии, на земле Пиауи, я нашел основы естественного хозяйствования в природе.

минары о пермакультуре, о сельскохозяйственном ведении лесного хозяйства и планировке водоёмов. В конце программы было запланировано посещение индейской резервации в Миссоула.

В ноябре 2001 года я и мой сын были на севере Бразилии, в Пиауи, для совещания и проектирования планировок. Эта земля, находящаяся на северо-востоке, является одной из беднейших в Бразилии. Столица этого региона с сухим климатом — Терезина. Большею частью местное население зарабатывает себе на жизнь, выращивая скот и фасоль. Здесь всё могло бы расти и процветать: и овощи и фрукты, однако всё завозится из соседних государств.

Более крупные фермеры, чьи владения простираются более чем на тысячу гектаров, живут тоже, в основном, за счёт выращивания скота, в частности сельское хозяйство здесь имеет много проблем из-за мясного производства. На первом месте стоят опустошение земель и вытаптывание скотом пастбищ. С целью дать хоть немного свежей травки для пасущихся коров, с одной стороны, частично уничтожается чувствительный слой гумуса, почва подвергается эрозии, с другой стороны, погибает бесчисленное количество малых живых существ — из-за частых пожаров. Последствия в будущем невозможно представить. К тому же, опасность исходит во время засухи от лесных пожаров. Огромные площади земли становятся жертвой пламени.

Целью осмотра этих территорий являлось составление точной картины экологической ситуации этого региона и разработка проекта хозяйствования, близкого к природе и учитывающего всех живых существ. Поэтому мы посетили индейскую резервацию в соседнем государстве — Маранхейо. Встреча с индейцами была потрясающей, она позволила нам познакомиться с рядом старых знаний этого народа относительно выращивания и культивирования некоторых растений. Впервые мы увидели в индейской резервации такое, забытое сегодня, растение, как маниока.

Маниока, или кассава, является основным питанием этого народа. По вкусу она напоминает сладкий картофель. В резервации её выращивают в смешанной культуре. Рис, кукурузу, фасоль, дыни, бананы и многое другое можно найти рядом с маниокой. Тропический климат предоставляет очень много возможностей для сельского хозяйства в этом регионе.

Уничтожать зелёные лёгкие земли — леса, выжиганием и предоставлять эрозии ценнейший гумус после выпаса скота — просто безответственно.

После того, как меня на лекциях и консультациях часто спрашивали, не хотел бы я свой опыт сделать доступным в виде книги, для более широкой публики, я решил посвятить зиму 2001 – 2002 гг. написанию этой книги. Правда, для этого мне пришлось приостановить два больших проекта в Камеруне и Венесуэле.

Человеческая трагедия в Колумбии

Обратим наше внимание на Колумбию. Среднегодовая температура в этой стране составляет 22 градуса по Цельсию. Для сравнения: в Лунгау — 4,5 градуса. В Южной Америке вегетативный период длится весь год, у нас, в лучшем случае, полгода.

В Колумбии, где практически всё растёт и цветёт, люди на улицах голодают. В очень короткое время мне удалось, когда я там находился, заложить на считающейся непродуктивной почве смешанную культуру из овощей, ягод и зерновых. Эксперты считали это невозможным.

Колумбия — страна, где идёт гражданская война на протяжении более чем 30 лет, а Меделлин считается опаснейшим городом мира. Более 400 убийств регистрируется здесь ежемесячно. Владельцами больших земельных участков уничтожаются большие территории девственных лесов, используемые после под пастбища, которые потом пустеют и покрываются коркой. Если бы на этих территориях высадили многообразные фруктовые деревья, они смогли бы стать «съедобным» раем, оставалось бы только следить за тем, чтобы множество тропических фруктов не падали на голову. О голоде не было бы и речи, а также о необходимости делать запасы, как у нас, так как здесь всё растёт и процветает круглый год.

При традиционном методе обработки плантаций необходимо применение химии и удобрений. Ежедневно распыскивается самолётами огромное количество ядовитых веществ, которые у нас уже давно запрещены. И даже люди, живущие и работающие на этих плантациях, попадают под распыления, не щадятся целые деревни. По моему мнению, голод в этом регионе или же в странах третьего мира вообще создан людьми. Всё выглядит так, будто бы на нужде делается хороший бизнес — там есть маленький, но очень богатый слой населения, почти отсутствует середняк, и очень много бедных людей. Тот, кто теряет работу, приговорён воровать или умереть с голоду. Зарплата, если и выплачивается, то она всё равно мизерная. Старший рабочий на банановой плантации зарабатывает в месяц, в переводе на нашу единицу, 40-50 евро. Действует право сильнейшего: убийства стоят на повестке дня, задавать вопросы опасно для жизни.

Во время моего визита в эту страну дом, в котором я жил, днём и ночью охранялся тремя полицейскими, вооружёнными автоматами, ночью я слышал выстрелы, а наутро узнал от переводчицы, что было убито много людей.

Такое положение наблюдается в Колумбии и в настоящее время, стране, которая могла бы быть раем. Было видно, что если лишить человека всякого шанса и надежды, он готов пойти на всё. При этом хватило бы всего-навсего ответственного, природного мышления, и ни одному человеку не пришлось бы умирать с голоду. И это имеет смысл для всего так называемого третьего мира.

По просьбе Католического Ордена я заложил пермакультуру для бездомных детей Меделлина.

Несмотря на мнение экспертов, что там во время засухи невозможно заставить что-то расти, уже через семь дней посаженные кукуруза и фасоль были высотой 7 см.

При естественном хозяйствовании, по-моему, можно было бы втрое больше накормить население всего мира, чтобы никто не страдал от голода. А это было бы — 18 миллиардов людей.

Гигантские гари в Бразилии

В Бразилии — похожая проблема, с той лишь разницей, что там нет гражданской войны. Как и в Колумбии, здесь нет сети социальной помощи. Кто потерял работу, должен сам позаботиться о своём выживании. Люди тысячами живут на окраинах больших городов в картонных и жестяных хижинах, без коммуникаций и водоснабжения.

Маленькие дети и младенцы часто оказываются в сточных канавах, так от них избавляются. Пройти по такому кварталу без полиции — опасно для жизни. В Бразилии насчитывается около 9 млн. беспризорных детей, которые в прямом смысле слова используются как доноры органов и т. д.

После преднамеренных пожаров сгорают десятки тысяч гектаров леса и кустарников, со всей жизнью, которая там есть. Опустошение земель пожарами практикуется в очень больших масштабах. Люди аргументируют это тем, что индейцы с давних времён выжигали леса, и это является традицией. Однако они забывают о том, что индейцы делали это на маленьких площадях, в то время как сегодня выжигаются все джунгли.

Частично устанавливаются огромные оросительные системы, где один круговой распылитель может поливать 52 га земли. На этих площадях пасётся несколько лет крупный рогатый скот, мясо которого экспортируется в Америку и Европу. Потом эти земли затвердевают, покрываются коркой, и крестьяне со своими стадами перебираются на следующие выжженные земли.

Вследствие широкомасштабных выжиганий теряется очень большое количество биомассы. Воздух ухудшается из-за дыма и углекислого газа. Намного хуже последствия от потери биомассы, так как земля, и без того бедная гумусом, больше не защищена от высыхания. Земле не хватает растительного покрова и разлагающихся остатков — листья, веток и т. д. Флора тоже обедняется из-за пожаров, так как чувствительные сорта разных диких фруктов не выдерживают огня. Только особо выносливые сорта акаций частично выживают и продолжают расти. Последствия — высохшая почва, потеря гумусного слоя из-за ветровой эрозии и осадков, а также потеря питательных веществ и способности земли накапливать влагу.

Полностью высыхают огромные площади земли. Вся растительность погибает, хотя там раньше был девственный лес. Конечно, люди и животные вторгаются на оставшиеся зелёные территории, где снова увеличивается поедание растений дикими и выпасаемыми животными. Хозяйствование методом вырубки и выжигания лесов, с разведением коз, ослов и крупнорогатого скота

Коренные жители бразильского региона Пиауи живут в примитивных хижинах из дерева и глины и чувствуют себя очень хорошо в беднейшей и самой засушливой области страны. Большая семья, состоящая из 32 человек, живущая в этой хижине, показывала мне с радостью свои смешанные культуры

Районы бедняков, так называемые «фавелас» на окраине Сео Пауло, населяют люди, изгнанные со своих земель. Они прозябают без канализации и водоснабжения, за железной проволокой неподалеку от небоскребов центра.

В Бразилии выжиганием уничтожаются огромные территории девственных лесов.

После нескольких лет интенсивного использования под пастбища и после дождя...

... плодородие почвы утрачивается, на этом месте остается голая пустыня.

разрушает всякую жизненную основу. Животные уничтожают растительность, и земля превращается в пустыню. Наличие воды уменьшается, колодцы высыхают. Из-за увеличения плотности населения и отсутствия сознательной ответственности по отношению к окружающей среде усугубляется ситуация с наличием и качеством воды.

Если знаешь, к тому же, что треть произведённой сельскохозяйственной продукции в мире всё ещё уничтожается, чтобы стабилизировать цены, в то время как люди голодают, то можно счесть наш мир сумасшедшим, или, лучше сказать, что менеджеры являются сумасшедшими.

Это ведь так просто — на этих территориях высадить множество плодовых деревьев и кустарников и использовать их для получения соков, вин и наливок, или же сухофруктов. Можно было бы обойтись без химии и удобрений. Террасовая и этажная культура была бы идеальной альтернативой, так можно было бы в тропическом климате намного повысить урожайность.

К сожалению, отношение человека к окружающей среде, к экологии в Южной и Центральной Америке оставляет желать лучшего. Огромное количество мусора вываливается на луга, поля и в лесах. Горы пластика и отходов всякого рода накапливаются и потом просто открыто сжигаются.

Плохое водоснабжение и селевая опасность в районе Меделлина

Часто в плохом состоянии находится обеспечение водой, а о специальных резервуарах для воды и колодцах говорить вообще не приходится. Во многих случаях вода, в нашем понимании, не подходит даже для скота. В Рио Негро в Колумбии я наткнулся на источник, в котором вода не пригодна даже для душа, она имела тошнотворный, протухший запах. Я настоял на том, чтобы это сооружение, обеспечивающее водой, исследовать и вместе с местными жителями частично отремонтировать для вышеупомянутого приюта для детей.

Я нашел забетонированный резервуар воды в долине, он был размером 6 x 4 метра и глубиной 3 метра. Покрытие было не надёжно, имело много дыр, так что все поверхностные воды могли собираться и стекать туда. Вокруг паслись козы, мулы и ослы. Животные отдыхали на нём с особым удовольствием, потому что здесь было прохладно.

Этот, обеспечивающий водой, накопитель меньше всего походил на резервуар для питьевой воды, а больше на отхожее место.

В первую очередь мы отремонтировали сам резервуар и перекрытие и протянули вокруг сточную канаву, чтобы сточные воды в будущем не попадали туда. Вокруг поставили хороший забор от скота. Следующим шагом были поиски источника воды. Он оказался в нескольких сотнях метров, за плотным кустарником. Эту картину, которую я там увидел, мне не забыть никогда, учиты-

вая, что ежедневно на этой воде готовится еда для 250 человек, и я там кушал и пил кофе.

Что я там увидел?

Это была дыра, своего рода открытый водоём, покрытый толстым слоем грязи, в котором кишело всё, от змей до обезьян. Когда я это увидел, меня чуть не стошнило — помёт и остатки разлагающихся животных. Это было намного хуже, чем отхожее место в резервуаре с водой.

Мне было ясно, что этот водоём необходимо привести в порядок. На этой высоте не составило бы труда сделать всё за один день. Но до этого не дошло. Ответственные лица сообщили мне, что работы, проводимые здесь, могут кого-то там спровоцировать в этом районе. Работа здесь означала смертельную опасность. Эта история была мне не понятна — ведь источник находился в ведении Товарищества, на чьём попечении был приют, и чьи-либо права при этом не затрагивались. Но я не хотел сдаваться, потому что такую воду не стал бы давать даже свиньям. Мне пришлось надавить, чтобы люди это поняли.

Вице-президент организации, переселившаяся австрийка, дала мне понять: «Здесь, в Колумбии, нет прав, не действуют договора, здесь действует закон силы». И я понял, что испытаю всю опасность на себе, если не оставлю этого дела. Она также дала мне понять, что служба безопасности, которая меня охраняет, не сможет помочь, а без защиты работа у источника невозможна. Можно легко оказаться без головы в кустах. Я не захотел рисковать, и отложил ремонт. Для меня это необъяснимо, почему местные жители до сих пор должны использовать эту грязную воду для еды и питья. Ведь ремонт был бы так прост.

Если видишь, как и без того плохая вода из приюта, смешанная с кухонными и фикальными отходами, открыто течёт в нижерасположенные районы бедняков, живущих на отвесных скалах, становится ясно, почему люди здесь мрут как мухи. Сотни семей с бесчисленным количеством детей не имеют другой воды, кроме этой клоаки. Для меня это было невыносимо, и я предложил построить растительное сооружение для очистки и строго отделить отходы и фекалии от питьевой воды. Мне ответили, что живущие внизу на склоне люди участки заняли незаконно и построили там свои хибары. Они вообще-то не заслужили лучшую воду, и сами будут нести ответственность, если с ними что-то случится.

Вторая проблема была с висящими на склоне поселениями — сели, сходящие в сезон дождей, только за прошлый год унесли жизни 240 жителей. Ничего особенного, это происходит ежегодно, сказали мне. Это последствия нелегального заселения, они сами виновны, говорили мне всё время.

Этого взгляда я вообще не разделял. Речь идёт о пострадавших в гражданской войне, изгнанных со всей земли крестьянах, а также горожанах, кото-

Для пострадавших от гражданской войны вдов и сирот в Сан Педро де Ураба (в Колумбии) я построил водяной сад вместе с грядками и в первую очередь высадил плодовые деревья

В таких бараках на окраине Меделлина живут тысячи семей, без обеспечения водой и без канализации.

Жители взрослого и детского приюта в Рио Негро (Колумбия) помогли мне отремонтировать сооружение, обеспечивающее водой.

Этот катастрофически загрязненный водоем является и до сегодняшнего дня источником для приюта. Он нуждается в специализированном ремонте, на который я не имел возможности.

рые рядом с большими городами видят больше возможности выжить. Где же ещё эти бедняки смогут найти себе место? Я так проникся этой ситуацией, что вместе с телевизионной командой ORF решил посетить этих людей. Нас предупредили, что это опасно для жизни. Приняв это к сведению, мы всё-таки отправились в путь.

На плохой почве и на крутом склоне бедняков я нашёл невероятное разнообразие растительности. Какао, бананы, овощи, кофе и целебные травы всех видов служили питанием для этих людей. Под хибарами частично люди держали кур и свиней, которые давали дополнительную возможность выжить. Об опасности для нас не было и речи, напротив, люди были дружелюбны. Мы были окружены просящими подаяния детьми.

Особую озабоченность вызывал отламывающийся склон в поселении, которое мы посетили. Была опасность, что при следующем сильном дожде сотни человек окажутся погребёнными. Я попросил телевизионную команду заснять эту ситуацию и обратился к владельцам земли и властям с предложением незамедлительно укрепить склон. Однако это не вызвало у ответственных лиц даже почёсывания.

Когда я вернулся домой, мне сообщили по телефону, что при сходе сели погибло 40 человек.

Пережитое в Меделлине оставило во мне отпечаток. Как люди умудряются выжить в таких условиях, на ворованной земле, было для меня впечатляющим. С маленьким кусочком земли и чуточкой чистой питьевой воды каждый мог бы почувствовать себя прекрасно в своём райском саду. Когда этим людям будут предоставлены огромные гари и оставленные районы, голод сразу закончится, но, к сожалению, всё находится в руках горстки владельцев земли, поэтому мои планы остаются лишь благими намерениями в будущем.

Благотворительная акция для Колумбии

С точки зрения здравомыслящего человека, безответственная политика этих стран и отношения их друг с другом так чужды природе и так далеки от какой-либо созидательной мысли, что я чувствую моральную ответственность прокричать во всеуслышание о том, что я увидел. Поэтому я сообщаю на своих семинарах людям об ужасе, пережитом мной в поездке по Южной и Центральной Америке.

После того, как был показан первый фильм о Колумбии, команда ORF и я открыли благотворительный счёт для бездомных детей Меделлина.

Эту тему я освещал в каждом моём докладе и семинаре как внутри страны, так и за её пределами. Один экскурсант из Южного Тироля — Херман Демихель, глава Католического Союза, подхватил эту проблему и экспромтом орга-

низвал выступление в Брунеке, где было пожертвовано для бездомных детей 7 000 евро, которые лежат на счету и не могут быть переданы для ремонта источника из-за вновь вспыхнувшей в Колумбии гражданской войны. Эти деньги будут использованы под моим личным присмотром, как только ситуация стабилизируется.

На счёт ORF и ответственного редактора магистра Клаудии Хефнер получено от щедрых благотворителей 14 000 евро. Гражданин из Лихтенштейна, не пожелавший назваться, пожертвовал для этой акции 7 000 евро. Эта сумма была передана наличными президенту кларетинов Отцу Габриэлю в Вене.

На выставке «Экспо-2000» в Ганновере после проверки международным экспертным жюри моя форма пермакультуры была презентована и отмечена на «отлично».

Заключение

Философия многообразия пробуждает интерес к сельскому хозяйству

Мне удаётся на семинарах и докладах пробудить снова позитивный интерес к сельскому хозяйству. Я был знаком со случаями в стране и за её пределами, когда ферму никто не хотел перенимать. Затронутые этим на экскурсиях и консультациях молодые люди сегодня снова стали больше интересоваться сельским хозяйством и перенятием ферм. По соседству, в одном большом хозяйстве, теперь даже подумали о разделе фермы, так как каждый ребенок внезапно захотел стать крестьянином.

Существует множество примеров, где совершенно не сельские жители на основании пробуждённого интереса купили заброшенные фермы и хозяйствуют по моему методу. Свежий пример: на юге Бургенланда (Австрия) одна семья старается развить ферму по-хольцеровскому концепту. После первого посещения Краметерхофа, в 1995 году, у семьи из Вены возникла глубокая потребность заняться сельским хозяйством. После интенсивных поисков нашёлся старый двор, который был перестроен с моей помощью.

В Земмеринге сложилась похожая ситуация. Также и другая венская семья после посещения Краметерхофа воодушевилась стать крестьянами. Таких примеров много в Германии, Швейцарии, Италии, в действительности нет ничего прекраснее, чем работать на земле и с почвой. Нигде нет большего, чему можно было бы научиться и прочитать, чем в книге природы.

Это счастливое чувство — пережить то, как люди, посетив нас, изменяют свою жизнь и находят дорогу назад, к природе. Крестьянская земля, по моему, принадлежит крестьянам. С одной стороны, многие сельхозработники теряют интерес к фермерству — от нехватки идей и зависимости их монокультур, с другой стороны, это хорошо, так как приходят другие люди, которые перенимают хозяйства и разносторонне используют их в созвучии с природой.

В том, что всё больше сельхозработников теряют интерес к своей работе, виноваты не одни они. Существенная часть этого убожества лежит на лоббистах, уводящих в неправильном направлении образование, которое заканчивается эксплуатацией крестьян. Крестьянин становится рабом своих владений и деградирует в виде надсмотрщика в массовом содержании животных.

Честность и прямота в общении

Я радуюсь, передавая свой опыт дальше, как позитивный, так и негативный. Жизнь становится интересней, когда люди обмениваются жизненным опы-

том. Тогда можно говорить о большем — не только о погоде, о проведённом отпуске, болезнях или автомобиле.

Меня часто спрашивают, запатентовал ли я свои идеи и свой опыт. Я сознательно уклоняюсь от этого, потому что не я один имею право на мудрость природы. А тот опыт, который я уже передал, остался во мне. Мою степень знания также нужно приписать тому, что я не храню их для себя, а передаю дальше. За это я собираю урожай признательности и благодарности, дающий мне силу и энергию. Отдача и обмен — являются круговоротом природы, поэтому патентование, с моей точки зрения, является воровством у природы.

Люди должны общаться друг с другом и обходиться не дипломатически, а честно. Только такой, открытый и честный, вид общения идёт из сердца. Ему противостоят втёсанные дипломатические способы общения и обороты речи нашего общества. Становится непереносимым, когда со мной начинают говорить академическим языком. После получаса такого общения я уже не знаю, что же хотел сказать мне собеседник.

Не жалко ли потратить такое прекрасное время на выслушивание всего этого? Днями напролёт мы должны выносить это от средств массовой информации и от политиков. Также пострадали и другие области жизни: кто может ещё читать законы, финансовые директивы, инструкции по эксплуатации своего видеомаягнитофона и других электроприборов? Это сегодняшняя индустрия бесед ведёт ежедневно пустые разговоры через радио и телевидение. Многие люди заблуждаются и тупеют, даже не замечая этого. Дети сидят перед компьютерами с играми, вместо того, чтобы быть на улице, на природе.

Природа проста и совершенна

Круговорот в природе не сложен, каждый, даже неграмотный, справится с ним. В разных уголках Земли коренные жители ведут довольную и красивую жизнь, когда их оставляют в покое миссионеры. И это несмотря на ограниченные пространства резервации.

С моей точки зрения, мироздание не знает глупых и нерассудительных существ. Это только некоторые люди, в целях собственной выгоды, пробуют приписать животных или окружающих людей к той или иной группе. Так начинаются распри, преследования и эксплуатация. Мироздание, напротив, совершенно, в нём никто не забыт. Каждый должен быть оставлен в покое, в своём пространстве, где он родился, уметь с ним обращаться, тогда он сможет жить красиво и радостно. На этот счёт стоит задуматься.

Моё послание

Во всех моих докладах и семинарах, а также в этой книге я показал только части моей жизни и опыта. Это моя визитная карточка — делать всё экспром-

том. Как мне это приходит, так я и рассказываю. В моём почти шестидесятилетнем опыте есть ещё много того, чем я могу поделиться. Лежащая перед вами книга является лишь выдержкой из моей жизни и практического опыта.

Всегда, когда я встречаюсь с людьми, а за последние годы были многие тысячи встреч, я пробую передать это важное послание. Мои ясные слова в докладах, при организации встреч в школах и университетах могут быть услышаны во всём мире. Следующее послание — что-то вроде резюме, где заключена суть этой книги.

Развивать и поддерживать крестьянство, относящееся с полной ответственностью к земле и почве, а также к существам, на ней живущим, к человеку и животным! Крестьянин должен производить продукты питания, которые смогут сохранить человека от болезней и дегенерации. Он должен производить питание для жизни, а не питательные средства, так как вся жизнь на земле имеет прирождённое право на здоровье. Этот закон природы действует для нашей земли, растений, животных и человека. Природа и жизнь функционируют только в круговороте, нет тупиков, углов и концов. Мироздание совершенно. Природа всегда права и правильна; ошибки делаем только мы, люди.

В этом смысле задача крестьян — учить бережному хозяйствованию, не следовать лоббистам, чтобы не стать отравителями почвы, воды и животных.

Познавать безграничные возможности Мироздания! В природе ты найдёшь, для любой ситуации, совет и помощь, ты должен только соединиться с ней. В тяжёлых ситуациях при принятии решения переместись в противостоящие! Ты — растение, ты — животное, ты — человек. Так ты узнаешь, что ты требуешь от других, и сможешь легче и правильнее принять решение. Освободи место в твоём мозгу, выкинь всё ненужное в мусорку, чтобы важное входило в тебя, а не пролетало мимо.

Постигать природу, а не бороться с ней! Это даёт возможность жить в кооперации, а не в конфронтации с ней. Хольцеровскую пермакультуру нужно прожить, чтобы её почувствовать и передать дальше.

Не искоренять себя из природы! В ужасающих масштабах прежде всего искореняются и отрываются от природы дети. Последствия существенно ощущаются — аллергия, отсутствие интереса, бесперспективность, злоупотребление алкоголем, наркотическая зависимость, криминалитет и насилие резко возрастают. От препятствий и проблем не нужно отстраняться, их нужно преодолевать родителям вместе с детьми. Симбиоз растительного и животного сообщества может дать хороший совет, условием, конечно, является — почувствовать его.

Не подгонять друг друга! Из-за этого люди лишаются творческой оригинальности и слепо следуют чужим идеям, как лемминги. Широкие слои населения тупеют и не замечают духовного обеднения. Увеличиваются психические проблемы и депрессии. Выкорчёванное существо не находит больше естественного питания.

Человек в основе нуждается в глубоких корнях и здоровой земле, где он может черпать силу, получить совет и помощь в любой ситуации, потерять любой страх. Страх разжигается людьми, чтобы запугать, сделать зависимыми и использовать.

Распознавать заблуждения и возвращаться! Не ждать, когда кто-то другой уберёт нас с неправильной дороги! Этого можно долго ждать.

Извиняться, если мы к кому-то были несправедливы! Иметь для этого много смелости. Собственные ошибки нужно увидеть, и не приписывать их другим. На ошибках, которые признают, учатся. Это показывает истинную сторону человека, которая полезна для обеих сторон.

Преимущество нужно давать естественным, а не натянутым дипломатическим отношениям. Мои методы ренатурации для растений, животных и людей показали мне, что нам всем не хватает чуточку естественности, человечности и правдивости в отношениях друг с другом. Мы можем обойтись и без лжи и дипломатии.

Стремиться к наполненной и целостной жизни в гармонии со всеми существами! Нет ничего в мире, с чем нужно бороться. Не только говорить о нашей матери Земле, но и соответствующе к ней относиться! В природе нет компромиссов, есть только правильная и неправильная дорога. Мы должны объяснить это нашим детям и своей жизнью показать им пример. Сердце должно стать центром, окружённое душой и направляемое духом.

Показывать гражданский кураж! Я отвергаю законы, не согласованные с природой, и не слеую им. Кто выбирает естественную дорогу и ей следует, у него сразу же появляются кратковременные проблемы, но со временем усилия оправдаются, и подтвердится правильность выбора. В гигантском чудесном мире — нашей Вселенной, существуют, слава Богу, стопроцентное совершенство и справедливость. Это также познаём мы, люди, в постоянном круговороте творения.

Поставить цель перед собой, к которой мы можем стремиться, и достичь! Моя цель — далеко идущая. Это и есть здоровая земля, на которой растения, животные и люди могли бы достойно обходиться и жить друг с другом.

Зенн Хольцер.

Правообладатель и организатор издания на русском языке
Эдуард Шек (Eduard Schock)
Тел.: + 49 (0) 7440 913261
E-mail: ecodorf@yahoo.de

Заказ книг на территории России –
Владимир Крамской и Вероника Толкачова
E-mail: sep-h@yandex.ru

Хольцер Зепп

АГРАРИЙ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Перевод с немецкого Э., А. Шек
Технический редактор Д. Ю. Зенин
Корректор С. П. Савельева
Оформление и верстка А. В. Лебедин

Подписано в печать 15.03.2008. Формат 60x84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,23.
Бумага офсетная. Печать офсетная
Дополнительный тираж 5000 экз. Заказ 1358

Издатель С. В. Зенина
302001, г. Орел, ул. Черкасская, 36-168.
Тел./факс: (4862) 75-27-46
www.orel.ru/book
book@orel.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «Труд».
302028, г. Орел, ул. Ленина, 1.

Аграрный повстанец Зепп Хольцер выращивает в своём горно-крестьянском хозяйстве в Зальцбургском Лунгау, на высоте 1500 м, киви, вишню и черешню, тыкву; в середине зимы собирает редиску, а его зерновые растут в лесу. Крамерхоф стал давно символом нового ведения сельского хозяйства. Сотни автобусов привозят интересующихся на экскурсии, а средства массовой информации подробно освещают происходящее.

Бернд Лёч.

... *«Развивать и поддерживать крестьянство, относящееся с полной ответственностью к земле и почве, а также к существам, на ней живущим, к человеку и животным! Крестьянин должен производить продукты питания, которые смогут сохранить человека от болезней и дегенерации. Он должен производить питание для жизни, а не питательные средства, так как вся жизнь на земле имеет прирождённое право на здоровье. Этот закон природы действует для нашей земли, растений, животных и человека. Природа и жизнь функционируют только в круговороте, нет тупиков, углов и концов. Мироздание совершенно. Природа всегда права и правильна; ошибки делаем только мы, люди.*

В этом смысле задача крестьян — учить бережному хозяйствованию, не следовать лоббистам, чтобы не стать отравителями почвы, воды и животных.

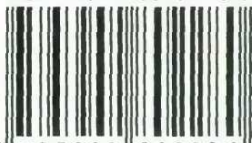
... *Извиниться, если мы к кому-то были несправедливы! Иметь для этого много смелости. Собственные ошибки нужно увидеть, и не приписывать их другим. На ошибках, которые признают, учатся. Это показывает истинную сторону человека, которая полезна для обеих сторон.*

Преимущество нужно давать естественным, а не натянутым дипломатическим отношениям. Мои методы ренатурации для растений, животных и людей показали мне, что нам всем не хватает чуточку естественности, человечности и правдивости в отношениях друг с другом. Мы можем обойтись и без лжи и дипломатии.

... *Стремиться к наполненной и целостной жизни в гармонии со всеми существами! Нет ничего в мире, с чем нужно бороться. Не только говорить о нашей матери Земле, но и соответствующе к ней относиться! В природе нет компромиссов, есть только правильная и неправильная дорога. Мы должны объяснить это нашим детям и своей жизнью показать им пример. Сердце должно стать центром, окружённое душой и направляемое духом»...*

Из послания Зеппа Хольцера людям.

ISBN 978-5-902802-28-0

9 785902 802280